

попаданец
история

Андрей Посняков

СУДЬБА ГУСАРА

Annotation

Денис Давыдов, гусар, поэт, забияка! Он пишет стихи и басни, рвется на войну, дерется на дуэлях из-за красивейших женщин... И помнит, что эта эпоха – не его!

Душа нашего современника, почти полного тезки лихого гусара, угодила в чужое тело и в чужое время... молодой человек пытается найти пути выхода, однако оказывается втянутым в неудержимый водоворот событий, не дающих опомниться.

Он совсем почувствовал себя гусаром – и стал им. Поэтом, душой компании и тем, кого называли – хват! Чувство долга властно тянет молодого человека на войну с Наполеоном, и Денис хлебнет горестей военных действий сполна. И в Восточной Пруссии, под Фридландом и Прейсиш-Эйлау, и чуть погодя, в снежных лесах Финляндии, во время русско-шведской войны...

- [Андрей Посняков](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [10](#)

Андрей Посняков

Судьба гусара

Серия «Попаданец»
Выпуск 47

© Андрей Посняков, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Глава 1

В лучах восходящего солнца сверкнула сабля. Удар, звон! Соперник подставил клинок, потянул на себя с противным, рвущим душу скрипом. Снова удар... Денис отскочил, уклонился, пропустив слева от себя разящую сверкающую смерть. И тут же ударил сам...

Снова звон, отбив... и холодная ярость в темных глазах врага. Впрочем, нет, он все ж таки не враг, этот поручик Венькин. Просто дурак. Истинный ярмарочный дурень, «ванька», относящийся к женщинам так, как деревенщина-простолюдин. Нет, ну надо ж додуматься – ударить! Пусть и пьян был в умат...

Выпад... удар... потом наотмашь, хитро – вжик! На левом запястье Дениса закровянилась тонкая полоска – царапина. Хорошо, не по венам пришелся удар. С другой, противоположной, стороны.

Темные глаза поручика сверкнули злобой... Венькин – еще тот фрукт, особых друзей в полку не имел. Вообще у него никаких друзей не было, такой уж Венькин человек. Недаром собирался переводиться в другой полк... или вообще – на статскую... Это гусар-то!

Выпад! Укол! А-а-а, вот, шалишь, не достанешь. А ну-ка эдак вот, боком... и покружить, и покружить... Ага! Заволновался... Забежали, забежали глазки! Ишь, дернулся, нелепо так, со страхом... да и устал – по всему видно – устал. Фигурою Венькин длинный, сутулый, пусть и жилистый, но дохлый. Не то что коренастый крепыш Денис!

Неужели правда – на статскую? В присутствии штаны просиживать, по Табели – губернским секретарем. Не шибко-то! В гусарах-то, чай, повеселее будет. Впрочем, Венькин по жизни унылый тип, можно даже сказать – сумрачный, с этакой подлецей...

Вот и сейчас – кружил, кружил... Выпад! Эдак хитро, с уклонением... и, гад, прямо в шею целил... Был бы Денис ростом повыше – хана! А так... присел только... упал на одно колено и – выпадом! – достал-таки. Достал!

Слышно было, как треснула ткань на синей гусарской куртке-доломане. Красивой, с высокий красным воротником и белым витым шнурами. Другая, верхняя куртка – ментик – валялась неподалеку, в траве.

Удачный выпад угодил поручику в правую руку, в предплечье... туда, куда и надо было, Денис не хотел ни убивать, ни тяжело ранить.

На рукаве доломана выступила кровь. Покрывив тонкие губы, Венькин ловко перебросил саблю в левую руку. То же самое сделал и Денис – пусть

силы буду равными. Дуэль так дуэль, все по чести.

Закусив губу, Венькин злобно зыркнул вокруг и бросился в атаку. Уже чувствовалось – из последних сил, уже не хватало ярости, и капала на траву темно-красная кровушка. Лицо поручика сделалось бледным, холеные тонкие усики задрожали... бессильно взмахнув саблей, Венькин вдруг оступился, упал, и выпавшая из ослабевшей руки сабля полетела в заросли таволги, да там и упокоилась, лишь эфес торчал, серебрился.

– Ну, все, все, господа. Кончайте!

Секундант – верный Бурцов, гуляка и рубаха-парень – подойдя сзади, похлопал Дениса по плечу:

– Кончай, кончай, ротмистр. Угомонись, хватит уже. Говорю, хватит, Васильич!

– Да я-то что? – пожав плечами, Денис искоса посмотрел на соперника. Тот уже поднялся на ноги, пошатываясь, поискал глазами саблю...

Тут подошли и другие секунданты – в синих, с белыми шнурами, доломанах и ментиках.

– Все, завязывай, парни! Венькин! Ты не слышал, что ли? Садись, перевязываться будем... Серега, давай бинты.

Разгоняя утренний мерцающе-белый туман, поднималось за деревьями солнце. Первые лучи его золотили листву высоких буков и лип, сияли на стволах молодых, выросших на самой опушке березок. Неширокая тропка, вырываясь из леса, взбиралась на холм, вилась по цветочному лугу. Ромашки, васильки, колокольчики. Анютины глазки. И еще какие-то мелкие желтые цветки – во множестве, словно солнышко вдруг наземь упало, разбилось, рассыпалось на тысячу осколков-цветов.

В светло-синем утреннем небе проносились разноцветные бабочки, пролетали над самой травой прозрачнокрылые стрекозы. А птицы! Как пели птицы! Рядом, в малиннике, соловей та-ак заливался! Аж душа сворачивалась, право слово.

– Это не соловей, Денис. Это малиновка.

– Да что ты, Бурцов, дружище?! Что я, соловья от малиновки не отличу? Мы ж с братом все детство – в имении, в деревне. Под Москвою, потом в Грушевке...

– О Грушевке твоей мы, однако, слышали. Ладно – пусть соловей.

Бурцов рассмеялся, залихватски закинув за плечо ментик, и, глянув на приятелей-секундантов, прищурил глаза:

– Однако что в полку говорить будем?

– А ничего не надобно говорить, господа мои, – Венькин, уже

перевязанный, встал, опираясь на толстый ствол росшего рядом дуба. – Бумаги о моем переводе пришли. Просто скажите – уехал. А пирушку прощальную не устроил... потому как друзей в полку не завел.

Поручик покусал губы, вздохнул и неожиданно для всех улыбнулся...

– Впрочем, непорядок это, чтоб без пирушки. Ежели не побрезгуете – прошу вечером в шинок. С шинкарем договорюсь, одни мы будем.

– Так, а ты сам-то? – Бурцов озадаченно почесал затылок. Вернее, хотел почесать – да высокий стоячий воротник не дал. Пришлось почесать макушку.

Кашлянув, Венькин хмыкнул в кулак:

– Так для моей раны, господа, вино как раз и будет кстати. А еще лучше – пунш!

– Вот это, Иван Иванович, по-нашему, по-гусарски! – тряхнув светлой челкой, одобрительно воскликнул Бурцов. – Ты куда переводишься-то, ежели не секрет?

– В судебное ведомство ухожу, с повышением, – темные очи поручика сверкнули давно затаенною гордостью, смешанной с неким налетом фатовства – дескать, вот он я, какой хват, а вы-то думали... – И, между прочим не просто с повышением, а на два классных чина!

– Да ну ты! – подивился другой секундонт, Серега Пушкин, ротмистр. – Неужто на два?

– Говорю же – на два, – Венькин потупил глаза с деланой скромностью. – Сразу в коллежские секретари, а то – и в титулярные!

– В титулярные! Везет же некоторым, ага... – ахнул стоявший чуть позади всех молодой корнет Сашка Пшесинский. Ахнул и, подойдя ближе к Денису, шепнул: – И все равно. Променять гусар на каких-то судебных! Я б – ни за что.

– Эй, Денис Васильевич! – отвернувшись от раненого поручика, Бурцов поманил пальцем. – Вы уж помирились бы, что ли. Теперь уж – чего ж.

Денис повел плечом:

– Что ж, я не против. Однако же...

– Иван тоже не против. Иди.

Секунду помявшись, они все же пожали друг другу руки. Поручик и ротмистр. Иван Венькин и Давыдов Денис.

Какие холодные пальцы у Венькина! Ну да – кровь-то ведь потерял. Ах, поручик, поручик... Что ж ты с женщинами-то так? Право слово, может, и впрямь лучше тебе в судебных, а не в гусарах, нет.

– И все же, Давыдов, помни, – пожимая руку соперника, поручик

вновь скривил губы, – полька эта твоя – стерва. Так и знай.

* * *

...так и знай... стерва-полька... сабли... дуэль...

– Дени-ис! Да очнись же, Дэн! Ой, ой, смотрите-ка – очнулся! Ой, лицо-то какое... Девочки, надо его на телефон снять!

– Не надо меня снимать, – придя в себя, Денис – Дэн – замахал руками. – Лучше водки налейте. Осталась еще?

– Да есть...

Бахнули на круглый стол стаканы. Большие, граненые – где такие и взяли-то? Качнулось зыбкое пламя свечей... Кто-то из парней принес с кухни бутылку, забулькал...

– На, Денисушка. Пей!

Дэн хватанул полстакана – залпом, обжигая горло до слез. Не закусывал, не хотелось, хоть и предлагали девчонки:

– Возьми вот орешки... или бутерброд.

– Может, свет уже включим?

– Не-ет! Сначала пусть Дэн расска-ажет... Дэн, ты как?

– Да нормально все, – Денис постепенно приходил в себя и даже попытался улыбнуться, хотя чувствовал себя на редкость паршиво, словно после большой пьянки – с бодуна.

– Расскажу... попить только дайте... А что со мной было-то?

Грудастая блондинка Ольга – однокурсница – принесла воды все в том же граненом стакане. Ее подружка, сублильная брюнеточка Леночка, чуть смугловатая, с большущими синими глазами, заинтересованно махнула ресницами:

– И правда, Денис, расскажи! Неужто получилось у нас?

– Получилось? Выходит, так...

Дэн рассказал. Без особых красок, кратко. Про сабли, про дуэль, про поручика. Больше и нечего было рассказывать.

– И что, всё? – Леночка округлила глазищи. – А что это за полька, из-за которой дуэль?

– Не знаю я, что это за полька, – покачал головою Денис. – Я и видел-то только – дуэль, лес, гусары...

– Гусары! Ой, девочки-и-и...

– И больше – ничего.

– А давайте еще попытаемся! – азартно предложила Ольга.

Денис резко отказался:

– Нет уж! Что-то мне как-то не того.

– Может, еще водки налить?

– Уж спасибо, пойду. Поздно уже. То есть, можно сказать – рано.

Стрелки висевших на стене часов с Мэрилин Монро Энди Уорхола показывали половину пятого утра. Начинался день, из-за неплотно прикрытых штор уже пробивался зыбкий утренний свет.

Кто-то предложил вызвать такси, Денис отказался. Лучше было пройтись, собраться с мыслями, подумать – а что это такое было вообще?

– Лен, тебя проводить?

– Спасибо. Я у Оли останусь. А потом – сразу на лекции.

– Так, может, и останемся? – Юрик, приятель, азартно подмигнул Дэну.

– Не, не, мальчики. Нам выспаться надо еще.

Ага, выспитесь. Коли уже утро!

Юрик, кстати, жил неподалеку, в тесной панельной двушке, с родителями и породистым псом.

– Ну, нет так нет.

Выйдя из подъезда, парни попрощались и разошлись. Юрик – к себе, Дэн – к себе, на Пролетарскую. Там он снимал комнату у одной старушки. С третьего курса уже разрешалось в казарме не жить.

Свернув с широкого, безлюдного еще проспекта на тенистый бульвар, Дэн прошагал еще с полчаса, пока, наконец, не добрался до Пролетарской, почти полностью застроенной старыми одноэтажными домиками, совсем деревенскими, с огородами, палисадниками, заборами... У кого-то залаял пес.

Толкнув калитку, молодой человек поднялся на крыльцо и, стараясь не шуметь, отворил дверь в пристройку. Именно там он и квартировал. Отдельный вход – очень удобно и, самое главное – недорого.

Спать Дэн не собирался – все равно часа через полтора вставать – просто сбросил у порога обувь да улегся на старый диван, устало вытянув ноги. Мысли его, поначалу все более путанные, постепенно приводились в порядок. Порядок Денис любил, потому и поступил в академию полиции, с первого раза кстати. Учиться нравилось, к тому же одноклассники попались спокойные, ровные, как и сам Денис. Правда, что касается Ольги...

Она-то и подбила Юрика – а через него и Дэна – на спиритический сеанс. Мол, будем, как в старинные времена, вертеть столы да вызывать

духов. Мол, она сама – медиум, да еще и очень даже хороший, только вот компании нет.

Медиум, о как! А через пару лет, между прочим, придет такой вот медиум в следственный комитет или в прокуратуру. Живые уголовные дела тоже с помощью потусторонних сил расследовать будет? Сам-то Денис, естественно, ни во что такое не верил, просто... не то чтобы за компанию с Юриком, а... Ольга и сама по себе девчонка красивая – кровь с молоком – на самбо так и ребят запросто через себя кидает, а, кроме того, имелась у нее и подружка – Леночка Крутова. Вот на эту-то Леночку молодой человек и запал!

Томная брюнеточка Леночка обладала некой утонченной аристократической красотой, этакая барышня, ле фамм рафинерэ, словно бы сошедшая со страниц старинных любовных романов. Тоненькая, даже худая, с небольшой грудью и длинными ногами, с синими, как небо, глазницами, сверкавшими из-под почти всегда опущенных пушистых ресниц. Темные, с изысканным оттенком рыжины, волосы, не короткие, но и не длинные, тонкая шейка, чуть вздернутый носик и пухлые, слегка приоткрытые, губки, которые хотелось целовать с такой неодолимой силой, что Денис чувствовал, как потихоньку сходит с ума. Ах, Лена, Лена!

Придет ли он вызывать духов? Это к Ольге-то? Да еще и Леночка Крутова будет? Наивный вопрос – пойдет ли...

Пришли. Он, Юрик, еще один длинный парень в очках – знакомый Ольги, и две девчонки. Вытащили на середину комнаты старинный круглый стол, задернули шторы, свечи зажгли. Еще блюдце с водой – меж свечами. Ольга сказала – надо. Ну, ей лучше знать, она же – медиум.

Первым вызывали Александра Второго – вышло как-то не очень. То ли государь к простолюдинам не захотел явиться, то ли обиделся на Ольгу – та на зачете его судебную реформу едва не завалила, так, кое-как сдала. Так что не откликнулся Александр, не соизволил.

Потом Юрка предложил – Абакумова. Очкарик – звали его Филиппом – лишь хмыкнул да спросил – почему сразу не Берию? Потом Ивана Грозного еще можно, то-то веселуха выйдет!

За Грозного девчонки сразу ухватились, вот, мол – здорово. То, что доктор прописал. Ольга еще добавила, что Грозного многие вызывают. Большой, видать, популярностью пользуется у медиумов первый русский царь! Прямо отдохнуть некогда, все вызывают, вызывают – являйся.

Не явился и Грозный. То есть Ольга-то, выпучив глаза, сказала, что «дух кровавого тирана» здесь присутствовал, но лично Денис вот почему-

то этого никак не ощутил. Разве что штора слегка качнулась. Да и на вопрос ехидного ботана Филиппа относительно смерти царевича Ивана «Грозный» ответил уклончиво, примерно так же, как профессор Огородников с кафедры истории русского права. Точно, мол, неизвестно, но слухи ходили.

– То есть прямых свидетелей нет? – уточнил Юрик.

Резко распахнув глаза, Ольга погрозила ему кулаком – слишком уж громко спросил, вот дух и пропал. Они вообще очень нежные, эти духи.

Кто первым предложил вызвать знаменитого поэта и гусара Дениса Давыдова, Дэн сейчас и не вспомнил. Кто-то из девчонок: то ли Ольга, то ли Леночка. Скорее, Ольга, не зря ведь она так обрадовалась согласию Дэна. Того ведь тоже так и звали – Денис Давыдов. Почти полный тезка! Только не Васильевич, как гусар, а Игоревич.

Мать Дэна, к слову сказать, умерла давно, Денису тогда не было и пяти лет. Отец, пенсионер МВД, бывший следователь, женился во второй раз, потом – в третий и от третьей жены имел уже ребенка, девочку. Славную такую. Дэн в их семью не лез: как только вырос, уехал учиться. Сначала в казарме жил, потом вот снял комнату. Отец к выбору сына отнесся скептически, сказал – «хлебнешь в нашей системе горя». Ну, как бы то ни было, а учиться Давыдову-младшему нравилось, интересно было.

Как так вышло, что Денис буквально провалился куда-то, молодой человек не понимал и сам процесс толком не помнил. Ольга, прикрыв глаза, что-то шептала да, поглядывая в блюдце, делала руками странные пассы. Дэн на все это смотрел, смотрел, потом вдруг – оп! – и в руке – сабля! И сам он – Денис Давыдов, лихой гусарский ротмистр! Дерется на дуэли за честь какой-то неизвестной польки...

– Ой, ты, Дэн, так руками размахивал, так глазами сверкал! – ахала Леночка. – А на вопросы наши ничего не ответил. А мы тебя, на минуточку, про любовь спрашивали.

Про любо-овь? Вот оно какое дело-то, ага.

Поднявшись на ноги, Денис подошел к полке, взял тоненькую брошюрку – монографию по «Русской Правде», открыл... Попытался вчитаться – подготовиться к сегодняшнему зачету. Только вот что-то мысли в голову никак не лезли. Вернее, лезли, но те, что надо – другие. Что это была за полька? Что за поручик? Об Алексее Бурцове, лучшем друге Давыдова по службе в Белорусском гусарском полку, Дэн знал – кое-что глянул о тезке в Википедии. Только о польке там не было... Или – было? Теперь и не вспомнить... Глянуть? Время-то еще есть, немного, правда.

Молодой человек потянулся к лежащему на столе нетбуку... Что-то

защемило в запястье, над кистью правой руки... Царапина! Глубокая такая, длинная... Неужто... След от сабельного удара, блин!

* * *

– А ще кто всяд на чюж конь... а ще кто взядет на чюж конь...

Ольга старательно выговаривала старинные слова, но на зачете плавала. Ей явно светила несдача, а скоро, между прочим, сессия. Когда и сдавать-то? Бегай потом за этим старым чертом Огородниковым, ищи. Впрочем, чего его искать-то? Вот то-то и оно, что не профессор, а черт, ни одной юбки не пропускавший! Об этой слабости профессора все на курсе знали, знали и в академии, а даже ходили слухи, что кто-то из курсантов – какой-то молодой муж – на почве ревности бил Огородникову морду. Курсанта тут же отчислили, дело замяли – Огородников считался крупным специалистом, а какой-то там курсант... Одним меньше, одним больше, чего уж!

– А ще кто всяд на чюж конь... тому платить... тому платить... десять гривен!

– А, может, пятьдесят?

– Ой, профессор... Может!

– А что такое вообще гривна, милая девушка?

– Ой, это... это серебра такой кусок... с голову!

Изображая глупенькую беззащитную барышню, Ольга явно переигрывала, однако Огородников велся и на это, особенно – на коротенькую Ольгину юбочку. Прямо глаз с аппетитных девичьих бедер не спускал, козел старый!

– Вы знаете, Ольга... вам бы надо прийти отдельно...

– А я, как вы думаете, сдам?

– Думаю, сдадите... м-да-а... – растекался профессор, млел, шевелил редкими усиками, словно мартовский кот. Ольга, конечно, знала, каким местом придется сдавать, однако же не противилась, совсем даже наоборот. И никто ее за это не осуждал – слава богу, ханжей на курсе не было, всякий знал – каждый крутится, как может. Такая уж жизнь.

Тем не менее Денису почему-то сделалось неприятно. Хотя, казалось бы – кто ему Ольга? Так, просто знакомая... медиум.

После зачета Ольга догнала Дэна на крыльце и, взяв парня под руку, заговорщически заглянула в глаза:

– Ну что? Сегодня еще попробуем? Раз у тебя все так клево сложилось. Ленка обещала прийти. Кстати, она про тебя спрашивала.

– А что выспрашивала? – насторожился молодой человек.

– Ну, всякое. Типа, кто ты да откуда.

– Так мы ж с ней полгода уже знакомы! Ты ведь и знакомила, не помнишь?

– Да помню, – сбега с крыльца, Ольга махнула рукой. – Только вот она раньше тобой не особо интересовалась, а теперь почему-то – вот!

Дэн закусил губу. Странное томительно-нежное чувство вдруг нахлынуло на него, обволакивало душу и мозг. Леночка... обворожительное создание, вдруг стала интересоваться... кем? Коренастый, крепенький, с круглым крестьянским лицом и курносый носом, даже внешне похожий на своего знаменитого тезку, Дэн уж никак не походил на томного гламурного фрика, упорно пропагандируемого среди молодежи всеми российскими медиа. Разве такой парень, как он, мог понравиться столь утонченной девушке? И вот Леночка вдруг... Впрочем, очень может быть, что так просто спросила, из любопытства, а уж он, Денис, и рад. Уже настроил себе карточных домиков, нафантазировал... Что ж, бывает и так.

В этот раз он решил выйти к Ольге пораньше. Стоял конец мая, та чудная пора, когда холодное цветенье черемухи перемежалось пряным запахом трав, разносившимся по всему парку. Погруженный в себя молодой человек быстро шагал по аллее, в окружении цветущих акаций и лип, как вдруг кто-то окликнул его по имени...

Юноша обернулся... и не поверил своим глазам – позади, у давно не работающего фонтана, показалась стройная девичья фигурка в синем коротком платье и накинутой на плечи джинсовой курточке. Лена!

Денис рассчитывал встретить ее у Ольгиного дома. Даже не рассчитывал, а так подгадал, чтоб обязательно встретить. Спрятаться за киоском и высматривать, ждать, а когда девушка появится, выйти ей наперерез – типа, заглянул вот, журнальчик купить, а тут – ты.

Так рассчитывал Дэн, а получилось все еще лучше – Леночка сама его окликнула, не нужно было и ждать.

Дальше пошли вместе. Конечно, не взявшись за руки, не под руку даже, но все равно рядом. Болтали... так, ни о чем, и это было Денису очень приятно. Леночка похвалила погоду, Дэн поддакнул, сказав, что вот в прошлом году в этакое-то время вдруг выпал снег. Правда, сразу и растаял, но ведь был же! Потом вдруг заговорили о музыке, оказывается, Леночка еще в школе играла на скрипке... и тут молодой человек не мог ничего

толком сказать. Нет, и слух у Дэна имелся, и музыку он любил. Только вот не классическую, а немного иную. Русский рок и бардовскую песню... даже сам стишки писал да в старших классах баловался гитарой. Так, по-детски все, не на уровне... А Леночка вот музыкальную школу закончила... Шла вот теперь, болтала, смеялась, и от одного только этого Денису стало вдруг так хорошо, как никогда еще не было. Очень хотелось, чтоб нечаянная прогулка эта продолжалась бы... ну, если и не бесконечно, то как можно дольше... жаль, что так рано пришли.

Ольга встретила их радостным воплем:

– Ага! Явились – не запылились. Договаривались-то на восемь, а сейчас уже полдевятого.

– Да ладно. И не опоздали почти.

На столе уже горели свечи, и погасшая люстра погрузила комнату в романтический сумрак. Казалось, будто снаружи и не существовал современный мир, тем более гаджеты все отключили, сидели так... будто сто лет назад.

Как и вчера, был еще Юрик, а вот ботаник Филипп что-то нынче задерживался. Ну, да и бог с ним, не за-ради Филиппа тут все собрались.

– Может, придет еще, – Ольга поставила на стол блюдечко с водой и уселась на стул в чем была – по-домашнему, в коротенькой маечке и шортах.

Юрик искоса глянул на нее и вздохнул. Ну а что тут скажешь? Он, конечно, не профессор, и вообще парень не особо богатый. Хотя немного гламурный, да. Сам – дылда дылдой, а пиджачок со стразами нацепил. Все ради Ольги? Интересно, как у нее там с Огородниковым? Успела уже?

– Сначала Фредди Меркури вызовем, – напустив на себя самый серьезный вид, глухо произнесла «хозяйка спиритического салона». – А потом... потом – ты, Денистик! Ага?

– Угу, – в тон девушке отозвался Дэн. – Короче говоря – согласен.

Правое запястье его было замотано бинтом. Невидимым под длинным рукавом черной – тоже немножко гламурной – рубашки.

Входя в спиритический транс, Ольга закрыла глаза и вытянула вперед руки.

– Дух Фредди Меркури, явись! Явись! Явись!

По воде, налитой доверху в блюдце, пробежала легкая рябь. Наверное, дух знаменитого музыканта все ж таки отозвался... а скорее, просто качнулся стол.

Голые руки «хозяйки салона» покрылись мурашками, голова запрокинулась... и сама девушка вдруг задержалась, словно в припадке... и,

что-то выкрикнув по-английски, затихла, резко распахнув глаза.

– Он говорил с нами! – восхищенно прошептала Леночка. – Дух Фредди Меркури... ага.

– Да, да, мы слышали! – Юрик взволнованно покивал головой и, погладив медиума по руке, вкрадчиво осведомился: – А ты сама-то как? Что-нибудь чувствовала?

– Да нет, ничего... В тот момент это была не я...

– Поня-а-атно...

Сама Ольга выглядела сейчас уставшей, словно только что пробежала кросс, километров десять.

– Денис, – глянула на Давыдова Леночка. – Теперь – ты. Оль, ты сможешь его...

– Попробую, – голос юной хозяйки салона звучал глухо и как-то потусторонне. Еще бы, ведь через нее с ребятами только что общался сам Фредди!

По просьбе медиума Денис положил руки на стол и закрыл глаза. Ольга что-то забормотала монотонно и гулко... Молодой человек не вслушивался, лишь почувствовал легкую дрожь и внезапно разлившееся по всему телу тепло, а потом...

* * *

– Бурцов, ты – гусар гусаров! Ты на ухарском коне. Жесточайший из угаров и наездник на войне!

Забравшись на табурет, это декламировал сам Давыдов, при этом так размахивал руками, что Дэн всерьез забеспокоился – как бы с этого табурета не упасть!

Похоже, все дело происходило в казарме – обширная комната, солома на полу, какие-то нары и – меж нарами – длинный, грубо сколоченный стол, по сути – просто толстые, едва обструганные доски на козлах. На столе же...

На столе же чего только не было! Беспорядочно наваленные куски хлеба, моченые яблоки, какая-то дымящаяся дичь – рябчик, что ли – распластанная на большом серебряном блюде. Из объемистой кастрюли, выставленной на краю стола, с таким смаком тянуло кислыми щами, что хотелось тотчас же зажать пальцами нос или, уж по крайней мере, выпить – бутылок на столе имелось в достатке. Большие, с серебряною фольгой – шампанское, еще какие-то зеленоватые штофы, наверное с водкой, и –

ровно посередине стола – здоровенная белесая бутылка с какой-то коричневатой жидкостью, скорее всего виски... или ром, бывает ведь и такой – неочищенный.

По углам казармы валялись попоны и седла, на некоторых уже кто-то спал, залихватски распахнув доломан и вытянув ноги. Кто-то курил трубку, кто-то держал в руках карты. Правда, никто не играл, все, повернув головы, азартно внимали Давыдову.

– Умри, Денис, – лучше не скажешь! – вскочив на ноги, уже знакомый Дэну Бурцов высоко поднял бокал. – Так выпьем же, други, за нашего пиита! Дай бог ему!

– Дай бог! – хором отозвались гусары.

Спрыгнув с табурета, Денис схватил поданный кем-то стакан, чокнулся со всеми и тут же выпил. Сладковатый вкус виленской водки оказался не таким уж и обжигающим, не столь уж она и была крепкой, градусов тридцать пять или того меньше, вот уж поистине не водка, а «столовое вино».

Сие понятие – «виленская водка» – всплыло в сознании Дэна само собой, как только юноша почувствовал вкус... как оказалось – весьма хорошо знакомый. Конечно же, не Дэну – а Денису Васильевичу, чья коренастая фигура как раз и отразилась в засиженном мухами зеркале, висевшем в простенке меж окнами. Синий, с белыми витыми шнурами, доломан, расстегнутый на груди, синие же чакчиры – узкие, в обтяжку, штаны. Круглое лицо с задорно задранной носом, лихо закрученные усы. Красавец-гусар, гроза женских сердец и предмет воздыхания уездных барышень... впрочем, не только уездных.

– Ах, Денис, Денис, – поставив опустевший бокал на край стола, Бурцов подошел к приятелю и, обняв его за плечи, залихватски подмигнул остальным:

– Неча меня славить, друже. Нынче не мой праздник, а вон его!

С этими словами гуляка-ротмистр указал на скромно притулившегося в уголке гусара, совсем еще молоденького парнишку, худенького подростка лет пятнадцати на вид. Узкое, почти детское лицо с трогательными ямочками на щеках, подбородок, еще не знавший бритвы, темные волосы, серые большие глаза... и румянец, совсем девичий, юный румянец. Юношу этого Дэн тотчас «узнал», как и Бурцова: Сашенька Пшесинский, корнет, один из секундантов недавней дуэли с Венькиным.

– Ай, Александр! – подскочив к корнету, громко воскликнул Денис. – Тебя ж в гусары принять пора! И как это мы запомнили-то, братцы? А ну-ка, жженки! Жженки ему!

Оживившиеся гусары тотчас же соорудили жженку: плеснули в плошку рому, посыпали сахаром от головни, прикрыли перекрещенными саблями... Кто-то поднес свечу, ром вспыхнул таинственным голубоватым пламенем... которое тут же затушили с шумом открытым шампанским!

Давыдов лично вручил питье покрасневшему от скромности корнету:

– Ну, пей, Сашка! Посмотрим, какой ты есть гусар!

Мальчишка скривился, но послушно сделал глоток... а там и второй, и третий...

– До дна! До дна! До дна! – радостно скандировали гусары.

Осушив-таки сосуд, Сашка ухарски бросил его на пол.

– Ай да хват! – Бурцов с размаху хлопнул юношу по плечу и тут же бросил клич: – А ну-ка, господа, поддержим! Гусары мы или нет?

Хлынула по бокалам жженка, Давыдов же взобрался на табурет, встал, картинно вытянув руку:

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!
Чтобы хором здесь гремел
Эскадрон гусар летучих,
Чтоб до неба возлетел
Я на их руках могучих!

Под восторженный рев гусар тут же и выпили. Потом подхватили на руки захмелевшего корнета, принялись качать, подбрасывая к самому потолку, пока непривычному к таковым возлияниям пареньку не стало худо. Тогда отпустили, усадили за стол, налили:

– А вот, друже Сашка, хрястни-ка!

Сашка хрястнул – куда деваться? – да, уронив голову на руки, тут же и захрапел. Остальные же продолжили пиршество, допили и шампанское, и жженку, и сладкую виленскую водку. Кстати, вот тут-то Дэн, к своему большому удивлению, вдруг обнаружил, что вовсе не является простым наблюдателем в теле поэта! Отнюдь! Оказывается, он мог влиять на всё.

Он вовсе не хотел напиваться... и пил все меньше, не допивал, пропускал тосты и, вообще, не очень-то и захмелел – конечно, с точки зрения гусара. Голова-то кружилась, а из души рвались наружу стихи:

Жизнь летит: не осрамися,
Не проспи ее полет.
Пей, люби да веселися! —
Вот мой дружеский совет.

* * *

– Э-эй, Денис! Ты в порядке?

Дэн распахнул глаза, с удивлением оглядывая полутемную комнату и круглый, с горящими свечами, стол... Господи Иисусе! Кто все эти люди, черт побери? Гусары где? Бурцов?

– Дэ-эн!

– Надо к шинкарю послать, за водкой. Я знаю в Звенигородке один знатный шинок. Слугу моего, Андрюшку, и пошлем...

– К кому послать? – Сидящие за столом удивленно переглянулись.

– Какого Андрюшку? – Ольга округлила глаза и вдруг покладисто покивала. – А, Денисик, понятно. Ты водки хочешь? В холодильнике есть, папина. Принести?

– Водки? – похлопав ресницами, Дэн, наконец, окончательно пришел в себя.

Глянул на всех... и улыбнулся:

– Ох, ребята! Что я вас сейчас расскажу! Не поверите.

– Почему ж не поверим? – ободряюще кивнула Леночка. Синие больше глазищи ее прямо горели от любопытства. – Ты, Дэн, рассказывай. А Оля пока водку принесет.

– Не-не-не, – запротестовала хозяйка салона. – Пока не принесу, Денис, молчи! Я сыр... Сыр вот только порежу... и огурец.

– Интересно, кто ей сказал, что я хочу водки, – покачал головою Денис.

– Так ты ж и просил! Только что! – хором подтвердили все.

– Я просил?

– Ты!

– Тогда выпьем... Или мы не гусары, а?

Следующий сеанс договорились провести через неделю – приезжали Ольгины родители, так что негде было. Ровно через неделю же, справив свои дела, предки «медиума» возвращались на дачу, и «спиритический

салон» открывался вновь.

Денис едва дождался конца этой столь долго тянувшейся недели! Ему так хотелось поскорее увидеть Леночку, услышать ее голос, поддержать за руку... утонуть в синих глазах! В конце каждого дня юноша мечтал, лежа на диване и устремив глаза в потолок. Кто знает, может, у них – у него и Лены – еще все и сладится, не зря ведь девушка так интересовалась им, расспрашивала. А как она слушала! Каким неподдельным восторгом горели ее глаза! Нет, определенно, что-то такое завязывалось в ее сердце... ну, так же не может быть, чтобы вообще ничего.

Лежал Дэн. Смотрел в потолок. Мечтал. Надеялся.

И вот, наконец, неделя прошла...

Он летел на сеанс, как на крыльях. Загодя сговорился с Ольгой, созвонился... Вот и знакомый подъезд, лавочка... Что-то Леночки нигде не видать. А уж пора бы – время. Запоздывает что-то томная синеглазая красотка, запоздывает... Ну, мало ли у красивой девушки дел?

– Кого ждем? – окликнул, подойдя, Юрик. – Ленку? Так она, может, там уже.

И впрямь! Может, и там. Как же он не подумал? Сидит тут, глаза мозолит...

Лифт. Пятый этаж. Звонок в дверь...

– Иду, иду уже. Заходите.

– А что... Лены нет еще?

– Опоздывает подруженька. Без нее начнем, ага. Кстати, от родителей коньяка полбутылки осталось. Это тебе вместо водки, Денис!

– Далась вам эта водка... Ну... дай-ка, свечки зажгу...

Снова знакомая полутьма и горящие свечи. И таинственный голос медиума, и...

– На этот раз Николая Второго вызывать будем, – тихо промолвила Ольга. – Спросим, как там у него с Матильдой. Я фильм недавно смотрела – угар!

– Николая так Николая, – Денис покладисто покивал. – А Лена...

В этот момент затрезвонил какой-то модной песнею мобильник. Видать, Ольга забыла выключить – тот еще медиум, ага.

– Да, але-е... Ой, привет, привет... Ты чего опаздываешь? А, вон оно что... Ну, удачи! Как говорят французы – бон вояж. Смотрите там, не особо-то балуйте!

– Ленка, – выключив смартфон, пояснила «хозяйка салона». – В

Испанию с женихом уехала. Вот так вот, скоропостижно. В Калелью, это где Барселона.

– С кем уехала? – Дэн не поверил своим ушам.

– Так я ж и говорю – с женихом, – деловито расставляя стулья, пояснила Оля. – Есть так у нее какой-то. Серьезный до ужаса! Старше ее раза в два, но богаты-ый! Топ-менеджер, ага. Вот ведь повезло Ленке! С таким-то мужем можно и не учиться, и вообще...

Ольга еще что-то говорила, Денис не слушал. В голове его возник полный сумбур, а в сердце... о сердце лучше и не рассказывать! Еще бы... Все наивные мечты его вдруг разлетелись в прах одним махом. Просто вдребезги. Наверное, оттого и разлетелись, что были такими наивными, прямо по-детски. Леночка ведь, надо отдать ей должное, никакого повода не давала. Это он, Дэн, что-то такое себе нафантазировал... Спрашивается – зачем? А затем, что больно уж понравилась Денису эта утонченно-томная девушка, так понравилась, что...

Ну, и нечего было! Так сказать – на чужой каравай рот не разевай. Так он, Дэн, и не разевал особо-то... разве что – только в мечтах. Как-то раз представил даже, будто Леночка пришла к нему в гости. А у Дениса как раз было жарко натоплено, и гостья быстро скинула с себя свитерок, осталась в одном лишь изысканном кружевном белье... ну, и в рваных джинсиках, которые...

– Э-эй! Ты там заснул, что ли? Может, водки налить?

– А давай, – неожиданно согласился юноша. – Водки так водки. Юрик – составишь компанию?

– Запросто. Оля, ты с нами?

– Да вы что, сдурели – водки? – отмахнулась хозяйка. – Я – вино. Но только после сеанса... Вам, так и быть, налью. Пейте. Только быстро, ага?

Дэну было все равно. После такого вот... нет, не предательства – что же, Леночка его предала, что ли? Подумаешь, замуж выходит. Все правильно, почему бы и нет. Только от чего ж тогда так тошно на душе?

– Ну, давайте уже начнем, – опрокинув стопку, Давыдов махнул рукою.

Ольга вальяжно кивнула, уселась поудобнее, велев всем взяться за руки и закрыть глаза...

– Дух Дениса Давыдова, гусара и поэта, явись!

* * *

– А давайте поедem к женщинам! – поворочавшись, предложил

Бурцов. – А то тут тюфяк какой-то... точно! Не соломой набит, а старым сеном.

Денис протянул руку, помял матрас товарища и хмыкнул:

– Привередничаешь! Корова бы не отказалась от такого сена, друг Алексей!

Расположившиеся в казарме гусары грохнули смехом. Дэн же прикусил язык – фраза-то была не Дениса Васильевича – его. Из старого советско-финского фильма «За спичками».

– Корова бы точно не отказалась, – расхохотался в ответ Бурцов. – Только мы-то с вами, господа, не коровы... А бычки!

– Бурцов, ёра, забияка, собутыльник дорогой! – тут же выдал Денис. – Ты куда мою гитару дел... бычок?

– Так ведь мы к девам поедем, – Алексей – Алексей Петрович, – потрянув челкою, рассудил вполне философски. – А им гитара ни к чему! У них – рояль. Вы ведь, друг мой, и на рояле умеете?

– Бренчу помаленьку, – Денис Васильевич отмахнулся и придал лицу самый комичный и смешной вид, который бывает, верно, только у каких-нибудь сутяг или судейских. Состроив уморительную физиономию, почмокал губами и, строго глянув на приятеля, произнес с неким хлюпаньем, отдаленно напоминающим французский прононс:

– Господин ротмистр! Вы игнорировали мой вопрос относительно гитары.

– Гитара, гитара, – под общий хохот отмахнулся Бурцов. – На сеновале, верно, где-то лежит.

– Это ты там для лошадей музицировал?

– Да что там для лошадей! Даме сердца серенады пел. Твои, между прочим. Помнишь? Он – гусар, и не пускает мишурою пыль в глаза; у него, брат, заменяет все диваны – куль овса! Ну, у меня не овес... сено.

– Сено у него, – один из гусаров, князь Сергей Иваныч Пушкин – или попросту – Серега – от смеха аж заикался, и случившийся рядом приятель похлопал его ладонью по спине. – Сено, видите ли... ой, не могу... Нет, вы слышали, господа? Право же, слышали?

Денис Васильевич Давыдов поднялся на ноги – молодой двадцатилетний хват, в любой момент готовый к любым подвигам: и к пиитическим, и к боевым, и к любовным. Подкрутил усы, оглядел всех орлиным взором:

– Пардон муа, месье! Так мы едем или так и будем сено жевать? Между прочим, скоро стемнеет.

– Едем! – хором закричали все. – Конечно же, едем, господа.

Даже юный корнет Сашенька Пшесинский – и тот восторженно заорал, поспешно натягивая сапоги, что же говорить о других! На Сашеньку, кстати, Денис сильно рассчитывал: польская пассия господина ротмистра не понимала по-русски ни бельмеса, что же касемо языка французского – так и с ним дело обстояло не лучше. А Сашенька все же был поляк... хотя бы наполовину.

Пара минут, и гусары уже натянули доломаны, набросили на плечи ментики, надели кивера... Видел бы отец командир, полковник Яков Федорович Ставицкий! То-то уж задал бы жару своим сорвиголовам! Еще бы, по уставу-то ментики-доломаны и прочее полагалось носить в бою и на парадах, в обычной же, мирской, жизни гусару полагался темно-зеленый пехотный вицмундир или темно-зеленый же сюртук с эполетами. Сюртук! Ну какой, мать ити, сюртук, когда к женщинам ехать?

Так что – доломаны-ментики, шелковые шнуры, серебряные пуговицы, сумки с вензелями – ташки! Красота – убойная – любая ля фамм или мадемуазель едва взглянет – и все, пропала, голыми руками ее бери! И ведь брали... За тем, собственно говоря, сейчас и ехали.

Кликнули слуг, быстренько заседлали коней, пользуясь тем, что командир полка был в отъезде, а дежурный ротмистр – свой из своих.

Часовые распахнули ворота, и вся лихая команда вылетела со двора бодрым кавалерийским аллюром, сразу же взяв курс на селенье Звенигородка, точнее сказать, на усадьбу отставного пехотного майора со звонкой фамилией Петров-Задунайский, служившего еще под началом самого графа Суворова. Такой лихой рубака просто не мог не приветить гусаров... хоть те и незваными гостями явились.

Про помещика и бал первым узнал Бурцов, а от кого именно – не рассказывал, как Денис ни пытал. Скорее всего, здесь была замешана дама, и вовсе не обязательно свободная девица или вдова... Впрочем, в те времена свободных девиц не было даже в понятии: подрастали девки и лет с тринадцати уже считались на выданье. А уж если в семнадцать не замужем, так считается – старая дева!

Миновав кленовую рощицу, гусары вылетели в распадок, взлетели на холм... Перед глазами раскинулась Звенигородка, обширное селение, утопающее в садах. За холмами, за дальней дубравою, садилось солнце, играя последними лучиками на неширокой речке, полной купающейся ребятни. По пыльным улицам пастухи гнали стадо, буренки басовито мычали да помахивали хвостами, отгоняя оводов и слепней. На главной площади располагалась небольшая одноглавая церковь, судебное

присутствие и приземистое здание почты – оно же и постоянный двор.

При въезде в селение, на тракте, стояла полосатая будка. Будочник – отставной солдат в белой фуражке без козырька – завидев несущихся гусар, тут же выскочил и вытянулся во фрунт, приветствуя лихое воинство:

– Добр-здр-я, ваш бродия!

– И тебе не хворать, Семен, – кто-то из гусар на скаку швырнул будочнику монету, и тот еще долго благодарственно кивал, глядя на исчезающих в дорожной пыли всадников.

– Куда это они, дядько Семен? – опасливо выглянул из-за будки босоногий мальчик в рубище, с растрепанной копной белобрых, давно не мытых волос. – Неужто война? Напал все-таки Бонапартий!

– Типун тебе! – старый солдат рассерженно сплюнул и перекрестился, пытаясь схватить парнишку за ухо.

Однако прежней ловкости в руках, увы, давно уже не было, сорванец без труда увернулся, и будочник лишь погрозил кулаком.

Промчавшись по площади, гусары обогнули стадо, взяли от площади левее и осадили коней возле шинка. Шинкарь – хитроглазый еврей в черном лапсердаке и соломенной шляпе, – завидев гостей, с готовностью выбежал со двора, улыбаясь и беспрестанно кланяясь:

– Таки да! Таки пожаловали, дорогие гости! А я что говорил? Сара, Сара, ты только глянь, кто к нам приехал!

– Мы ненадолго к тебе, дядько Лазарь, – с ходу осадил Бурцов. – Водка есть?

– Обижаете!

– А шампанское?

Услышав про шампанское, шинкарь пригладил седую бороду и сделал лицо человека, убитого нешуточным горем:

– Увы, любезные господа. Ежели вы насчет шампанского – так таки нет! Драгуны вчера проходили, заглянули попить. Так все ж и выпили!

– Ну, драгуны известные сволочи. Так все и выпили?

– Ничегошеньки не осталось, здоровьем клянусь. Скажи, Сара, ага?

Дядька Лазарь оглянулся, ища поддержки жены... однако ее-то и не последовало. Скорее, наоборот.

– Шампанского таки нет, – откуда-то изнутри корчмы донесся утробный голос. – Однако же, Лазарь, ты что же, забыл про вино? Вкусное красное вино, ах, как оно нравится дамам! Так нравится, так...

– Ты еще скажи, что оно французское, – удерживая коня, хохотнул Денис. – Вот уж ни в жизнь не поверю.

– Зачем французское? Из Бендер, – шинкарь повел плечами. – Но,

господа мои, ничуть не хуже! Дюжину бутылок отдам буквально за просто так. Для вас только!

– А твои «просто так» – рублей пять, а дядька Лазарь? – прищурился Бурцов.

– Обижаете, господа! Чтоб я вам пятирублевое вино продавал? Семь с полтиной!

– Семь с полтиной? – тут уже округлил глаза и Давыдов. – Да я третьего дня на базаре Монтеня за такую цену видел! Парижское, между прочим, издание. А тут... Семь с полтиной за дрянное бендерское вино?

– Таки не такое уж оно и дрянное, любезнейшие господа! Вот, извольте отпробовать... Сара, Сара, стаканчик налей.

Супруга шинкаря Сара оказалась весьма дородной особой с необъятной талией и круглым красным лицом, обрамленным когда-то черными, а ныне уже заметно поседевшими и поредевшими кудрями.

– А вот, прошу вас, господа!

Гусары переглянулись и хмыкнули. Чего уж! Сказано – «стаканчик» – так стаканчик Сара и вынесла, ни больше, ни меньше.

Пятерым повезло сделать по глоточку...

– А ничего, – почмокав губами, резюмировал Бурцов. – Терпкое. Чем-то похоже на бордо.

– Скорей, на бургундское, – ротмистр князь Серега Пушкин скорбно покачал головою. – Что ж, берем и это, други. Или в другую корчму заглянем?

– Некогда уже в другую, Сергей. Эй, дядька Лазарь. Уложи-ка бутылки в корзину... а лучше в мешок. И соломой проложить не забудь.

– Не извольте беспокоиться, господа.

Купив дюжину бутылок бендерского вина и ведро сладковатой виленской водки, гусары на рысях понеслись дальше, на окраину Звенигородки, в усадьбу суворовского ветерана Михайлы Феклистовича Петрова-Задунайского.

Пока задержались в шинке да пока ехали – уже и совсем стемнело. В окружении мерцающих звезд выкатилась на небо сверкающая серебряная луна с обгрызенным боком. В палисадниках залаяли, загремели цепями псы. Гусары озадаченно придержали коней.

– Ну, и где усадьба?

– Вроде тут должна быть. Там старый дуб еще, сколько помню.

– Так вон же он, дуб!

– Это, Сашенька, не дуб. Это липа.

- А дуб тогда где?
- Хороший вопрос, Александер!
- Я не пойму, господа. Мы что же, заблудились, что ли?

Денис громко расхохотался и покачал головой:

- Право слово, заблудились! Кому рассказать – вот ведь смеху-то.
- Ой, господа гусары... Смотрите-ка! Вроде бы как – огни...

Корнет Сашенька Пшесинский указал рукою. Все повернули головы и притихли... Увидели невдалеке, за кустами, мерцающие огни свечей, слышали веселые голоса и смех.

Не прошло и пары минут, как гусары уже спешили во дворе обширной усадьбы. Сам хозяин, Петров-Задунайский, крепенький добродушный старик в шелковом кафтане и екатерининском парике, встретил незваных гостей радушно:

– Гусары! Ах, гусары. Как вас видеть рад. Что припозднились? Ой, о чем я? Хорошо, что хоть так приехали.

Бросив коней вмиг подбежавшим слугам, гусары по очереди облобызались с хозяином и его супругой – седенькой и сухонькой Натальей Ивановной, в силу своего возраста уже начинавшей откровенно зевать.

– Мы ведь тут, в деревнях, обычно рано спать ложимся, – с улыбкою пояснил ветеран. – Да и встаем – с солнышком. Вот Наталья-то Ивановна и... Ну, пошлите, пошлите к гостям. Вы их всех, я думаю, знаете.

Ну, конечно, знали. Приезжих не было, а все местные были промеж собой знакомы давно, а некоторые – довольно близко. Раскланявшись, пожав руки и расцеловавшись, вновь прибывшие гости расселись за длинным столом, накрытым прямо в саду, среди цветущих яблонь и вишен.

Опустившийся вечер был изумительно тих и спокоен – ни ветерка, даже ни дуновения. Тем не менее было вполне комфортно – не жарко и не холодно – еще не началась та изнуряющая летняя жара, которая частенько случается в Малороссии.

Шныряли туда-сюда слуги с подносами. В высоких подсвечниках ярко горели свечи. Пахло французскими духами, свежесваренной ухой и мускусом. Гусары лукаво поглядывали на собравшихся за столом дам и поддерживали светскую беседу, крутившуюся вокруг одной из самых модных ныне тем – международной политики и, конечно, Наполеона.

- Ах, господа, говорят, Буонапарте – это такой шарман!
- Узурпатор он, а не шарман, Валерия Ниловна.
- О да, да, согласна с вами, милейший Викентий Петрович. Узурпатор и terrifiant... однако же – и шарман. Ах, вы слышали, как изменилась при

нем французская мода? Дамы из общества, пардон, почти голые ходят. La mode a la Greece Ancien.

– Хотелось бы посмотреть на таких дам! – не выдержав, расхохотался Бурцов.

Сидевший рядом хозяин бала наклонился к ротмистру и что-то зашептал, заговорщически улыбаясь и похлопывая собеседника по плечу.

Алексей (Это ёра Бурцов-то!) округлил глаза и восхищенно присвистнул. Интересно, что ему такое сказали?

Впрочем, у Дениса Давыдова голова болела сейчас вовсе не о том. Среди собравшихся дам гуляка-гусар безуспешно выискивал глазами пылкую польскую красавицу Катаржину, с которой познакомился с месяц тому назад на одном из подобных же балов. Катаржина приехала из Белостока, навестить свою кузину Ванду Василевскую, проживающую с мужем в Звенигородке, о чем Денис Васильевич узнал уже с чужих слов, ибо красавица Катаржина ни бельмеса не понимала по-русски да и по-французски говорила вкривь и вкось.

Дэн физически чувствовал, как мысли о польке уже заняли всю его голову, ни о чем другом молодой человек и думать-то уже не мог... и не хотел, если откровенно. Почему-то Денис не видел за столом ни Катаржины, ни ее кузины с мужем. Не пригласили? Не позвали? Маловероятно. Да, Василевские – дворянчики те еще, можно сказать – голь-шмоль, но все же общество в Звенигородке не такое уж и большое, а, по правде говоря, и вовсе маленькое, каждый человек на счету. Тем более – каждая дама.

– А вот, господа, давайте в карты поиграем!

– А может, потанцуем все же? Не хотите ли вы танцевать, господа? Voulez-vous danser?

– Мазурку! Мазурку давайте!

– Или полонез!

Привстав, хлебосольный хозяин махнул рукой. Крепостные музыканты бодро заиграли мазурку. Все тут же пустились в пляс... все, кроме Дениса Давыдова. Тот все высматривал свою польку... да, так и не высмотрев, махнул рукой и, подкрутив усы, бросился танцевать мазурку.

Когда музыка кончилась, лихой гусар все ж таки улучил момент и, ничтоже сумняшеся, спросил про Василевских хозяйку, любезную госпожу Наталью Ивановну.

– Василевские? Ох, Денис, Денис! – старушка шутливо погрозила Давыдову пальцем. – Знаю, кто тебе нужен. Ну тянуть не буду – обещались быть. А уж чего так припозднились – не ведаю.

Окрыленный надеждой гусар сразу же почувствовал себя куда веселее и даже ринулся было танцевать полонез, да не успел – музыка кончилась, и гостей вновь попросили к столу. Подали очередное блюдо – гуся, жаренного с яблоками и гречневой кашей, к гусю, как и подобает, – наливочки... ну и гусарского вина. Никто ведь и не сказал, откуда оно, все считали – французское. Дамы пили да нахваливали, щурясь от удовольствия.

Хозяйка, Наталья Ивановна, сославшись на усталость, вскорости отправилась спать, уехали восвояси и некоторые гости... а Василевских все не было, и это заставляло Давыдова нервничать. Ах, Катаржина, ma petite amie, неужели же так и не удастся свидеться?

Под гуся и водочку завязалась неспешная дружеская беседа. Хозяин, старый майор Михайла Феклистович принялся вспоминать былые сражения, походы под началом славного графа Суворова, тогда еще – генерал-аншефа. Вспомнил и про Давыдова:

– Знаю, знаю, Денис Васильевич, дорогой, как граф тебя с братцем привечал! Об том Александр Васильевич как-то рассказывал, как у родителей твоих гостевал.

– Когда мы с братом были детьми, – ностальгически покивал Денис. – Александр Васильевич тогда предрек мне военную карьеру. Брату же – статскую. А вышло – что и он по моим стопам пошел.

– Ну, что ж, братцы, – Михайла Феклистович неожиданно подмигнул гусарам с самым заговорщическим видом. – Не хотите ль взглянуть на греческие улады мои? И от тех улад угоститься.

– Что еще за улады такие? – мигом заинтересовались гости. – А ну-ка, любезнейший господин майор, покажи!

– Так я и собираюсь. Только – тсс! Без дам надобно.

Ну, без дам так без дам...

Тайненько, по одному, по два, господа гусары вслед за гостеприимным хозяином проследовали на задний двор. Там тоже простирался сад, только устроенный на особый манер, по образцу знаменитого француза Ленотра – с четко разбитыми аллеями, аккуратно подстриженными кустами и ажурными деревянными беседками, густо увитыми лозою и плющом.

Все это освещалось горящими факелами... кои держали в руках нагие юные девы, стоявшие на постаментах на манер греческих статуй!

– Вот он мой греческий парадиз! – не преминул похвалиться хозяин. – Девки – все крепостные мои, так что ежели какая кому приглянется – против не буду. Угощайтесь, господа мои!

– Вот это да! – восхитились гусары. – Ай да Михайла Феклистович, ай

да хват! Видим, видим – есть еще порох в пороховницах.

Лишь Сашенка Пшесинский покраснел... ну, это он от молодости, верно. Впрочем, и Дэна это все тоже как-то коробило. Как-то вдруг не по себе стало. Еще бы! Совсем молоденьких крепостных девчонок вдруг заставили раздеться и выстроиться в ряд для obsługi подвыпивших гостей. Это ж надо было до такого додуматься! Какая уж там нравственность...

Пара гусаров уже повела в беседки сисястых дев, кто-то еще выбирал, приглядывался... в том числе – и закадычные друзья: Денис Давыдов с Алексеем Бурцовым.

– Это ж гнусно как! – взволнованно прошептал Денис... нет, все ж таки – Дэн! – Жалко девок-то. Вон те две – совсем еще дети... и их с малых лет... вот так! Рабство, одно подлое рабство кругом... Эх, Россия, Россия...

– Тсс! – Бурцов поспешно огляделся вокруг. – Тише ты, вольтерьянец! Забыл, за что тебя к нам сослали?

– Да уж не забыл, как же.

– Вот и я о том, друже. Вчера – басня про императора – «Орлица, Турухтан и Тетерев», сегодня вот – выступления против существующих порядков... А завтра что? Революция?

– Басня-то, кстати, из Сегюра!

– Знаем мы твоего Сегюра! Ох, Денис, Денис... вижу, неприглядно тебе все. Да и мне, кстати, не очень. Одно дело, когда с дамою по желанию... и совсем другое, когда вот этак – по-скотски... Пойдем-ка лучше напьемся, Денис!

– А вот это хорошая идея! К столу, друг, к столу!

Бурцов, брат, что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов! пью твое здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!

С такими вот настроениями приятели и вышли к столу, уселись... И тут вдруг Денис едва не подавился водкою! Прямо перед ним, совсем рядом, за столом сидела Катаржина в компании своей старшей и куда более строгой кузины!

Тоненькая, даже худая, с небольшой грудью и длинными ногами, с синими, как небо, глазищами в обрамлении длинных пушистых ресниц. Темные, с изысканным оттенком рыжины, волосы были завиты локонами, голубое, сильно декольтированное платье оставляло напоказ тонкую белую

шею, тронутые первым золотистым загаром плечики и верхнюю часть груди с аппетитной ложбинкой. Милое очаровательное личико, чуть вздернутый носик, пухлые, растянутые в улыбке губки...

Господи! Дэн глазам своим не поверил. Перед ним сидела Леночка! Та самая...

– Dobry wieczór, – с улыбкой произнесла Катаржина по-польски.

– О, мадемуазель! Как я счастлив, наконец, лицезреть вас. Так выпьем же за нашу встречу!

Оба – да и все, кто еще оставался – чокнулись и загалдели. Гости давно опьянели, и уже мало кого интересовала общая беседа, компания распалась на междусобойчики, там что-то обсуждали, пили, смеялись...

– Сашка! – Денис подозвал корнета. – Иди-ка, переведи. Спроси, не имеет ли мадемуазель желание прогуляться по саду? Тут ведь такой дивный сад – просто парадиз какой-то.

Мило улыбаясь, корнет выполнил просьбу старшего друга и, выслушав ответ, перевел:

– Она согласна. Говорит – просто обожает гулять по ночам. Это так романтично! Только хочет, чтоб ты прихватил с собою вина.

– Вина? А как же! Возьмем бутылку... и бокалы прихватим – пускай звенят! Ах, Сашка, Сашка, какой же ты молодец! Стукнем чашу с чашей дружно! Нынче пить еще досужно – завтра трубы затрубят!

Взяв Катаржину под ручку, гуляка гусар неспешно зашагал по аллее, освещаемой отсветами горевших на столе свечей, звездами и большой серебристой луною.

– Ах, душа моя! Хочешь я прочту тебе стихи? Всенепременно прочту! Впрочем, сначала выпьем... Вот прямо здесь и выпьем, ага.

Галантно усадив юную мадемуазель на случившуюся по пути скамеечку, Денис водрузил рядом прихваченную корзинку с вином, бокалами и сыром и, выхватив саблю, лихо, по-гусарски, отбил горлышко бутылки!

Польская красotka заплотировала и ловко подставила бокалы. Выпили... закусили... потом еще разок выпили... Синие глаза польки заблестели, губки приоткрылись...

– Тебе не холодно, душа моя? Вижу, что холодно – плечики-то голые. Ах, какие плечики, ах... сейчас я их погрею...

Переставив корзину в траву, гусар подсел к девчонке поближе. У Дэна захолонуло сердце: неужели... неужели все вот так просто? А в школе говорили о каких-то там романтических временах...

От бедра Катаржины, скрытого тоненькой шелковой тканью, исходило зовущее тепло. Гусар прижался еще ближе и со всей нежностью, с которой только мог, обнял, погладил девушку по плечам... затем с жаром поцеловал в шею... в плечики... в грудь... Польша вовсе не сопротивлялась, отнюдь! Принялась расстегивать пуговицы на доломане. Денис тоже времени зря не терял: не забывая о поцелуях, распустил шнуровку на платье, погладил чудесную стройную спинку, ощутив ладонью тепло шелковистой кожи и, обнажив грудь, накрыл губами трепетный нежный сосок...

Отвлекся лишь на миг, углядев невдалеке беседку. Без лишних слов сгреб Катаржину в охапку, подхватил на руки...

Там и случилось все, на широкой скамье, покрытой кошкой. Полетела прочь сброшенная одежда, и нагая пылкая Польша, томно вздыхая, прижалась к гусару всем своим юным восхитительным телом:

– Jesteś moim huzarów! Weź mnie, weź! No, nie wstydz się! Jesteś taki słodki, pan Denis!

* * *

– А ну-ка, отпусти! Отпусти, кому сказано!

Дэн в недоумении распахнул глаза, увидев прямо перед собой томно глядевшую на него Оленьку! Оказывается, во время транса он едва не стянул с девушки маечку! Не успел – обозленный Юрка не дал. Ишь ты, защитник нравственности выискался. Кстати, судя по глазам, Ольга сейчас именно так и думала.

– Ну? Что там было?

– Потом расскажу, – выходя из-за стола, отмахнулся Денис. – Сейчас некогда. Пора мне.

Оленька ехидно улыбнулась:

– И куда же ты так заторопился, интересно знать?

– Так... надо...

Особенно-то Дэна никто и не удерживал. С Ольгой Юрик оставался... и еще этот, ботаник, был. Правда, тот тоже все прекрасно понял и быстро откланялся.

Катаржина! Эта польская красотка так напоминала Леночку! Просто невероятно – одно и то же лицо, фигурка, даже голоса и повадки схожие. Ах, Катаржина... Ну, Денис Васильевич, хват!

Начался дождь, настоящий ливень. Дэн не обращал на льющиеся

потоки воды никакого внимания, просто шагал, погруженный в собственные мысли... вспоминал, думал... Вернее, не думал, а пытался вновь пережить то, что случилось там, в беседке в далеком тысяча восемьсот пятом году. Леночка-Катаржина запала и в его душу тоже. Очень хотелось все повторить. Да просто хоть увидеть польскую красотку... как там она?

Что ж... ежели очень хочется... Почему бы и не увидеть?

Войдя в пристройку, молодой человек наскоро переоделся и вытащил на середину комнаты стол. Потом принес из кухни блюдце с водой, тщательно задернул окно... Свеча! Где-то ведь должна быть, не может, чтоб не было, квартирная хозяйка – старушка запасливая...

Свечка – и не одна – отыскалась в ящике комода. Хорошо, что хозяйки пока дома не было. Теперь все было готово: темная комната, стол, блюдце с водою, свеча... Дэн чиркнул спичкою, потом, встав, погасил свет... Не сказать чтоб парень очень уж волновался – все это с ним уже было и не один раз. Правда, тогда еще имелся медиум – Ольга. Теперь же приходилось все делать самому.

Придав лицу самое серьезное выражение, молодой человек вытянул вперед руки и закрыл глаза:

– Дух Дениса Давыдова, гусара и поэта, явись! Явись! Явись! Явись!

Сказав так, Дэн медленно открыл глаза... Ничего не произошло! Все тот же стол, все та ж узенькая съемная комнатенка, завешенное пледом окно. Никаких балов, гусаров... Леночки-Катаржины.

– Дух Дениса Давыдова, явись!

Со второго раза тоже не вышло, не получилось и с третьего. Однако Денис Игоревич юношей оказался упорным – пробовал еще и еще, пока, наконец, после десятой или одиннадцатой попытки не махнул на все это дело рукой. Видать, и впрямь без медиума – никак. Вот вам и Оленька! Что ж... Тогда – завтра! Да-да – завтра. Попросить Ольгу и...

Измученный молодой человек, не раздеваясь, повалился на диван, подложив под голову продавленную подушку... И проснулся только утром. Точнее – его разбудила труба.

* * *

– Что? Что такое?

– Тревога, Денис!

– Бурцов?! Ты как здесь?

– А ты не помнишь? Заночевали вчера в казарме... вот и пристатились! Однако ж хватит болтать – пора.

Прихватив с собой сабли и пистолеты, гусары выскочили на плац и со всех ног бросились к конюшне. Юный трубач из рядовых неумолимо дул в сверкающую трубу, к нему вскоре присоединился и барабанщик, и еще парочка музыкантов с литаврами, поднявших такой шум, что только держись!

Все собрались быстро – не барышни, – не прошло и пяти минут, как кавалерия уже гарцевала на конях во дворе напротив казармы, в любой момент готовая броситься в бой и смять неприятеля неудержимой лавой!

Однако покуда такого приказа не было. Лишь звучали строевые команды:

– Выровнялись по холкам... Смирно! Р-равнение на середину...

Дождавшись, когда гусары построятся, в ворота верхом на белом коне въехал несколько сутулый человек в синем полковничьем мундире, с седоватыми, но франтоватыми усиками и строгим лицом. Дэн тут же «узнал» отца-командира, лихого полковника Якова Федоровича Ставицкого, командовавшего «белорусцами» уже около года. Рядом с ним, на кауrom жеребчике, покачивался в седле какой-то статский, судя по богатому фраку и треуголке с золотым галуном – чином никак не ниже надворного советника, а то – и выше. Лицо статского – узкое и длинное, как у кобылы – казалось каким-то неестественно бледным, незагорелым – видать, вся служба его проходила в кабинетах.

– Здорово, гусары-молодцы! – вытянулся в седле отец-командир.

Гусары подались вперед в стремянах:

– Здрав будь, вашбродь господин полковник!

– Вот что, братцы, в Европах снова война, – продолжал полковник. – И вы знаете, с кем. Дай бог, и мы в ней поучаствуем, царю-батюшке и богоспасаемому Отечеству нашему верой и правдой послужим.

– Послужим, господин полковник! – хором гаркнули всадники.

– Орлы! – не преминул похвалить Ставицкий. – Молодец к молодцу. С таким ни один Бонапарт не справится.

Статский лишь скептически скривился, и полковник, наконец, соизволил его представить:

– О делах европейских вам сейчас пояснит надворный советник Батюшкин, Николай Егорович, ответственный чиновник министерства иностранных дел, правая рука господина министра – светлейшего князя Чарторыйского.

Надворный советник скривился и принялся что-то говорить

бесцветным и глуховатым голосом. Прислушивался к его словам, верно, один лишь Дэн, да и тот – чисто из любопытства. Батюшкин прогнусавил про «славные войска коалиции» в составе России, Австрии, Англии, Швеции и еще какого-то Неаполитанского королевства. Сия грозная сила должна была в самое ближайшее время атаковать узурпатора на всем протяжении от Балтики до Италии. Три русскими армиями командовали соответственно Беннигсен, Буксгевден и Кутузов.

Речь «правой руки» министра никак нельзя было назвать зажигательной, впрочем, закончил он во здравие, с неожиданной громкостью прокричав:

– Слава государю-императору Александру Палычу!

Тут уж гусары не подкачали, проорали так, что деревья за оградой затряслись:

– Слава! Слава! Слава!

После выступления советника весь полк сразу же отправился на маневры. Гусары – особенно офицеры – казались необыкновенно взволнованными. Еще бы, каждому хотелось стать участником боевых действий, проявить себя во славу Отечества, и такая возможность, вполне вероятно, могла представиться им уже в самое ближайшее время. До того же следовало крепко нести службу, готовиться и ждать.

Полевой лагерь разбили на опушке чудесной липовой рощи, посреди медвяных трав. Ужо лошади были довольны, да и гусары тоже: после утомительных дневных скачек так славно было расслабиться, полежать на траве, в компании верных друзей и шампанского. За вином специально отправляли нарочных в Черкассы, за сто верст, водкою же обходились ядреною, местной.

Каждое утро начиналось с чистки лошадей, потом – легкий завтрак, а уж затем, причем до самого вечера – маневры. Ну, а уж вечером – пир, куда ж без этого?

Еще следовало содержать в чистоте и порядке всю амуницию, от сапог до кивера. Кивер впервые ввели для гусарских полков года два назад, точно такого же образца, как и в пехоте: высокий, почти цилиндрический, чуть расширяющийся кверху и с пристегивающимся козырьком. Ни кутасов (толстых гарусных украшений, свисающих спереди и сзади кивера), ни султана на гусарских киверах еще не было. Зато как много всего нужного помещалось в сей головной убор! В кивере хранили ложку, деньги, гребешок, щеточку для усов, фабру, ваксу, нитки с иглами, трубочку с табачком, запасной кремль для пистолета, шило – все то, что всегда

должно было быть под рукой и что невозможно было держать в чакчирах и доломане.

В состав амуниции входила портупея из красной кожи, к которой крепилась сабля и ташка – пятиугольная сумка, у «белорусцев» – красная с белой опушкой и серебряным императорским вензелем. Поверх портупеи надевался пояс-кушак в виде цветных шнуров с серебряными перехватами. В боевых условиях на специальном ремне-паталере носилась небольшая коробочка для патронов к гусарским пистолетам – «лядунка», там же крепились на тонких цепочках два протравника для прочистки затравочного отверстия пистолета – медный и стальной.

Кроме двух седельных пистолетов в качестве огнестрельного оружия еще имелось короткое кавалерийское ружье – карабин – и прилегающий к нему инструмент.

Все это в походе пачкалось, загрязнялось и требовало ежедневного ухода и чистки, чем и занимались гусары в вечернее время. Еще играли в карты – куда ж без этого?

– А вот мы вашего вальта – дамой! Так ему, так!

– А мы – вот этак! А еще – так...

– Ах, по масти бы, по масти...

Посреди лагеря жарко горели костры, вкусно пахло походной похлебкою с горохом и салом. В шатре князя Сереги играли. Судя по выкрикам, серьезная шла игра, в которой уж не только деньги, но и поместья проигрывали, и ставили на кон детей и жен! Давыдов же к картежной игре был равнодушен – батюшка, отставной полковник Василий Денисович когда-то проигрывался в прах, и если б не матушка, Елена Евдокимовна, то еще и не ясно б, чем сие дело кончилось. Вот и с сыновей своих, с Дениса и Евдокима, матушка взяла слово, чтоб не играли. Те и не играли, Дениса и не тянуло даже. Так, посмотреть за игрой любил, песен попеть, выпить, но карты в руки не брал никогда!

– Может, други, к дамам поедem, проветримся? – опасаясь проиграться, несмело предложил Сашенька Пшесинский.

И совершенно напрасно надеялся!

– Какие дамы, корнет, когда тут игра такая! Вон, Бурцов так понтирует, что самому черту тошно!

– Андрюшка! А ну неси еще водки, неси!

Выпив, Денис выбрался из шатра и, усевшись к костру, похлебал с солдатами похлебки, ничуть не гнушаясь обществом нижних чинов и их простым и сытным варевом. За то солдаты бравого ротмистра и любили,

жаловали.

– А вот, Денис Васильевич, уточкой угостись! Фимка, обозный, подстрелил.

– Спасибо, ребята, за уточку, но... И так уже сыт! Пойду, пройдуся лучше... или посплю.

При Давыдове, как и при любом офицере, имелся крепостной «дядька», слуга, денщик – дворовый мужик Андрюшка, вернее, не мужик, а немного сутулый рыжеватый парень. Расторопный, ловкий, умелый – что еще надобно для слуги?

– Денис Васильевич, почивать желаете? Так я живо метнусь, постелю...

– Сиди! Без тебя обойдусь. Сиди, говорю!

– Как скажете, вашество!

Денис, а точнее – Дэн, специально отпустил Андрюшку... чтоб не стеснял. Ибо молодой человек задумал все же одно важное дело, для чего потребовались свечи и блюдо с водою. Свечи нашлись, а блюде пришлось заменить походной жестяной плошкой. Что же касаясь шатра, так Давыдов заранее велел разбить его в стороне от всех. Никакого удивления это ни у кого не вызвало, все знали – поэтам иногда требуется уединение. Да и вообще, поглощенные нешуточными карточными баталиями гусары в чужую жизнь носа не совали.

Поставив на походном столе плошку, Дэн высек огнивом искру, зажег трут, а уж от него – свечку. Уселся на раскладной табурет, вытянул руки...

– Дух...

Черт! А кого вызвать-то? Себя самого, что ли?

– Дух Дениса Давыдова – явись! Явись! Явись! Явись!

Не получилось. Не вызывался дух, не хотел являться... наверное, потому, что уже и был здесь.

Подумав, молодой человек попытался вызвать дух Ольги, а потом – и Леночки, и Юрика... Все с тем же успехом, точнее – без оного.

Дэн пытался до утра, а потом... нет, не впал в отчаянье, просто надоело. Повалившись на тюфяк, набитый свежей соломой, Денис устало смежил глаза и тотчас же провалился в сон.

Глава 2

Вернуться обратно не получалось! Дэн осознал это постепенно, пытаясь вырваться при каждом удобном случае. Наверное, поэтому и шок не был столь уж заметным – юноша уже просто привык. Привык к раздольным полям, к друзьям-гусарам, к веселым пирушкам, лошадям, женщинам. Да что там говорить, вешать нос в гусарском полку было решительно невозможно! Просто никак. То одно, то другое, опять же – стихи. Стихи о гусарской жизни сочинялись на удивление легко и приятно, друзья их принимали с восторгом, а еще доходили слухи, что и уездные барышни переписывают их в свои девичьи альбомы.

Кстати о женщинах... Катаржина, та самая роковая красотка, к которой так стремился поэт-гусар, неожиданно была помолвлена со старым князем Черкасским и в самое ближайшее время собиралась за него замуж. Будущий муж был старше своей молодой супруги раза в три, но это никого не смущало – такие уж тогда стояли времена. Вот если б наоборот – старуха с молодым, тогда всем про молодого было бы ясно – тот еще фрукт, ищущий всяческих материальных выгод.

Что же касемо юных дев, так их отдавали замуж частенько против воли, да и вообще, брак был делом родителей. И это правильно, наверное, – ну ведь решительно невозможно поручить такое важное дело подросткам, тем более влюбленным! Катаржина же была сиротою и бесприданницей, и к замужеству ее явно приложила руку кузина. Что ж, очень даже неплохой выбор, учитывая богатство князя. Можно сказать, юной польке очень даже повезло с мужем. Богат, знатен, знаменит! Ну, а что касемо сексуальной жизни, то... гусары на что? Их ведь тут – целый полк. Правда, теперь не столь уж и рядом – от Звенигородки до имения князя под Черкассами – больше ста верст. Впрочем, разве ж это преграда для двух молодых людей, чувствующих друг к другу симпатию?

Уже после маневров, где-то в начале сентября месяца, Давыдов неожиданно получил от своей пассии письмо, доставленное с оказией – возвращавшимся в свой полк уланским капитаном. Письмо сие – а скорей, записка – было написано частью по-русски, частью по-французски безбожно исковерканными словами, из которых, однако же, можно было понять, что пылкая полька соскучилась и жаждет встречи.

«Приежжай мон амур буду в Михайловском монастыре сентября двадцатого дня твоя ктржна».

Вот примерно так. В таком вот телеграфном стиле.

Прикидывая, что со всем этим делать, Денис Васильевич испросил совета у лучшего своего друга – Бурцова. Бравый ротмистр лишь подкрутил усы и, лукаво глянув на друга, сказал: «Поезжай! Коль женщина зовет – так тут и думать нечего, особенно гусару». Удобную причину для отлучки вполне можно было придумать – скажем, навестить некую престарелую тетюшку, возвращающуюся в Москву со своей южной усадьбы.

– Так ведь вранье получится! – не согласился Денис.

– Так ведь ради дела! – Алексей Бурцов, когда хотел, мог уговорить любого. – Тем более ты можешь и не говорить, что к тетюшке. Скажи уклончиво – к родственнице... почти ведь так оно и есть?

– Рапорт поеду подавать, – с неожиданной хмуростью вдруг промолвил Давыдов. – О переводе на театр военных действий. Давно хотел уже. А то ведь так и не удосужусь отведать ратной славы! Братец мой младший, Евдоким, так ведь туда и отправился, в распоряжение генерал-аншефа Беннигсена. Прислал вот письмо из Вильны. Вояка! Так и мне негоже отставать.

– Ну, можно и так, – подумав, ротмистр махнул рукою. – Рапорта-то мы все подадим... А я вот все же надеюсь – может, и наш полк бросят в бой? Не оставят в резервах...

Денис покусал ус:

– Может быть. Но я все же подам. Заодно и даму проведу.

– Вот это правильно! – засмеялся Бурцов. – Жаль будет расставаться, коли рапорту твоему ход дадут. Лучше б в одном полку... вместе...

– Ах, друг мой Алексей! Хорошо бы да кабы!

Взволнованные друзья обнялись и расцеловались, после чего окрыленный поддержкой Бурцова Денис тотчас же отправился к своему командиру.

Полковник Ставицкий принял бравого гусара тотчас же и, узнав, в чем дело, перечить не стал:

– Знаю, знаю, все вы в бой рветесь. Особливо ты. Брат, говоришь?

– Да, да – Евдоким. Поди скоро уже и воевать будет, а я...

Искоса поглядев на своего подчиненного, полковник надел треуголку – он все же собирался кого-то проведать:

– Понимаю, все ж таки после гвардии у нас, верно, скучновато? А, Денис?

Давыдов потупился:

– Что вы, Яков Федорович! С такими-то орлами когда и скучать?

После посещения полковника Дэн внезапно ощутил некий подъем чувств. Денис Васильевич года полтора назад был сослан в Белорусский полк из столичных кавалергардов, сослан за стихи, и, конечно же, мечтал вернуться. Подавал рапорт полгода назад, и вот сейчас собрался... В гвардию, на войну – вот это было бы славно!

Долго ли, коротко ли, а Денис простился с друзьями и, велев слуге седлать коней, тут же и отбыл вместе с верным Андрюшкою. Всякие мысли перемешались в буйной голове гусара! Давыдов мечтал об участии в войне, о переводе... и, конечно же, о встрече с юной польской красоткой. О том, кстати, мечтал и Дэн... но еще он все-таки надеялся вернуться. Черкассы это вам не Звенигородка – город большой, неужто не найдутся в нем медиумы? Неужто никто спиритических сеансов не проводит, не вызывает духов? Или это все не в моде еще?

Медиум. Все дело в медиуме – Ольге. Именно она погружала Дэна в транс, она и возвращала обратно. Как? А бог ее знает. Юноша этим и не интересовался как-то – синие глаза Леночки мешали, ведь только на них и смотрел. Ах, Леночка, Леночка... Катаржина. Чужая невеста, бесприданница... и красавица, каких, верно, больше в целом свете нет!

К слову сказать, Дэн никогда не осуждал тех женщин, что ищут лучшей жизни, используя свою красоту. И правда – коль есть что, так ведь грех не пользоваться! Когда бедные юницы выходят замуж за богатых стариков, как вот Катаржина, – это правда жизни, и от того не становятся эти девы ни подлее, ни хуже. А уж если не о юницах речь, а об особах постарше, годам к сорока... То тем-то сам бог велел! Пока красота не увяла. Нет, не осуждал Денис таких женщин, вовсе не осуждал. Наоборот, защищал всегда, частенько за ужином с квартирной хозяйкою спорил. Если женщина что для улучшения жизни своей – а часто и детей – делает, то как же можно ее за то осуждать? Да и вообще, сказано ведь – не судите, да не судимы будете.

Понимал Дэн и Леночку, и Катаржину. Других не понимал, тех, кто всю жизнь мыкается с нищим пьяницей-мужем! Глянешь на иную – ну, красива. И умна... но все равно – дура. Муж – нищий алкаш, жену ревнует, к тому же и бьет смертным боем! А та все терпит, вот уж точно – дурища! Чего-то боится в сей жизни менять... А чего бояться? Чего терять-то? Впрочем, в каждой избушке свои побрякушки.

Отыскать под Черкассами Михайловскую женскую обитель никакого труда не составило. Монастырь, огороженный мощной стеной из беловатого камня, сверкал на солнце куполами церквей. Вокруг росли высокие стройные липы и клены, уже начинавшие желтеть, хотя погоды все же еще стояли летние, теплые.

Обитель-то нашли, но вот как было туда проникнуть? Как узнать, там Катаржина или еще нет? По законам Российской империи, жена должна была принимать веру мужа, то есть католичка полька – креститься в православие. Затем будущий муж и отправил ее в обитель: чтоб разъяснили ей сестры-монахини православную веру. Так многие делали, и князь Черкасский – не исключение.

– Вот это стадо, барин! Всем стадам стадо, а? Поди монастырское.

Слуга, Андрюшка, не удержался, восхищенно показав пальцем на пасущихся на лугу, недалеко от дороги, буренок. Чистеньких, дородных, лоснящихся. Возле стада, в кусточках, притулился шалаш, возле которого важно прогуливался босоногий пастушок в коротких штанах и свитке из выбеленной на солнце холстины.

Завидев красавца-гусара, пастушок забыл про коров и восхищенно уставился на всадника...

– Что рот-то раскрыл – муха залетит! – засмеялся Давыдов. – Монастырское стадо-то?

– Так, барин, так, – пастушок покивал лохматой белобрысой головою и улыбнулся. – А сабля у тебя острая?

– А ты думал! – хохотнул гусар. – Хочешь в руках подержать?

– А можно? – склонив голову набок, мальчишка недоверчиво прищурился.

– Да можно, почему б и нет? – Денис Васильевич сделался сама серьезность и, придержав поводья, нагнулся к пастушонку: – У вас тут где шалаш можно поставить? Что-то не хочется на постоялом дворе ночевать – больно уж там клопы злые.

– Гы! Уж точно злые, – отрок поколупал в носу. – А шалаш можно вон, на меже поставить. Там земля ничья.

– Слуге моему покажешь, где... Тебя как звать-то?

– Гришкою.

– А как бы мне, Гришка, узнать, приехал кое-кто в монастырь или нет? Сбегаешь? Не только саблю потрогать, еще и денежку дам.

– Не, не сбегаю, барин, – с видимым сожалением протянул пастушок. – Обитель-то женская, нас не пускают.

- Жа-аль.
- Я-то не могу, а вот сестрица моя, Фекла, может. Позвать ее?
- Конечно, друг милый, позвать!
- Так я тогда мигом!

Сестрица пастушка Фекла оказалась долговязой девицею с весьма приятным личиком и нескладной фигуркой подростка. Босая, в темной длинной юбке и какой-то бесформенной кофте, она чем-то напомнила Дэну персонаж из какой-то исторической игры. Выполнить просьбу гусара Фекла согласилась охотно – да невелика и просьба была.

– Если та госпожа там, скажешь, мол, друг ее – она знает, кто – будет ждать ее вечером, прямо вот здесь, под липами... еще скажи... Черт! – Денис вдруг хлопнул себя по лбу. – Вот же дурень! Как же она тебя поймет-то? Она ж полька!

- Так я, барин, польский понимаю. И говорить могу.
- Ты ж моя умница! Ну, иди, иди же, не стой.

Девчонка обернулась быстро, и пары часов не прошло:

- Дама сказала – к вечеру выйдет. Так что ты, барин, жди.
- На вот тебе! – обрадованно рассмеявшись, гусар протянул Фекле денежки – копейки. – Это вот и братцу твоему тоже.
- Он хотел еще саблю посмотреть.
- Пусть на межу приходит – посмотрит. Где у вас тут межа-то?
- А вон...

Наскоро перекусив прихваченной с собою вчерашней холодной дичью, Денис Васильевич оставил Андрюшку строить шалаш, вскочил в седло и, подкрутив усы, мелкой рысью подался к обители. Вне всяких сомнений, появление столь бравого всадника – да еще и гусара! – у стен женского монастыря вряд ли осталось бы незамеченным, мало того, вызвало бы целую кучу кривотолков и сплетен, что monsieur Давыдов прекрасно понимал и вовсе не собирался стать мишенью для пересудов, тем более коли здесь была замешана молодая и привлекательная особа... вовсе даже не свободная.

Исходя из этого, Денис привязал коня в липовой рощице, сам же, сняв кивер и накинув на плечи шинель, уселся невдалеке на пенек, маскируясь в зарослях краснотала и вербы. Конец сентября в Малороссии – по сути, еще лето, так что разноцветных – зеленых, желтых и красных – листьев на кустах и деревьях вполне хватало для укрытия. Так вот гусар и ждал

появления своей страсти, нетерпеливо поглядывая на аллею.

Еще даже не начинало темнеть, кажется, вскорости после обедни, одинокая женская фигурка появилась наконец-то на мосточке, ведущем через неглубокий овражек к липам. Поверх изумительной красоты темно-голубого платья, словно сошедшего со страниц модного французского журнала *La Racinet*, струилась темно-коричневая шаль, с изысканной шляпки на лицо ниспадала вуаль. Изящная фигурка сия даже издали выглядела столь воздушной и легкой, что темно-красного сафьяна туфли, казалось, едва касались земли. Едва слышно шуршали опавшие листья...

Сердце гусара забилося так гулко, что грозило вот-вот выскочить из груди! Сомнений никаких не было – эта появившаяся на аллее девушка и есть Катаржина!

– Ах, улада очей моих! – Вскочив, Денис со всех ног бросился навстречу красавице, умоляя Господа лишь об одном: лишь бы все это вдруг не оказалось видением, волшебной грезой влюбленного поэта... хотя о любви, верно, здесь речи и вовсе не шло. Скорее, влечение, да... Но какое!

– Добжий вечер, месье гусар, – откинув вуаль, Катаржина окатила своего истосковавшегося кавалера синим светом очей.

Очаровательно наморщив носик, она еще что-то добавила по-польски, что именно, гусар, естественно, не понял, но догадался в общих чертах. Хотя... и что тут было догадываться, все более чем откровенно! Как пелось в старой песенке «Наутилуса»: «Ты – моя женщина, я – твой мужчина, если надо причину, то это причина».

Да не надо было причины, и не надо было никому ничего объяснять, тем более – друг другу!

Похлопав по холке коня – жди, мол, – Денис взял возлюбленную за руку и повел за собой сквозь заросли, через дорогу к меже, где ушлый Андрюша уже соорудил просторный шалаш, не забыв положить наземь мешок, набитый сеном, – загодя приобретенный практичным слугой по пути.

На этом мешке и случилось...

– Ах, милый...

Полетела прочь шляпка, а за нею и шаль. Скользнули меж пальцами гусара шелковые завязки платья... Да черт-то бы их побрал, эти завязки, вот, право же, в самом деле – побрал! Это ж такое неудобство, и кто только их придумал... просто изверг рода человеческого, иначе и не сказать! Да развязывайся же... ну!

А Леночка-то... тьфу – Катаржина – тоже хороша. Не могла вместо

столь неудобного платья джинсики нацепить да какую-нибудь легкую кофточку... и можно даже без бюстгальтера... хотя... Сей детали женского туалета и так не было. Едва завязки ослабли, как тотчас же обнажилась грудь – упругая, быстро наливавшаяся терпким соком запретной любви...

Они простились через пару часов. Уже начинало смеркаться, а невдалеке, над рощей, поплыл, закурлыкал журавлиный клин.

– Счастья тебе, милая, – крепко обняв девушку на прощанье, прошептал гусар. – Надеюсь, еще свидимся.

– И тебе стчастья, – пылкая красавица томно изогнула шейку. – Приезжай. Не забывай меня, коханный. Даже когда рожу детей... Все равно – приезжай. Всегда.

– Всегда, – эхом откликнулся Давыдов.

Хрупкая, закутанная в шаль фигурка быстро пошла по аллее к монастырю. На мостике обернулась, помахала рукой...

У Дэна словно тисками сдавило сердце... Ах, Леночка, Леночка... И почему все вот так? Почему они не могут остаться вдвоем... быть вдвоем всегда? Значит, все ж таки не любовь. Просто влечение-увлечение. Но ведь им было очень хорошо? Было. И, даст бог, будет еще... Невелик грех, наверное...

* * *

В Черкассах Денис Васильевич остановился в недорогом пансионе, сняв комнату на двоих со слугой. В номере оказалась всего одна кровать на гнутых деревянных ножках, и Андрюшка постелил себе в углу... тот самый мешок с сеном. Правда, спать слуге не дали.

– Вот что, любезный мой, – едва устроившись, Давыдов задумчиво покусал усы. – Поди-ка, прошвырнись, поспрашивай – кто-нибудь здесь занимается спиритизмом?

Андрюшка округлил глаза:

– Чем-чем, барин?

– Ну... духов там вызывают и прочее...

– Так это ж еретики-чернокнижники! – слуга опасливо перекрестился на висевшую в углу икону. – За то в Речи Посполитой – смерть. Да и у нас по головке не погладят. Не в тюрьму, так на каторгу.

– Да уж, нет еще в России истинных европейских свобод! – явно ерничая, посетовал Дэн. – Что ж, вели тогда ужин принести. Вдвоем и

поснедаем.

– Ужин – это, барин, славно, – денщик сразу же оживился и погладил себя по животу. – А чего заказывать-то? Поздновато уже. Боюсь, не уснула ль прислуга.

– Ну... яичницу пусть пожарят, так, чтоб побыстрей. И вина... Вина не забудь. Пусть хоть яблочного – один черт.

– Ну это я, барин, сей момент спроворю!

Просияв лицом, Андрюшка удалился, а его хозяин скинул сапоги и, растянувшись на кровати, задумался. Отыскать спиритов и медиумов, оказывается, было не так-то просто! Времена на дворе стояли религиозные, к чернокнижью и колдовству относились строго. На кострах уже не жгли, но репрессии не отменяли. Вот и боялись люди... и, похоже, даже в высших кругах. Если и проводили сеансы, то явно не афишировали.

Но ведь должны же... какие-нибудь бабки... ведьмы... колдуньи... Да! Не может быть, чтоб не... Надо просто искать. Искать надо.

– А вот и ужин, Денис Васильевич! Как вы и просили – яичница с салом! – довольно щурясь, слуга внес в комнату дымящуюся сковородку. – Куда ставить?

– А вон, – вскочив с ложа, гусар поставил на колченогий столик какую-то замусоленную французскую книжку, найденную здесь же, в номере, – видать, кто-то из постояльцев забыл. – Однако – Расин! – Давыдов все же прочел название и махнул рукой. – Да и черт с ним, с Расином. В метафизическом споре философии и яичницы победила яичница... Жаль, что не зеленый змий! Кстати, о нем... Андрей Батькович! Как там насчет вина?

– Посейчас принесу, барин. Это... из яблок только вино, однако крепкое.

– Крепкое? Да ты уже, шельма, испробовал?

– Так, чуть-чуть. Хозяин за штоф полтину требует!

– Иди ты! Это ж три фунта телятины можно купить.

– Так не брать, барин?

– Как не брать? Бери! Я ж тебе, дурень, не о том толкую – брать вино иль не брать, а о том – что дорого стало везде.

– Тогда гоните полтину, Денис Васильевич! И еще столько же – за яичницу.

Гусар аж крикнул от наглости хозяев пансиона.

– За яичницу – полтину? В ней что, два десятка яиц? И одного ведь не наберется... Впрочем, ладно – на вот тебе. И неси поскорее вино.

С первой баклажкой вина не повезло – оно скорее напоминало

яблочный уксус, зато вторая неожиданно оказалась крепкой – не вино, а чистый кальвадос. Выкушав на пару с Андрюшкой пару баклажек и закусив яичницей, Денис Васильевич соизволил отойти ко сну. Правда, выспаться так и не удалось – одолели клопы! Даже не клопы, а целые крокодилы, как выразился слуга. Денис тоже выразился... только совсем непечатно.

Оба – хозяин и слуга – так и не сомкнули глаз до утра. Не выспавшийся и злой Денис Васильевич всерьез намеревался набить хозяину пансиона морду! Увы, гостей выпроваживала заспанная хозяйка – ну, не ее же бить!

– Клопы тут у вас, однако, матушка, – прощаясь, посетовал гусар.

Хозяйка – женщина средних лет в старом затрапезном капоте – кивнула и, попросив постояльцев чуть обождать, скрылась где-то на кухне... откуда и вынесла штоф и небольшие стопочки.

– Водка. Сливовая. Угощайтесь.

– Ну... чтоб все ваши клопы сдохли!

Озвучив сие пожелание, Денис подкрутил усы и вышел во двор, где его уже ожидал верный Андрюшка, заранее приготовивший лошадей.

– Надеюсь, хоть их-то клопы не заели...

Потрепав по холке жеребца, Давыдов вскочил в седло и мелкой рысью бросил коня прочь из города. Позади, верхом на смирной кобыле, поспешал слуга. Недоброй памяти пансион, точнее говоря, клоповник, располагался почти на самой окраине, так что до Николаевского тракта оставалось ехать недолго. Было довольно тепло, но серое осеннее небо уже набухало сизыми тучами, и, едва путники выехали на тракт, как тут же припустил дождь. Несильный, но по-осеннему нудный, он шел почти полдня, и лишь только к полудню наконец-то выглянуло солнышко.

До того казавшийся унылым пейзаж вдруг вспыхнул яркими разноцветными красками: зеленью озимых, желтизной лип и березок, огненно-оранжевой кленовой листвой. И все это – на фоне дивной синевы неба!

– Был бы художником, картину бы написал! – хлебнув из походной фляжки, восхитился Денис. – Впрочем, я все же какой-никакой, а пиит... Правда, о природе никогда не пробовал...

– Как же не пробовали-то, барин! – подогнав лошадь, Андрюшка подал голос. – А про животинку разную, про птичек? Турухтан там, тетерев, орлица...

Услышав такое, гусар чуть не подавился водкой. Вот так Андрюшка! Эвон какой хват: слышал звон, да не знает, где он.

– Ты лучше про птичек этих не упоминай, – повернув голову, хмыкнул Давыдов. – Меня из-за них сюда и сослали. На-ко вот, лучше выпей!

– Благодарствую, барин! Эта водка-то у вас забористая. Явно не из Вильны!

– Тебе, однако, лучше знать. Ты ж ее и покупал – к слову.

Из Черкасс до Звенигородки добирались три дня, что и понятно – почти сотня верст все-таки. Спешить не особенно и надобно было, так что Денис старался не загонять лошадей. Первую ночь заночевали на постоялом дворе, а вторую пришлось провести в поле, близ неширокой речки в просторном, устроенном, видимо, рыбаками, шалаше.

Пока Андрюшка занимался лошадьми и костром, Денис Васильевич вспомнил золотое детство и вырубил из краснотала удочку. Леска с крючком нашлись у слуги в котомке, а поплавок бравый гусар соорудил из пуговицы. Не из своей, конечно, форменной – из Андрюшкиной.

Похлебав ушицы, путешественники легли спать и поднялись очень рано – еще только начинало светать. Очень уж не хотелось ночевать где ни попадя, а чтоб к вечеру быть дома, следовало поспешить. Вот и поспешали. Лошадок, правда, не гнали – где-то ехали шагом, где-то мелкой рысью, даже не пускались в аллюр, не говоря уже о галопе.

На протяжении всего пути Денис, вернее сказать – Дэн, думал о спиритах. Ну неужели же ни один такой не подвернется? Неужели придется здесь – навсегда? А как же академия, друзья? Отец, наконец? Хоть у того и семья, но все же... Да и вообще, как это можно – здесь! Ни Интернета, ни мобильной связи – вообще никакой связи, кроме почтовой, ни дискотек, ни... ни музыки современной, ни...

Однако же вовсе не скучно, надо признать! Совсем-совсем не скучно. Пожалуй, даже и повеселей, чем там... дома... Да уж точно веселей, тут и сравнивать нечего! Одна жженка чего стоит, а еще казарма с друзьями, балы... Или вот пани Катаржина. Весело, чего уж! Однако что же так пакостно на душе? Может, потому что Леночка – чья-то невеста? Так нет здесь Леночки... есть Катаржина... которая тоже чужая невеста. Однако куда ни кинь – всюду клин!

Подъезжая к Звенигородке, путники попали под сильный дождь и, свернув с дороги, поспешили укрыться в лесу, среди желтых лип и могучих грабов. На самой опушке рос огромный платан, под ним и спрятались, ожидая, когда кончится ливень.

Впрочем, особенно не скучали. Лошадки смиренно пощипывали траву,

Денис, покусывая усы, сочинял что-то про осень, Андрюшке же вздумалось пошататься недалеко по лесу – поискать грибов. Несколько белых он давно уже заприметил, к ним и пошел, срезал в шапку, затем повернул к небольшому овражку: уж там-то подосиновиков, маслят, да тех же белых должно быть немерено!

Так оно и оказалось, только вот собрать грибы Андрюшке не удалось... да и те, что были, из шапки выронил. Слуга вдруг увидел такое, от чего волосы на голове встали дыбом, а из горла вырвалось сдавленное:

– Ба-арин!

Услышав крик слуги, Давыдов вздрогнул и, выхватив саблю, рванул на зов, готовый к любым неожиданностям: к схватке с лихими людьми или даже с французскими шпионами! Ко всему готов был лихой гусар... но только не к этому... Сам чуть не закричал, едва только глянул... еще бы!

На краю оврага в мокрой траве лежал труп мальчика лет пяти. Тело было абсолютно голым и каким-то неестественно бледным, словно бы кто-то жуткий высосал из бедолаги всю кровь!

– Нетопырь! – округлив глаза, перекрестился Андрюшка. – Нетопырь это, больше некому! Ох, Богородица Пресвятая Дева, спаси и сохрани!

– Нетопырь, говоришь? – Денис Васильевич неторопливо склонился над телом... то есть не Денис Васильевич, а все-таки уже Дэн... Будущий профессионал, курсант академии МВД. Третий курс, а как же! В теории – силен, да и практика какая-никакая, но была.

Денис-Дэн действовал, как учили: оперативно, но вместе с тем не спеша. Понимал, в деле будущего раскрытия преступления от него сейчас зависело многое. Первым делом молодой человек послал слугу к лошадям: взять из поклажи заветную «поэтическую тетрадку» и походную чернильницу с пером. Как человек пишущий, Давыдов с такими вещами почти не расставался.

– Вот, барин, пожалте!

– Подержи покуда... ага...

Составляя протокол осмотра трупа и места происхождения, Дэн, как учили, тщательно осмотрел все, слева направо, дотошно фиксируя каждую, даже, казалось бы, самую незначительную мелочь. И примятую траву, и местоположение тела, и раны... да-да – раны, точнее даже порезы на руках и шее.

– Вены перерезали, ага... – осматривая, проговаривал про себя Дэн, – Судя по отсутствию ярко выраженных трупных пятен, убили ребенка не здесь... где-то... Потом перевезли сюда... на чем? И главное – зачем? Андрей Батькович! А ну-ка глянь поодаль – нет ли тележных следов?

– Необязательно на телеге, – убедившись, что нетопыри и прочая нечистая сила к данному происшествию отношения, скорее всего, не имеют, слуга несколько приободрился духом и даже высказал дельную мысль:

– Малец-то немного весит. Его, ежели что, можно и в мешке на своем горбу приволочь.

– Можно и в мешке, – покусал усы гусар. – Это если рядом убили. А если где подальше? Заколебаешься тащить. Та-ак... с трупом, пожалуй, все. Давай-ка тут теперь везде глянем...

Невдалеке, возле овражка, вскоре нашлась и колея от тележных колес, и даже родник со скамеечкой и повешенным на ветку березовым туесом! Место-то оказалось очень даже посещаемым, людным – сюда и за водой ходили, и водили коней на водопой. Только другой дорогой шли, не по тракту.

– Какая тут рядом деревенька-то, не помнишь?

– Дак Авдеевка, барин. Отсея версты три.

– Авдеевка, говоришь? Угу... Опаньки! – Нагнувшись к малиновым зарослям, Денис вытащил зацепившуюся за ветки шапку... маленькую круглую шапку-ермолку, какие обычно носили местечковые евреи.

– Еврейская шапка, – сразу определил слуга. – В таких многие ходят.

– Многие – не многие, а... Ага. – Тщательно осматривая находку, молодой человек обратил самое пристальное внимание на рисунок бисером... буквы какие-то... иврит... или, скорее, идиш.

– Может, тут и имя хозяина найдется... Шاپочка-то, похоже, как раз при делах. Привезли труп на телеге, тащили, видать, в полутьме – вон, кусты смяты. Споткнулись... или – споткнулся. Шапку потеряли, да в темноте и не нашли... или спугнул кто, место-то посещаемое.

Дэн покачал головой и продолжал все с тем же рассудительно-задумчивым видом:

– Почему же подальше не спрятали? Не закопали, не сбросили, наконец, в овраг? Оставили, можно сказать, на виду. Думаю, не одни мы тут грибы искали. Деревенские наверняка. Женщины, дети... у мужиков занятия поважней есть... Значит, опросить местных подростков – может, кого подозрительного в лесу заметили...

Тщательно зафиксировав все в «поэтической тетради», Денис дождался, когда подсохнут чернила, и велел слуге привести лошадей.

– Через Авдеевку и поедem. Сыщем старосту, пусть организывает вывоз трупа в сыскную избу... Ну, что стоишь, Андрей Батькович? Давай подбирай грибы, да поехали. Вон, и дождь уже почти перестал – славно!

В родных казармах, куда путники добрались лишь после полудня, Давыдова встретили с радостью – соскучились. Тут же предложили отдохнуть с дороги: выпить и закусить.

– Подождите, подождите, ребята, – отбивался гусар. – Сейчас вот полковнику доложусь...

Внимательно выслушав ротмистра, отец-командир покивал головой и даже похвалил своего гусара:

– Молодец. Все правильно сделал, Денис. Ах ты ж, до чего ж гнусное преступление, ах до чего же гнусное! Теперь уже слухи-то поползут, поползут слухи. Я как раз сегодня в Подольск собрался, доложу обо всем городничему, а уж он расследование назначит. Может, нас еще попросит помочь. Ладно, Денис, отдыхай покуда. В дороге, небось, умаялся... Да! С рапортом твоим как?

– Пока никак, – вздохнув, гусар развел руками.

– Ну, ничего, ничего, жди, – рассмеялся полковник. – Да не журишь, ротмистр! Войны на наш век хватит. Бонапартий вон как на австрияков прет. Аки бык!

Выйдя от командира, Давыдов наконец-то выпил с друзьями чарку – так, с устатку – да отправился на конюшню, чистить коня. Гусарский конь не просто конь, он – друг, уважения и заботы требует. Потому и день гусар начинался одинаково – с конюшни, с чистки, с прогуливания лошадей и всего такого прочего, без чего не может существовать ни один кавалерийский полк. Кстати, не так много и пили – служба ратная, она как-то больше идет на трезвую голову. Тем более пришла очередь Дениса выходить в наряд – начальником караула.

Дел хватало: нужно было проверять посты, за всем тщательно проследить, составить дневной рапорт да подать его заместителю командира – секунд-майору Артемию Ивановичу Глову.

– Значит, ротмистр, в порядке все? – Артемий Иванович был несколько подслеповат и читал рапорт, водрузив на нос очки. – И что, ни одного пьяного нет?

– Так нет же, господин секунд-майор! Балов нынче на неделе никто не давал, в гости гусар не звали. С чего и пить?

– Со скуки, ротмистр, со скуки, – со знанием дела пояснил Глов. –

Со скуки-то, голубчик вы мой, чаще всего и пьют. И другие нехорошие глупости делают.

Со скуки и выпили. Сразу же после того, как ротмистр Давыдов закончил наряд. Собрались, правда, не в казарме, а, пользуясь хорошей погодой, поехали на заливные луга. Стреножив лошадей, расположились на берегу узенькой речки Поповки, расстелили скатерть прямо на траве. Достали из корзин шампанское, водку, закуску...

– Ну, братие... За нас, за гусар!

Первый тост, как всегда, произнес Алешка Бурцов, ну а уж потом сразу же подключился Давыдов:

Бурцов, брат, что за раздолье!
Пунш жестокий!.. Хор гремит!
Бурцов! Пью твоё здоровье:
Будь, гусар, век пьян и сыт!
Понтируй, как понтируешь,
Фланкируй, как фланкируешь,
В мирных днях не унывай
И в боях качай-валяй!

Вот это был тост! Тостище! Бурцов аж покраснел, обнял приятеля, едва не задавил от избытка чувств:

– Ах, Денис, Денис, как славно ты пишешь! Поистине славно. Ну, ведь, господа гусары, правда же? Грех за столь славного пиита не выпить. Право слово – грех!

Выпили и за Дениса, потом за самого старшего в компании, капитана Держакова, потом по очереди – за всех, пока не дошли до самого молодого – корнета Сашки Пшесинского. А уж за дам был отдельный тост, вернее сказать – тосты. За дам водку не пили, открыли шампанское.

Трава на лугу еще была зелена, в журчащих водах реки голубело небо. Солнышко сверкало в вышине почти совсем по-летнему, сияло так, словно заблудилось в золоте осенних берез, в багряном наряде кленов, в ажурной обнаженности лип. Славно было, ах как славно!

– Ну, господа гусары... За прекрасных дам!

Тут, к слову, никто не ерничал, даже «ёра и забияка» Бурцов. Выпили на полном серьезе и в знак уважения к женскому полу – стоя.

– А хорошее шампанское! – подкрутив усы, похвалил князь Серега. –

Очень даже неплохое. Смею заметить – весьма неожиданно для нашей глуши. Где покупали? В селе?

Все по привычке называли Звенигородку селом, хотя вот уже девятый год сей населенный пункт считался вполне самостоятельным уездным городом, пусть и небольшим – проживало в ту пору в Звенигородке где-то около шести-семи тысяч человек. Для села – многовато, однако на город сие селение не походило никак. Пыльные улицы стелились самой что ни на есть деревенской раздольностью, дома обывателей утопали в садах, люди держали коров, коз, овец, гусей и прочую живность. Никаких мануфактур-предприятий не было, разве что купцы братья Окуловы разрабатывали невдалеке глину, нанимая у местных помещиков оброчных крестьян. Жизнь в новоявленном городе текла, как и встарь, по-деревенски неторопливо, без особенных новостей, зато со сплетнями, которые здесь, кажется, обожали все, не исключая гусар.

Водку и шампанское покупал самый младший, Сашка.

– У пана Верейского брал, в лавке.

– У-у-у! И все же шампанское у этого выжиги ничего.

Купец Никифор Верейский держал в Звенигородке лавку, где, кроме скобяного товара, появлялась частенько и водка, и вот даже шампанское.

– Интересно, где он водку берет? В Вильну ездит?

– За водкой, может, и в Вильну... А вот такого шампанского в Вильне нет, – со знанием дела промолвил князь. – Нет, нет, господа, это я вам говорю точно. Только за границей такое!

Корнет Сашка хлопнул в ладоши:

– Так что же, Верейский-то этот – контрабандист?

– Ну-у... может, не сам. Но с контрабандистами связан точно!

* * *

Через пару-тройку дней в полк вернулся отец-командир, Яков Федорович Ставицкий. В компании с ним приехал и капитан-исправник, отставной пехотный майор, присланный городничим для расследования дела об убийстве ребенка. Капитан-исправник отвечал за порядок в уезде и занимался расследованиями всякого рода криминальных проявлений. Однако должность сия была выборной, и в случае чрезвычайных ситуаций деятель сей мог рассчитывать лишь на команду ветеранов-будочников (инвалидов, как их называли) либо вот просить помощи людьми у командира расквартированной в уезде воинской части.

По сути, полиции в общепринятом понимании в Российской империи еще не сложилось. Имелось Министерство внутренних дел и подчинявшиеся ему «Управы благочиния» во главе с городничими. Ну и вот – инвалиды да капитаны-исправники, избиравшиеся из наиболее уважаемых дворян, прошедших воинскую службу. «Управе благочиния» подчинялись так называемые «полицейские части» во главе с приставом, каждая часть примерно на двести пятьдесят дворов. Части эти и приставы больше занимались охраной общественного порядка, нежели ведением уголовных дел. Для последнего как раз и существовал капитан-исправник.

Уже часа через два после приезда полковник вызвал к себе Давыдова, представив ему гостя:

– Вот, Денис Васильевич, господин Ратников Федор Петрович, бывший майор, ныне же – капитан-исправник. Прошу любить и жаловать. Будет заниматься тем мерзким делом... ну, ты знаешь. Все, что видел, ему изложи подробно... Можешь прямо сейчас...

– Лучше позже. В присутствии, – тут же отчеканил майор. – Я вызову сам... как вас, господин...

– ...ротмистр. Ротмистр Давыдов, Денис Васильевич, – наконец, представил гусара командир.

Сказать по правде, присланный деятель как-то не производил впечатления умного и знающего законы человека, способного разбираться в уголовных делах. На вид так чистый солдафон – «слуга царю, отец солдатам». Коренастый, длиннорукий, с квадратным, тщательно выбритым подбородком и бесцветными глазками усердного и недалекого служаки, сверкавшими под маленьким покатым лбом. Да! Еще брови – кустистые, выцветшие, большие хрящеватые уши и вислый, как баклажан, нос. Тот еще портрет – никакой тебе изящности, утонченности... и никакого проблеска мысли. Такой нараследует, ага.

Ратников прямо там и поселился – в присутствии или, как его называли по-старому, – «в съезжей избе» – двухэтажном деревянном доме, выстроенном специально для всяких административных надобностей. Архитектор, как видно, был не чужд высоких исканий, аляповатые деревянные колонны и портики несколько напоминали модный стиль ампира, а вырезанные из дерева завитушки – барокко или, верней, рококо.

Как бы то ни было, а к приходу Давыдова доблестный капитан-исправник сменил дорожное платье на черный сюртук и темно-красный шейный платок-галстук, отчего стал похож на директора пионерского лагеря времен позднего СССР. Восседавая за широким, крытым темно-

зеленым сукном столом, следовательно успел нацепить нарукавники и, кивнув вошедшему Денису на стул, окунул перо в бронзовый чернильный прибор, изображавший то ли троянского коня, то ли бескрылого Пегаса.

– Ну-с, молодой человек... Рассказывайте.

Гусар рассказал все, насколько мог – подробно, и даже присовокупив к своему рассказу аккуратно вырезанные из «поэтической тетради» листки с «протоколом осмотра».

Губернский гость выслушал Давыдова не перебивая, с каменным лицом, и даже благосклонно соизволил принять «протокол», за который, правда, почему-то забыл поблагодарить. Ну, солдафон – солдафон и есть, что уж тут скажешь! Тем более – пехота. Был бы хотя бы драгун, кирасир, улан... Впрочем, в кавалерии таких истуканов не держат.

Дня на три Денис и думать забыл о капитане-исправнике, некогда было – полк отправился на небольшие осенние маневры. Скакали, рубили, стреляли – уставали так, что никаких мыслей в головах не оставалось. По возвращении же в полк отец-командир вновь вызвал Давыдова к себе в кабинет.

– Помнишь капитана-исправника? Ну, того майора?

Еще б не помнить, ага... Интересно, что он там на расследовал?

– Так вот, Денис Васильевич... Убивца он, похоже, нашел. Арестован Лазарь Рабинович, шинкарь. Ну, ты его знаешь.

– Дядько Лазарь? – удивился гусар. – Это ж добрейшей души человек! Однако... что же, шапка, выходит, его?

Полковник покачал головой:

– Не ведаю, что там за шапки, а вот тебя, милый друг, капитан-исправник вновь видеть желает. Не знаю уж и почему.

– Желает – загляну, мне не трудно, – повел плечами Денис.

– Вот-вот, загляни. Потом обо всем мне доложишь.

Молодой человек нынче не торопился. Почистив коня, отобедал с товарищами, естественно, не без вина. Потом так же, не торопясь, переоделся – сменил сорочку, да еще потом дожидался, пока Андрюшка-слуга почистит как следует ментик да наваксит кивер. Хотя, конечно, можно было явиться к сыскному в плаще и полотняной фуражке... Но все ж нужно было показать, что есть гусар!

Привязав лошадь у крыльца, Денис Васильевич легко взбежал по крыльцу и, кивнув вытянувшемуся во фрунт инвалиду, вошел в присутствие. Все тот же кабинет с большим столом нынче чуток обновился – над высоким креслом чиновника повесили поясной портрет государя-

императора Александра Павловича. Пусть старый и засиженный мухами, но все-таки. Странно, почему это он раньше тут не висел?

– Непорядок, – перехватив взгляд гусара, соизволил прояснить Ратников. – Казенное присутствие – и без портрета государя. Впрочем, кажется, вы его не очень-то жалуете.

Денис тут же вспыхнул:

– А вам какое до того дело, любезный? Вас что, за мной прислали следить?

– Ну-ну, ротмистр, не хорохорьтесь, – капитан-исправник, казалось, ничуть не обиделся... или у него просто всегда было такое непроницаемое лицо. – Признаюсь, я навел о вас справки.

– Справки?! Вот как!

– И вовсе не потому, что прислан за вами следить, как вы почему-то подумали. Наоборот, господин ротмистр... я смею просить у вас помощи!

– Помощи? – Гусар ошарашенно заморгал. Вот этого он уж не ожидал никак.

– Именно так, – наклонил голову Ратников. – Помощи в расследовании дела.

– Но... вы же, кажется, уже нашли убийцу... арестовали Лазаря, шинкаря...

– Да, арестовал, – неожиданно хмыкнул следователь. – Однако какой из этого шинкаря убийца? Тихий добродушный старик. Он и мухи не обидит.

– Но вы же...

– Однако же все улики – против него... Я прочел все ваши описания, господин ротмистр. Смею заметить – толково, и весьма, – следователь прищурил глаза. – Так поможете?

– Ну-у... – Дэн задумчиво покачал головою. – Я, конечно, польщен, но... Решительно не вижу, чем бы я смог помочь столь опытному господину? Да и, знаете ли, у меня служба вообще-то.

– Со службой вопрос решим, – решительно молвил Ратников. – Вы нужны мне, очень нужны, господин ротмистр! Видите ли, я здесь – весь на виду, словно голый в бане. Городок маленький, чужого человека приметят все. А вы... вы здесь уже, можно сказать, свой, везде вхожи... Да и кто и подумает на гусара? Где гусары – и где мозги?

– Эй, эй, любезнейший! – Денис снова полез в бутылку. – Полегче о гусарах, полегче!

– Прошу извинить, если вдруг чем-то обидел, – замахал руками капитан-исправник. – Только поймите – дело страшное, а зацепок никаких.

Лишь бедолага шинкарь. Я и арестовал-то его только потому, чтоб все думали, что дело слажено, убийца найден.

– А сие не так?

– Я же уже сказал! Так как?

Подумав, Дэн согласился. С радостью! Коль уж представилась вдруг возможность поработать «по специальности», так почему бы и нет? Тем более такое резонансное дело. И старика Лазаря, конечно, было жаль... Оставалось лишь выйти на настоящего убийцу, найти.

– Но я должен иметь доступ ко всему ходу следствия, – соглашаясь, предупредил Денис. – Иначе как же я смогу...

Следователь пожал плечами:

– Что смогу – покажу. Извольте.

Со следующего утра Денис Васильевич Давыдов приступил к исполнению своих новых обязанностей. Как и обещал Ратников, с полковником Ставицким никаких проблем не возникло, Яков Федорович даже рад был – и впрямь весьма резонансное дело, весьма!

Об убитом мальчике по всей Звенигородке ходили уже самые разные слухи. Поговаривали, что ребенка убили евреи в своих ритуальных целях, а именно – замесить на детской крови свою ритуальную лепешку – мацу. Кто такую ересь придумал, было не ясно, однако сплетни ходили упорные.

– И они не сами собой появились, отнюдь, – специально подчеркнул капитан-исправник. – Кто-то все это придумал, распространил... и весьма, надо сказать, активно.

Приемы информационной войны изучались в академии факультативно, тем не менее кое-какое представление о них Денис все же имел и ныне четко представлял: Ратников прав абсолютно. Слух о ритуальном убийстве именно что вбросили... Кто и зачем? Кому нужно было подставить невинного старика, не особенно и богатого, между прочим?

Какое бы то ни было алиби, кстати сказать, у дядьки Лазаря отсутствовало напрочь. Его супруга Сара еще с неделю назад уехала погостить к родственникам в Житомир, да так еще и не вернулась. Никаких слуг в шинке не было, старик со всем управлялся один, так что где был, что делал – никто подтвердить не мог.

Все улики были против. И злополучная, найденная возле трупа шапка действительно оказалась принадлежавшей шинкарю, но «третьего дня затерялась», как пояснил сам Лазарь. Старик признал свой головной убор сразу – именно по надписи:

– Таки да – моя. Видите эти буквы? Это же мне подарил житомирский

раввин, ребе Исаак! Не помню уже, на какой праздник.

Кроме всего прочего, на кухне, под столом был найден окровавленный разделочный нож и окровавленные же лохмотья – одежда убитого мальчугана. И что оставалось делать следствию? Какие выводы делать?

Однако же и Давыдов, и капитан-исправник, отставной майор Федор Петрович Ратников, были убеждены, что старик-еврей не имеет к этому убийству никакого отношения.

– Шинкарь ведь далеко не глуп, – вслух полемизировал сам с собой капитан-исправник. – И коли уж пошел бы на такое дело, так уж всяко обставился бы так, чтоб и комар не подточил носа. И нож бы выбросил, и одежду окровавленную сжег бы, уж никак на своей кухне бы не оставил. Какие-то ошибки, бесспорно, допустил бы, но не такие грубые. Косвенно свидетельствующие, что старик невиновен.

Рассуждая вслух, почти сам с собою, старый майор преобразился. И глаза его уже никак нельзя было назвать бесцветными, по сути, перед Денисом вдруг воочию представился истинный облик капитана-исправника: не только добросовестного служаки, но и человека умного, тонко чувствующего, мало того – одаренного!

– Конечно, можно сказать, что шинкарь уж так хитер, что на то и рассчитывал... Однако это было бы уже слишком, обычно в жизни так хитро не складывается... Ну что, Денис Васильевич? Что там свидетели? Узнали от них хоть что-нибудь новое?

– Практически ничего, – махнул рукой Дэн. – Да, видели в лесу и телегу, и возницу, закутанного в плащ-пелерину, да еще с поднятым капюшоном. Внимание особого не обратили, мало ли кто едет? Все-таки – тракт. Да и дождало тогда изрядно. Из-за дождя да тумана возницу как следует не рассмотрели. Старик, молодой – бог весть.

– И все же я вижу, у вас глаза горят! – Федор Петрович неожиданно рассмеялся и погрозил гусару пальцем. – Э, батенька! А ну-ка, выкладывайте, что вы еще удумали? Кого намереваетесь допросить?

– Так ребятишек же! – усмехнулся Дэн. – Там компания дворовая... вместе бегают, играют. А заправилой – вы удивитесь – девчонка! Лидкой зовут, от роду четырнадцати лет – можно сказать, уже барышня.

– Насчет девицы не удивлен, – Ратников покряхтел и, спрятав улыбку, пояснил: – Супружница моя, Марья Даниловна, как раз вот из этаких заводилок. В отрочестве прямо парень в юбке была! Да и сейчас, хоть и постарела, да, бывает, такое учудит... Впрочем, не о ней нонче речь. Значит, барышня, говорите? Ребятня? Ну, дерзайте, ну-ну...

Договорить коллеги по розыску не успели. Неожиданно явившийся

пристав путано доложил о новом трупe, на этот раз – девичьем:

– Барышня там это... в пруду. Не поймешь, то ли сама утопла, то ли помог кто.

– Утопленница, говоришь? Вот как... – капитан-исправник проворно выбрался из-за стола и призывно махнул рукою. – Ну что, Денис Васильевич? Однако поедem поглядим, а?

* * *

Пруд оказался маленьким и заросшим тиной до такой степени, что топиться в нем можно было бы лишь при отсутствии всякой брезгливости. Квадратный, размерами метра три на четыре, и глубиной – тут же измерили – метра полтора, пруд сей, как видно, был когда-то гордостью своих владельцев, однако ныне же совсем пришел в упадок. Верно, как-то уж стало не до него.

Хозяин пруда и участка проживал здесь же, в старом доме, как у всех здешних помещиков, выстроенном в виде длинного проконопаченного сруба под тесовой крышей. При всей своей внешней убогости видно было, что дом недавно ремонтировали, починили и крышу, и крыльцо, и даже придали благообразный вид крохотному палисаднику, выходившему прямо на деревню Вороново. Пруд же находился на заднем дворе, и до него пока что не дошли руки.

Утопленница лежала в воде лицом вниз, так что была видна лишь спина в обтягивающем платье.

– Ну, вытаскивайте, вытаскивайте, чего встали? – капитан-исправник махнул рукой инвалидам, и те, зацепив труп багром, вытащили его на старые мостки из местами прогнивших досок.

– Переверните теперь... ага...

Это была вполне молодая особа лет двадцати – двадцати пяти на вид, с приятным – даже в таком вот виде – лицом и темными, распущенными по плечам волосами. Платье с широкой юбкой и большим вырезом – явно городского пошива – наталкивало на мысль, что утонувшая мадемуазель – девушка из общества. Хотя...

– Гребень-то у нее дешевенький, – Денис деловито склонился над трупом, – да и колечки так себе – медь. Думаю, и драгоценные камни в колье тоже ненастоящие... ну-ка... ну-ка...

Осторожно сняв с утопленницы колье, молодой человек взял в руку подвернувшийся камень и сильно ударил по одному из камней... тут же и

расколовшемся на мелкие осколки.

– Однако бутылочное стекло, господа! Да! Поищите-ка шляпку... хотя, полагаю, и она того же пошиба.

– Да, платице дешевое, – согласно покивал Ратников. – Но с претензией. Здесь, у нас, так не шьют. Что имеем на первый взгляд? Некую молодую особу, желавшую казаться дамой из света, но таковой вовсе не являющейся. А ну-ка, разденьте-ка ее... Да осторожно!

– Судя по коже, она вряд ли пролежала тут больше суток, – Дэн глубокомысленно покусал ус. – Разложение еще не началось, эпидермис не отслоился... Скорее – с ночи или даже с утра.

– Вижу, вы разбираетесь в медицине, господин ротмистр, – тут же отреагировал Федор Петрович. – Ну-ну... что еще скажете?

Инвалиды быстро освободили труп от одежды... И тут все стало ясно. Под левой грудью несчастной зияла еще кровавая рана.

Капитан-исправник тут же глянул на инвалидов:

– Однако надо пошарить в пруду да и вокруг. Нож ищите... или что-то подобное. Да! К дому караул приставили?

– Приставили, вашество! Как и приказывали, – доложивший ветеран лихо выпятил грудь.

– Ну, молодцы, молодцы... Денис Васильевич! Однако пойдем в дом, посмотрим... Чей дом, кстати?

Инвалид отозвался тут же:

– Некого Кузьмы Федосыча Воронова, помещика местного. Не из крупных, так, мелкота – всего-то крепостных с полсотни душ.

– Да, негусто... Однако откуда же деньги на ремонт? – Ратников постучал тростью по резным балясинам крыльца. – Вся вот ажурность эта, стекла новые, тес... Немаленьких денег стоит. Ну, однако ж заходим, заходим... Митрич, давай-ка под окна – вдруг да выскочит, побежит?

– Ужо не убежит, ваш-бродие! – добродушный ветеран Митрич лихо подкрутил седые усы.

– И этих, отроков этих, давай сюда. Тех, что утопленницу заметили.

Денис первым вошел в темные сени, на ощупь нашел дверь, толкнул... В прихожей стоял стол со скамьей и пятью гнутыми венскими стульями да изрядных размеров печь, покрытая изразцами.

– Стол-то не для таких вот стульев, – с ходу оценил следователь.

– Да и печь старая, – покивал гусар. – Однако изразцы...

– И стулья – рублей по пяти, по десяти за штуку будут...

– Я по двенадцати брал!

В дверях, точнее сказать – в дверном проеме, ведущем в анфиладу комнат, – возник некий вполне молодой джентльмен, сильно напомнивший Дэну хрестоматийного персонажа картины художника Федотова «Свежий кавалер». Такое же напыщенно-помятое лицо, горделивая поза, шелковый весьма недешевый шлафрок до самого пола, подпоясанный длинным шнуром с кистями. Только на голове не папильотки, а ночной колпак.

– С кем имею честь? – Серо-голубые, слегка навывкате, глаза молодого человека вовсе не лучились дружелюбием... что, в общем-то, было понятно.

Вошедшие представились, и капитан-исправник, в свою очередь, уточнил:

– А вы, значит, Кузьма Федосыч Воронов, помещик?

– Он самый и есть. – Джентльмен повел плечом и вспыхнул. – Какого черта ворвались ко мне, господа? Прошу... нет – требую! Объяснений.

– Получите, – пообещав, Ратников незаметно ткнул локтем Дениса. – Поговорите-ка быстренько с мальчишками, ага.

Ага...

Давыдов вышел на крыльцо и уселся на лавку, тоже, как видно, недавно поставленную, еще светлую. Инвалиды подвели ребят, двух соплёных отроков лет по десяти-двенадцати. Оба чем-то похожи – худые, темноволосые, смугленькие – правда, видно, что не цыгане. Так что не смуглые – загорелые просто, и светлые у обоих глаза. Один чуть повыше, постарше, да получше одет – длинные порты, косоворотка с кушаком. Второй – в сермяге залатанной, оба – босы. Детишки-то крестьянские, ясное дело – до снегов босиком ходят.

– Ну, чьих будете? – покровительственно улыбнулся Давыдов.

– Местные мы. Кузьма Федосыч Воронов – барин наш, – ответил за двоих тот, что постарше.

Младший лишь шмыгнул носом и кивнул.

– Однако пусть так – местные. А что в барском пруду забыли?

– Там, господине, караси раньше водились. И посейчас еще есть. Ей-богу, вот такие караси! – парнишка развел руками с видом бывалого рыбака. – Ловить только – навозишься. А Кузьма Федосыч нам разрешает. Поймаем одного – ему, поймаем двух – один нам.

– Угу, – задумчиво протянул гусар. – Вот оно как. Значит, добрый барин-то ваш?

– Ага, господин. Добрый. Если и велит выдрать – так за дело. И никого на сторону не продает.

– О как – не продает! – Денис оживился. – Это почему же?

– А ему самому людишки нужны, – довольно пояснил отрок. – У барина нашего – каменоломня на двоих с братом евонным, Мефодием Федосычем. Камень добывают... как его... гранит, во!

– Гран-и-ит! Надо же! И куда ж он его продает?

– Да много, господине, куда. И в Киев, и в Херсон, и в Одессу!

Давыдов искренне удивился:

– Ого, да вы и географию знаете!

– А чего ж! – мальчишка подбочился. – Нас дьякон Филипп учит. Барин сказывал, коли выучимся, приказчиками станем. В Одессу нас с гранитом пошлет. Или в Киев.

– Завидно! – от души рассмеялся гусар. – Вот, ей-богу, завидно. Гляжу, повезло вам с барином, парни. Теперь поведайте-ка, как вы утопленницу нашли.

– Да что говорить? – отроки переглянулись. – Пришли с утра на пруд – а тут...

– Когда именно с утра? – тут же уточнил Дэн. – Солнце уже поднялось или только-только начинало.

– Рано было. В церкви едва колокола отзвонили.

– Ну-ну-ну! – подогнал гусар. – Говори, говори... Звать-то тебя как?

– Федька. А это братец мой, Микитка. Так я и говорю... Мы сразу – к барину, стучались, стучались – не открывает. Один ведь. Слугу-то, дядьку Финогена, он еще вчерась в город послал, а другой слуга, Ерошка, приболел – в избу к родне подался, на лечение.

– Хм... однако негусто у барина вашего со слугами, негусто.

– Так на каменоломне ж все!

– Итак... Увидели утопленницу, бросились к барину, барина не добудиться... Что дальше?

– А дальше мы дьякона встретили, отца Филиппа. Ему и рассказали, а уж он...

– Понятно с вами все.

Денис потер ладони и, поднимаясь с лавки, спросил:

– А никого чужого вы тут рядом не видели?

– Дак не видели...

– А вчера, вечером? Ну, к примеру, дамочку эту?

– Не-а. Мы вчерась за деревнею, на полях, солому старую собирали.

Отпустив ребят, гусар вернулся в дом. Усевшись на венский стул, Ратников как раз допрашивал подозреваемого, изрядно, кстати, нервничающего. Видать, узнал уже, что к чему.

– Да говорю же, не было у меня вчера никаких женщин! Никаких – ни молодых, ни старых. Да бог знает, откуда она в моем пруду взялась. Может, мимо шла, да... А я ничего не видел, не слышал – спал.

– Спали они... хм...

– Так-таки крепко спали? И часто вы так? – с молчаливого разрешения капитана-исправника Дэн тоже задал вопрос.

– Нечасто! – глянув на гусара, подозреваемый почему-то вздрогнул и опустил глаза.

Впрочем, можно было понять – почему. От стыда – от чего же еще-то! Как многие помещичьи дети, верно, еще с рождения был приписан к какому-нибудь полку, может, даже и к гусарскому. Только не служил, а числился, да потом и вовсе службу оставил, вернулся в родные места да занялся хозяйствованием.

– Нечасто! Вы понимаете, господа, до скотского состояния я вообще никогда не напиваюсь! Никогда. Дело у меня – каменоломня, договоры, поставки... Некогда пить! Тем более сейчас, когда старший брат мой, Мефодий, уехал с делами в Киев. Я ж за старшего нынче, за все отвечаю, так!

– Вот, верно, и расслабились!

– Да что вы такое говорите?! – вскинулся молодой человек. – Вы... вы на каком основании... вы... Я городничему жалобу подам, вот!

– Подадите, подадите. Ваше право, – Федор Петрович развел руками и поднялся со стула. – А теперь, любезнейший господин Воронов, мы произведем в вашем доме обыск.

– Что-о?

– И ежели намереваетесь оному воспрепятствовать, то не советую. Не получится, а свое положение сим еще более усугубите.

Голос капитана-исправника звучал грубо и четко, истинно по-военному, не оставляя никаких сомнений в том, что следовательно намерен исполнять порученное ему дело до конца.

– Итак... начнем с кухни.

Именно на кухне и нашлось все самое интересное! Прямо за печкою обнаружился женский плащ-пелерина, а на самой печке – заколка. Медная, с позолотой и теми же бутылочными брильянтами, что и на колье.

Плащик, кстати, был еще мокроватый...

– А нонче-то ночью немного дождело, ага...

– Тут еще и вино, господин капитан-исправник, – отворил залавок вислоусый ветеран.

– Денис, гляньте.

– Ну-ка, ну-ка... Вино! И два бокала... – гусар принялся. – Шампанское... даже и не скисло, свеженькое. Вчера и открыли, и выпили. А бокалы-то и не помыли даже. Ну да, слуги-то отпущены, некому мыть. Вон и помада на оном... – Денис посмотрел бокал на свет. – На собачьем сале – жирная... А говорите – женщины не было! Как вас понимать, господин Воронов?

– Не было женщины! – обернувшись к висевшей в углу иконе Николая-угодника, Воронов истово перекрестился и с искаженным от злобы и ужаса лицом взглянул на допрашивающих. Губы его скривились, словно от зубной боли, тонкие холеные усики задрожали:

– Чем хотите клянусь... Памятью покойной матушки... здоровьем племянниц... Один я был! Один!

– А соседи говорят, видели, как вас вчера на коляске привезли! – вскользь заметил Ратников. – Вели, говорят, под руки.

– Не помню я коляски. Вообще ничего не помню!

– Ну, вот видите. Могли и даму не вспомнить.

Помещик взъерошил волосы руками, зябко поежился и простонал:

– Да поймите же вы! Никого я не убивал, не было никакой женщины...

В этот момент в окно постучали. Прямо с улицы, со двора. Капитан-исправник поспешно распахнул окно:

– Что там такое, Митрич?

– Нож, господине, нашли. Прямо тут, под оконцем, в репейнике. И лезвие – в пятнах кровавых.

– Ну, насчет кровавых – это надо еще посмотреть. Давай-ка нож сюда, живо.

Воронова арестовали сразу же и пока поместили в присутствие, в арестантскую комнату, где уже дожидался своей участи незадачливый шинкарь Лазарь. Федор Петрович довольно потирал руки, а вот Денис покуда от этого дела отстал – необходимо было закончить старое. Установить личность убитого мальчика и найти наконец-то истинного убийцу.

Начал Дэн, как и планировал, – с опроса малолетних свидетелей, тех, кто все же мог видеть хоть что-то. Хотя бы теоретически мог.

Дворовая «атаманша» Лидка оказалась худой долговязой блондинкой с милым личиком и едва оформившейся грудью. Вышитая сорочка из выгоревшего на солнце холста, широкая синяя юбка, башмачки свиной кожи, простенькие, но с претензией бусы, и даже серебряные сережки в ушах. Еще бы! Девица-то была вовсе не из крестьян, и не из мещан даже.

Единственная дочка некоего Епифана Андреевича Мирского, служащего местной почты, вдовца, на склоне лет дослужившегося до небольшого чина провинциального секретаря, но богаче от этого не ставшего. Епифан Андреевич души не чаял в единственной дочке и ни в чем ей не отказывал, хоть и не было в доме никакого достатка. Так, как и многие местные помещики из мелкоты, перебивались с хлеба на квас. Собственный огородик, плюс небольшое жалованье – на скромную жизнь хватало, а о большем Епифан Андреевич не мечтал. Разве что – о счастье для дочери, да и тут было все вилами по воде писано. Замуж бы... Да кто ж возьмет бесприданницу? Разве что какой-нибудь совсем уж старый помещик, тоже вдовец, или нищий молодой ловелас. Ловеласа никак не хотелось бы, а вот помещик вполне бы подошел... Только, увы, пока никто на Лидочку не заглядывался... исключая местных мальчишек – уж для тех-то она была истинною звездой!

Все это поведал заглянувшему в гости гусару сам провинциальный секретарь, выказывая свое самое искреннее радушие. Еще бы – такой человек! Говорят, из самой столицы, из гвардии... да еще за стихи сосланный! Опасно с таким общаться. Опасно... и лестно, ой как лестно! Будет потом о чем соседям-помещикам рассказать.

– А вот и дочка! – заслышав шум на крыльце, Епифан Андреевич улыбнулся и принялся суетливо хозяйничать на столе, потчует гостя. – Вот, отведайте-ка, огурчиков соленых! А вот, извольте, капусточка. А вот репа... Сейчас – по чарочке, а потом – щи... Лидочка, давай же скорее к столу! Вот тебе щей... кушай... Это вот Денис Васильевич, наш гусар и ныне к следственному делу приставленный. Поговорить с тобой хочет.

– Ой... – усевшись за стол, девчонка хлопнула ресницами, длинными, темными, пушистыми... А глаза... глаза голубые, большие, чудные! И прямой носик, и нежный, оставшийся с лета, загар, и чудные ямочки на щечках. Год-другой – и настоящая красавица подрастет, распухнет, словно волшебный бутон... Его б тогда и сорвать... Тьфу ты, тьфу ты, охолонись, гусар!

Отругав сам себя за внутреннюю несдержанность, Денис сделался сама любезность. Улыбнулся, лично поухаживал за девушкой, тарелку, хлеб передал...

Красавица! Денис только сейчас это и заметил, к стыду своему. Эх, какая все-таки красавица будет. Однако судьба у нищей бесприданницы незавидная. Замуж за богатого старика... и то – это если повезет, а то ведь так и просидишь в девках. В четырнадцать-то лет уж пора бы если и не замуж, так жениха иметь, иначе-то уж совсем неприлично.

– Осмелюсь спросить, Денис Васильевич... у вас не Давыдов фамилия? – Стрельнули на гусара девичьи голубые очи, с большим интересом стрельнули, так, что Дэн едва не покраснел.

Однако отозвался охотно:

– Да, Давыдов.

– Тот самый? Ой! А стихи свои почитайте! Ой... извините, я, верно, такая нахалка, да?

– Стихи... – Денис откашлялся. – Отчего же не почитать? Извольте!

Политические, из-за чего из гвардии выгнали, читать, конечно, не стал – обошелся гусарскими, вызвавшими целую бурю восторга.

– Ах, как славно, славно как! Денис Васильевич, а можно... – Пушистые ресницы дернулись деланой скромностью. – ...А можно я ваши стихи в альбом запишу? Вы мне только, пожалуйста, продиктуйте, а я...

– С большой радостью, мадемуазель Лидия. Хоть вот прямо сейчас.

Дэн тут же подавил некую псевдостойличную гордость, неуместную нынче иронию – вот, дескать, всю жизнь мечтал попасть в альбомы уездных барышень! Да почему бы и нет? Вот она – слава.

Тут и хлебосольный хозяин подоспел:

– Вот, извольте отведать – щи.

Щи оказались пустыми, хотя неделя-то выпадала скоромная, никакой не пост и не пятница вовсе. Бедновато жил господин провинциальный секретарь, чего уж! Хоть и дворянин, а едва концы с концами... Служанка, правда, имелась – копошилась на кухне, щей, вот, принесла, наливочки, солений. Все свое, на покупные деликатесы денег не было. Да что там деликатесы, мясо, шампанское – на простенькое платье любимой дочке – и то! Ходит вот в юбке, словно простая селянка... Хоть и бусы, и вышивка – а все же не платье, все же не то! На бал ведь не отправишься в юбке. Да и позовут ли хоть когда-нибудь в жизни на бал?

Давыдову вдруг стало остро жаль эту девочку, лишенную всяких жизненных перспектив. Куковать одной в девках или, хуже того, сделаться женою какого-нибудь купца, не дворянина, нет – никто не возьмет бесприданницу. Впрочем, можно еще не куковать в девках, а стать любовницей какого-нибудь владетельного господина. От него можно и детей заиметь... и какое-никакое имущество. Правда, чревато, чревато... Однако что же делать-то? А нечего делать. Либо так, либо эдак, и по-другому – никак.

– Ах, Денис Васильевич... Давайте за вас выпьем! За ваши несравненные стихи!

Наверное, с этой вот барышни, уездной бесприданницы Лидочки, и

началось триумфальное шествие стихов Дениса Давыдова по всей Малороссии, а уж оттуда – и по всей стране. Да, наверное, так... Уж больно довольной и гордой выглядела Лида! Дэн даже хотел еще почитать ей стихи, не «свои», Асадова, про «красивую девочку Лиду». Хотел, но не стал. Слишком уж современные. Не поймет. Хотя... Лидочка выглядела девушкой вовсе неглупой.

Все же настал такой момент, когда наконец-то бравый гусар смог перейти к деловой части своего визита. На все его вопросы девушка отвечала понятно и четко, если надо – с подробностями, если не нужно – нет.

Да, так уж случилось, что с самого детства она являлась с мальчишками чуть младше ее. Заводила, сорвиголова, атаман в юбке. Пошарить по чужим огородам? Легко! Прошвырнуться по грибы в дальнюю рощу? Еще легче! На рыбалку, в ночное – пожалуйста. Это не говоря уже о всяких игрищах – в салочки ли, в камешки, в лапту... Не салонные все игры, отнюдь – и в них Лидочка была первой!

Все это, конечно, Дэн узнал не с ее слов и не со слов отца. Ребята поведали, подростки местные. Мальчик из бакалейной лавки купца Сытина, мальчик из лесопильной конторы господина Гвоздева, мальчик с сахарного заводика господина Лебенштейна.

Мальчишку убитого Лидочка видела! Естественно, еще до убийства. Чужой, не здешний, с каликами перехожими пришел. Калики те милостыню у церкви Петра и Павла собирали, а потом их купчиха Собакина зазвала – сказки читать. Малец вроде как тогда с ватагой к Собакиной и пошел... А может, и не пошел – кто бы знал-то? Не слишком-то кому надо за нищими мальцами наблюдать.

– У церкви Петра и Павла, говоришь, – уточнив, записал Давыдов. – Так-так, ладно.

– Я могу и получше узнать, коли надо, – вздохнув, девушка искоса взглянула на гусара и чуть зарумянилась. – Мне-то сподручнее, ребят в нашей ватаге не так чтобы много, а все ж везде крутятся, много чего подмечают.

– Вот-вот, – согласился Денис. – Узнайте. Ежели вас это не очень затруднит, мадемуазель. А еще разузнайте о том, кто в тот день заходил в шинок дядьки Лазаря. Так вот ближе к вечеру, к ночи даже.

– К ночи – уж только самые пропойцы! – барышня засмеялась и задумчиво повертела на пальце локон. – А про какой день-то узнать? Ну, про ночь какую?

– Да третьего дня, верно. Да, именно так! Семнадцатого.

С Лидочкой договорились встречаться невдалеке от Звенигородки, в орешнике. Частые визиты гусара в дом ее папеньки неизбежно вызвали бы среди обывателей разного рода кривотолки и сплетни, не хотелось юную барышню подставлять.

Там и встретились, уже буквально на следующий день. Лидочка все доложила толково, буквально разложила по полочкам, что разузнала да как, так что гусар только диву давался – и как она своих пацанов организовать успела? Успела как-то. Не зря говорили – атаман.

Как выяснилось, около калик терся какой-то мужик с телегой. Не местный, не звенигородский, и телега у него была накрыта рогожкой, а гнедою кобылой запряжена.

– Легкая такая телега, скорее, на бричку похожа, у нас здесь таких нет. Ну, скажите, любезный Денис Васильевич, на что крестьянину бричка? Ведь право же, ни на что!

– Вот именно.

– И я так рассудила, когда просила парней своих про все несуразное вспоминать. Вот они эту бричку и вспомнили.

– А что за мужик? – насторожился Дэн.

Может, конечно, и не при делах был сей тип на телеге-бричке, да ведь – хоть какая-то ниточка.

– Мужик как мужик, – повела плечом девчонка. – Парни его толком не запомнили. Телегу – да, чудная, а мужика... Ой... идет кто-то!

– Прячемся! – заговорщически подмигнув, Давыдов схватил деву за руку и проворно утащил в орешник.

Там и затаились, и не зря: не прошло и десяти секунд, как на неширокой дорожке возле кленов показались гуляющие барышни, в плисовых, с шелковыми вставками, платьях, в модных шляпках с вуалями и искусственными цветами, в изящных башмачках. Да еще и с зонтиками, хоть и день был ведреный, светлый. Ну, не для дождя зонтики такие, и не от солнца, а чтоб на кавалеров впечатление произвести. Изящные такие барышни, видать, помещицьи дочки, и помещиков не бедных, а так, людишек крепостных душ по триста, по пятьсот...

Так они мило лопотали, прогуливались и стреляли глазенками вокруг, как видно – кого-то ждали. Неужто кого из гусар? Х-ха! Ну, еще бы! Долго ли, коротко ли, а за кленами послышался стук копыт, и вот уже вылетели, осадив перед барышнями коней, двое красавцев-гусар – корнет Сашка Пшесинский и его дружок, подпоручик Георгий Левский, коего все в полку звали Гришей. Оба юные, с сияющими лицами и задранными носами, в

ослепительно-синих доломанах и ментиках с белыми витыми шнурами! Ах... вот это парни! Барышни буквально... нет, сказать – «писали кипятком» – это уж слишком грубо, а как выразиться изящнее, Дэн покуда не знал... да и не смог слова подобрать, не до того стало, как только увидел он глаза Лидочки.

Столько тоски было во взгляде бедной девчонки, столько откровенной зависти и обиды на жизнь, что хотелось прижать ее к груди, приласкать, погладить... Насквозь понятно все, чего уж! Никогда не ходить Лидочке вот так на свидания – у нее даже и платья-то для этого нет – никогда не посмотрит на нее ни один стоящий молодой человек... разве что так, погусарить... да бросить потом с пузом... Хотя нет, она все же дворянская дочь, хоть и нищая. Была бы мещанка иль крестьянка какая – тогда да, можно и пошалить да бросить, ништо.

Гусары спешились, взяли под уздцы коней и неспешно пошли вдоль кленовой аллеи. Парни что-то рассказывали, барышни смеялись, иногда округляя глаза в деланом ужасе. Интересно, что им такое говорили юные друзья гусары? Наверное, что-нибудь страшное. Или, скорей, скабрешное... Ага, вот ушли...

– Ну, милая Лидочка, теперь хочу тебя еще кой о чем попросить, – выбираясь из зарослей, Денис галантно протянул девушке руку.

– Для вас все что угодно, – барышня зарделась и потупила взор. Наверное, не хотела, чтоб гусар ее глаза видел.

Дэн же крепко сжал ее узенькую, но крепкую ладошку и негромко сказал:

– Имейте в виду, я вас нагло использую, мадемуазель! Поэтому, как честный человек, обязан вас отблагодарить. Подарю вам что-нибудь...

– Ой! – Лидочка радостно вскрикнула. – В самом деле?

– Честное гусарское слово!

– Ой... мне неловко, право же, неловко... – Девчонка снова потупилась, но тут же воспрянула вновь, сверкнув дерзкими голубыми глазами: – А можно... можно, я сама выберу?

– Что ж, извольте, милая мадемуазель! Не сомневайтесь, гусарское слово крепкое.

– Да я не сомневаюсь... Денис Васильевич, миленький, вы на ножах фехтовать умеете?

– Ну, отчего же нет? И фехтовать, и метать... Я ж все-таки гусар!

– Ой, как славнo-то! Меня научите! Чтоб не хуже вас. Это и будет ваш подарок. Сами же сказали, чтоб выбрала.

Глава 3

Воскресный день выдался чудным – даже для этих мест на редкость солнечным и теплым. Солнце грело почти по-летнему, и Денис даже сбросил в траву ментик и расстегнул доломан. Упарился ножи-то метать, а паче того учить тому юную Лидочку Мирскую. Ну, что поделать – обещал так обещал, за язык никто не тянул, вот и выбрала девушка «подарок». К слову, Давыдов это все и предвидеть бы мог – не зря ведь дочку провинциального секретаря Мирского прозвали дворовой «атаманшей» и вообще – парнем в юбке.

Так оно и было, однако же девица выросла, хорошела, на глазах превращаясь из гадкого утенка в прекрасного лебедя. Уже далеко не ребенок, но еще не светская дама... впрочем, кто бы ее позвал в свет! Хотя, конечно, может, и найдутся люди, да и «свет» тут такой, что примет и бесприданницу, пусть и бедную, однако же не беднее многих местных дворян, помещной мелкоты, имевших в крепости меньше сотни душ. У кого и по сорок было, а у некоторых – и вообще десятка полтора. Все своим хозяйством жили, дома ходили в посконной одежде, надевая что-то более-менее приличное, лишь только когда выходили «в люди» либо когда заранее завидели в окошко гостей. Тут – да, быстренько переодевались, чтоб думали, что они всегда этак вот ходят.

Домашний костюм Лидочки, похоже, состоял из этих вот узких мальчишеских штанишек-портов и серой сермяжной рубахи с завязками на груди. Именно в сие затрапезное платье девушка и переделась «для тренировок» – окромя ножевого боя, Денис, на свою голову, обещал еще показать броски и захваты. А что? В академии боевое самбо преподавали весьма неплохо. Почему бы девчонку не научить, коли так уж просит?

– На вот тебе нож... бери... Оп! Молодец, хват правильный. Я смотрю, ты уже кое-что умеешь.

Лидочка зарделась, она вообще на поверку оказалась особой стеснительной... наверное, как и все девушки того времени. Тем более юной красотке весьма импонировал ее новый ами... нет, не любовник, конечно же – просто друг. Гусар, повеса и ёра, к тому же – знаменитый поэт! Такую связь, даже и дружескую, нужно было скрывать от чужих глаз, иначе потом сплетен не оберешься и замуж уже потом не выйдешь никогда, даже за какого-нибудь старого черта.

По этим причинам, да и вообще ради удобства, занятия проходили в

укромном местечке за каменоломнями, в липовой рощице у самой реки Гнилой Тикач. По берегам желтели не облетевшие еще заросли рябины, бузины и вербы, настоящий лес, так что и течения-то было не видно, лишь слышались иногда голоса проплывавших мимо лодочников. Дорог тут тоже особых не было, сворачивая с тракта, Лидочка шла пешком, гусар же потом прибывал как полагается – на коне! До окраины Звенигородки, до дома Мирских отсюда было-то всего версты две, а казалось – глухое и далекое место. Кругом непроходимые заросли, темные деревья, папоротники, овраги, да высокая – в пояс – травища.

Конечно, рано или поздно, а местные обыватели приметили бы странную парочку, но Давыдов вовсе не собирался затягивать «занятия» на неопределенно долгое время. Так, только на время расследования. Дворовая атаманша оказалась неоценимым помощником, и с ее помощью лихой гусар погрузился в плотные перипетии всех местных дел. Погрузился даже слишком, из того вороха информации, что притаскивала юная мадемуазель Мирская, не очень-то легко оказалось выбрать нужное. Однако лучше так, нежели вообще на безрыбье.

– Бей, Лидочка, бей! Да не так... Жестче, жестче!

В ходе тренировок молодые люди как-то незаметно перешли на «ты», что ничуть не смущало обоих.

– Уясни, целью ножевого боя является убийство противника... да-да, убийство, а ты что думала? Убийство с минимальным риском для себя. Ты никогда, слышишь, никогда не должна оставлять противнику шансов на оборону... Поняла?

– Угу...

Сделав пару шагов назад, гусар скептически оглядел девушку, больше напоминавшую сейчас волосатого сельского парня. Хотя, не-ет... все же видно, что барышня: двигалась легко, грациозно, словно пантера. Грудь под мешковатой рубахой почти незаметна, однако же – глаза, ресницы, лицо... Красотка, что уж тут говорить. Даже в такой вот одежке.

– Ну, вот как ты стоишь, душа моя? Ноги, ноги пошире... и пружинь, пружинь, кружи на полусогнутых. Так, так... Теперь – выпад! Оп!.. и мимо! Ну, сколько тебе говорить? Резче, резче надо. Будь быстрой и жестокой, помни, твоя цель – убить врага. Не обратить в бегство, не ранить, именно убить. Ну же... удар! Давай сразу несколько... быстро-быстро... вот так...

Денис вытер выступивший на лбу пот тыльной стороной ладони и продолжал, глядя на свою раскрасневшуюся и разлохмаченную ученицу... А ей эта лохматость шла, даже очень! А глазищи-то голубые сверкают –

ровно у тигрицы! Впрочем, тьфу – мала еще. Тьфу!

Наверное, обычного гусара бы юность барышни не смутила, да, по местным меркам, не так уж она была и юна – в таком возрасте девок обычно выдавали замуж. Обычного бы не смутило, а вот Дэна – смущало, и весьма. Ну, была бы хотя б годка на два постарше, а так... Солдат ребенка не обидит, ага.

– Оп-па! Молодец. Теперь передохни малость... Не-не-не-не! Под липу не садись – простудишься. Походи немножко кругами, руками расслабленно помаши... Да нет, чудо ты мое! Я же сказал – расслабленно.

– Ай! – Лидочка вскрикнула, случайно ухватившись за колючую ветку.

– Не кричи зря, – тут же отреагировал Дэн. – Помни, когда враг причинил тебе боль, первая реакция – злость, а не покорность. Еще запомни, как «Отче наш»: никогда не выставляй вперед руку с ножом – это очень удобно для захвата. После удара всегда отдергивай руку назад... Ну, попробуй... Я иду на тебя! Я – враг!

Страшно округлив глаза, Денис взял в руку палку...

– Ой, нет, нет, нет! Ты что так размахнулась-то, чудо? Это ж тебе нож, а не сабля! Как гусар, скажу – техника рубки весьма трудна и рискованна. За месяц ею не овладеешь, не овладеешь и за три. Да тебе и не надо – ты ж не гусар! Не руби... вытянула руку – ткни! Только ткни... Вот так, да! Славно! Утомилась?

– Угу... – Девчонка и в самом деле уже тяжело дышала, однако, судя по горящим глазам, задора в ней хватило бы на целую роту.

– Теперь стой, отдохни... Погоди-ка...

Подобрав из травы ментик, Давыдов заботливо набросил ее на узенькие девичьи плечи.

Лидочка улыбнулась:

– Да мне и не холодно вовсе! Но все одно – приятно.

– Отдыхай, отдыхай... И это... старайся носом дышать, носом.

– Так я и... Ой, Денис Васильевич! Ты обещал меня какой-то борьбе научить, помнишь?

– А, самбо, – Дэн махнул рукой – действительно ведь, обещал. – Ну, это чуть позже. Хотя несколько бросков да захватов и сейчас покажу, коли, говоришь, не устала.

– Право же, не устала, нет!

– Ну, вставай тогда... буду тебя учить падать. Сначала на мягком – в траву... Предупреждаю, может быть больно. Согласна потерпеть?

– Ага!

– Тогда снимай башмаки... Теперь иди на меня с ножом! Ближе-

ближе... Алле, алле... Ап!

Миг – и барышня, кувыркком полетев в траву, жалобно ойкнула.

– А я ведь кого-то предупреждал! Не слишком ушиблась?

– Нет-нет... Я уже...

Прыжком вскочив на ноги, девушка задорно сверкнула глазами. Вот уж поистине атаманша...

Дэн показал напарнице пару захватов и бросков... приступили к отработке... С первого раза не пошло, да и на второй-третий вышло как-то не очень, а вот потом...

Денис и сам уже устал летать в траву... не такую уж и мягкую... Зато как веселилась Лидочка! Даже завалилась рядом с брошенным Денисом в траву, не в силах встать от хохота.

– Ой, мамочка моя, а-ха-ха! Ой, как славнo-то! Это я любого смогу так бросить?

– Любого, любого, ага...

Их глаза встретились. Мало того – встретились губы... Впрочем, страстного поцелуя не вышло: Лидочка еще не владела искусством любви, а Дэн... Дэн не мог пойти против правил... хотя и очень хотел.

Хотел, но прекрасно понимал, чем все это чревато. Чревато не для него – для девчонки. И так-то один бог знает, как сложится ее жизнь, а уж ежели вдруг лишится девственности, то... Ничего хорошего из этого не выйдет.

Денис даже отодвинулся... чуть-чуть... и постарался не давать воли рукам.

Лидочка же неожиданно улыбнулась:

– От меня потом разит как не знаю от кого! Сбегаю, сполоснусь...

– Только быстро! – напомнил гусар. – Быстро обмылась, быстро натянула одежду.

Барышня возмущенно фыркнула:

– Да первый раз, что ли, ага?

Взяв прихваченное с собой полотенце – расшитый красными узорами рушничок, – девчонка направилась к речке прямо через кусты, где уже намяла тропинку. Не так и далеко было до заводи – буквально несколько шагов, совсем рядом. Денис услышал, как Лидочка ойкнула – водица-то студена! Потом послышался плеск, а затем – голос:

– Денис Васильевич! Я одежду забыла... Принеси, будь ласков.

И впрямь забыла. Взяв в охапку юбку, сорочку и меховой кожушок, гусар выбрался к заводи... да так и застыл, понимая, что поспешил... Стоявшая спиной к нему Лидочка склонилась к самой воде... так, что

получалось не спиною, а...

Услыхав шорох, девушка резко выпрямилась, обернулась, показав небольшую грудь с бледно-розовыми, торчащими от студеной воды сосками...

Дэн поспешно отвернулся:

– Одежку-то куда положить?

– Да вон, на камень... Ага...

Положив одежду, гусар подался назад, к опушке. Лидочка догнала его почти сразу:

– А ты что не сполоснешься?

– Я уж потом... Все равно коня мыть буду.

– А-а-а...

Опустив трепетные ресницы, барышня покусала губы и тихо спросила:

– Денис Васильевич, а я... я красивая?

– Очень! – вот тут уж Дэн был вполне искренен.

– Правда-правда?

– Честное гусарское слово! Еще чуток подрастешь, и от женихов отбоя не будет!

Вот тут только Денис понял, что сморозил глупость. Ну какие у нищей бесприданницы женихи?

Лидочка напряглась, замолчала, глянув на гусара искоса, с затаенной холодной обидой... а потом, когда прощались, прорвало: зарыдала, упала гусару на грудь...

– Какие женихи-и-и-и... кому я нужна-то? У меня даже и платья-то нет... и никто из приличных господ на меня не смотрит... а мне уже пятнадцать скоро... А другие барышни... а я... у-у-у-у...

– А что такое? – Денис ласково погладил девушку по плечам. – А ну-ка, перестань плакать. Перестань, я сказал! И вообще, никогда себя с кем другим не сравнивай. Ты – это ты. Вот собой и будь. Другие же барышни... они счастливы? Ты это точно знаешь? Уверена?

Постепенно Лидочка успокоилась и даже заулыбалась – Денис Васильевич принялся рассказывать что-то веселое из жизни московского литературного салона, в коем когда-то – хоть и недолго – участвовал.

– А Жуковский... Ах, Жуковский, такая, скажу тебе, фифа! Этак пальцы выгнет – ага... Но поэт, я тебе скажу – ух! Поэтище! Хочешь, тебе стихи сочиню? Вот прямо для тебя только.

– Ой, правда?! – вот тут девушка по-настоящему оживилась.

– Правда-правда! Тащи завтра альбом – напишу, коль сказал.

Они встречались с Лидочкой постоянно, и девушка делала весьма ощутимые успехи в технике владения ножом и в приемах боевого самбо. Что же касалось непосредственно хода расследования, тот и тут дела шли весьма неплохо. С помощью Лидочки и ее ватаги Денис Васильевич уже установил личность убитого ребенка – им оказался малолетний бродяжка, сиротинушка по имени Онфим, что ходил с каликами по всей южной Руси. Когда мальчишка пропал, калики его даже искали, так, немножко, пока не подались в Черкассы, а уж оттуда – бог их знает, куда.

– И конечно, властям о пропаже не заявляли, – разговаривая сам с собою, тихо протянул Денис.

Сказал и сам же себе ответил:

– А оно им надо – заявлять?

Кто-то ведь про это мог знать, что сироту искать не будут, мог и вызнать, убить, а потом подбросить, куда надо, труп.

Еще Лидочка сообщила, что телегу-бричку видели у шинка бедолаги Лазаря, видели как раз в тот самый день, когда... Возницу, правда, не установили... но верилось, что это – пока.

За окном казармы вдруг запела труба! Запела тревожно, по-боевому, хоть никаких учений вроде не ожидалось.

– Верно, опять проверка к нам, братцы! – набрасывая на плечи ментик, предположил Бурцов.

Тут уж подоспел и дежурный офицер – юный корнет Сашенька Пшесинский:

– Тревога, братцы! Строиться на плацу.

– Да мы по трубе слышим, – Денис Васильевич рассмеялся и вслед за друзьями побежал на конюшню – к лошадям.

Вскоре все выстроились на плацу. Не весь полк, всего лишь одна давыдовская рота. Однако перед ней гарцевал на гнедом коне сам отец-командир, полковник Яков Федорович Ставицкий. Гарцевал, но слова зря не тратил:

– Буча в Звенигородке, други! Власти помощи просят. Что там точно, не знаю, но лихие людишки головы подняли – лавки громят и, по слухам, штурмуют присутствие!

– Присутствие? – ахнул князь Серега. – Неужто французская зараза и до сих благословенных мест добралась?

Не так уж и громко сказал, но полковник, однако, услышал...

– Не думаю, чтоб в Звенигородке какие-то санкюлоты завелись, –

поправив ментик, Яков Федорович усмехнулся в усы. – Однако бунтовщики могут быть вполне. Помните, в прошлом году супротив немецких земляных яблок – картофеля – бунтовали? Едва ведь полгородка не сожгли. Так что вперед, господа гусары, с богом! И, буде бунтовщики сопротивление окажут, – так не щадить!

Рота ворвалась в местечко с налета, растеклась звенящею лавой по главным улицам, подалась к площади, к присутствию – похоже, заводи́лы бунта находились именно там. Завидев гусар, городские обыватели осмелели и даже выглянули на улицы, где никаких бунтовщиков что-то не наблюдалось. Однако кое-где уже поднимались в небо дымы...

– Жгут кого-то, собаки, – повернув, покрутил саблей Бурцов.

– Алексей, Денис – давайте за мной, к присутствию, – на ходу скомандовал ротный, старый капитан Дмитрий фон Остенбакен, лихой рубака из остзейских дворян. – Остальные, смотря по дымам. Безобразия прекратить, толпу – если есть, разогнать, зачинщиков похватать...

– А пожары – тушить?

– Зачем? Пусть обыватели тушат. Наше дело простое – порядок установить.

Двигалась лава. Покачивались кивера, грозно сверкали сабли, и копыта коней поднимали с улиц густую желтовато-серую пыль. На прилегавшие к главной улицы уже свернула пара десятков гусар, остальные неслись вслед за своим капитаном.

Какое-то необъяснимо пьянящее чувство охватило вдруг Дэна. Как славно было нестись вот так, с боевыми товарищами, плечом к плечу! Душа выскакивала из груди, и сердце пело, а сабля в руках казалась живой.

Правда, врагов, увы, не оказалось! Уездные власти явно переоценили опасность: малочисленные «бунтовщики» разбежались, едва завидев гусар. Часть «карбонариев» успели похватать инвалиды капитана-исправника... на том покуда и закончили. Пойманных нужно было как следует допросить, выявить зачинщиков и произвести аресты.

Денис Васильевич, естественно, ни в какие политические дела лезть не собирался, ибо императора Александра Павловича уважал не особенно, и мстительный государь, кстати, платил лихому гусару той же монетой, спровадив за вроде бы невинные басни в Малороссию, из кавалергардов – в провинциальный гусарский полк.

– Ну что, домой, братцы? – ротный с усмешкой подкрутил усы. – Ну и

санкюлоты ныне пошли! Ногой на них топнули – те и разбежались.

– Денис Васильевич, задержитесь-ка, голубчик, – неожиданно выскочил на крыльцо Ратников.

Капитан-исправник выглядел донельзя деловым и серьезным... Впрочем, он всегда так выглядел.

– Зайдите, послушайте... Да не думайте, политики здесь нет никакой, сплошное разбойство. Думаю, как раз по нашему с вами делу.

– Что ж, – махнув рукой гусарам, Денис спешил и, привязав коня у крыльца, вошел в присутствие. Шагал молча, лишь только шпоры звенели.

– Сюда, сюда, – любезно указал Федор Петрович. Солдафонское лицо его выглядело озабоченным и даже веселым, а большие хрящеватые уши, казалось, шевелились.

Дениса тотчас же обуяло любопытство – и что такого эдакого сей почтеннейший господин узнал?

– Вон, полюбуйся-ка на этих красавцев! Послушай-ка... А ну, черти, говорите! Вот ты, ты говори!

Указательный палец капитана-исправника уперся в грудь одному из задержанных, молодому небритому парню, по виду – из мещан. Красная косоворотка, кожушок, плисовые, заправленные в сапоги штаны. Мастеровой или какой-нибудь мелкий приказчик.

– А я что? Я ничо! – Маленькие глаза парня забегали, красные, сильно торчащие из рукавов руки задрожали.

– Говори, говори! – пристукнул кулаком Ратников. – То, что мне только что сказал...

– А! Дак это... – задержанный оживился, даже расправил грудь. – Евреи во всем виноваты, ага!

– О как! – Федор Петрович с ухмылкой посмотрел на гусара. – Слыхал?

– Они, батюшка, христьянских деток убивают, кровь выкачивают на свою мацу! Вот недавно отрока убили... Лазарь, шинкарь!

– Гнать, гнать евреев отселя, – поддержали парня остальные «санкюлоты». – Покуда не всех еще перерезали, ага...

Капитан-исправник нервно забарабанил по столу пальцами:

– И кто же это вам мысли таковые внушил?

– А никто не внушал, вашество! Все ж говорят, все всё знают. Да и вы сами тоже.

– Да они пьяны вроде, – принялся гусар. – Кто наливал? Где пили?

Пили, как выяснилось, везде. Во всех корчмах наливали... окромя, естественно, еврейских, которые громили и жгли.

– А почто что в присутствие поперлись? – склонив голову набок, вкрадчиво осведомился Ратников. – Супротиву властей замыслили, сволота?

– Да помилуй бог, – парень испуганно закрестился. – Рази мы супротив? Рази можно? Мы супротив евреев токмо. От которых все зло. А в присутствие шли – Лазарю, шинкарю, в очи мерзкие посмотреть! Это ж надо – дите убить ради мацы своей поганой!

– Ясно с вами все... Митрич, давай их в холодную пока, – махнув рукой инвалидам, Федор Петрович обернулся к Давыдову. – Тут вдумчиво поработать надо, Денис. Выяснить, кто водку наливал, на чьи деньги. Выясню! А ты пока мнимой утопленницей займись, а то, чую, при таких делах и некогда будет.

Утопленницей Давыдов занялся сразу же, как только вернулся в казармы. Уселся в уединении да принялся набрасывать словесный портрет – четко, по пунктам, как в академии полиции учили. Делал все обстоятельно, не торопясь, тем более что никаких особых примет при осмотре тела выявлено не было. Ни родинок, ничего... Скорее всего, проморгали, ошиблись, проявили невнимательность... но теперь уж не исправишь – тело-то погребли.

Итак... Пол – женский, возраст – на вид лет двадцать – двадцать пять, тип лица – европейский. Анатомические признаки: сначала – фигура в целом. Рост... рост – средний. Телосложение худощавое, средних размеров грудь. Голова по размерам... в целом – средняя, череп... скорей, грушевидный, да-да, пожалуй, так. Затылок обычный, вертикальный, волосы густые, длинные, кудрявые... или накрученные на папильотках. По цвету – черные, линия волос – прямая. Прическа... а черт его... мокрая ведь была, да и волосы вымокли, но не косы точно. Лицо в целом – узкое, овальное. Приятное такое лицо, впрочем, это к словесному портрету не относится. Контур в профиль – пожалуй, прямой, по полноте лицо худощавое, кожа гладкая, смуглая. Нос несколько вздернутый, носогубные морщины, да... Пальцы... пальцы какие-то желтоватые, еще тогда показалось. Табак курит, да... Теперь описание платья добавить и украшения, если их можно так назвать...

Покончив с составлением словесного портрета, Денис Васильевич вскочил на коня и вскоре уже поднимался по ступенькам присутственного крыльца.

– Вот, Федор Петрович. Надо будет отправить с нарочными по домам терпимости. В Черкассы, в Подольск. В Киев... нет, в Киев вряд ли. Больно

уж дорого киевские девки встанут, да и далеко.

– Отправим, – капитан-исправник устало махнул рукой. – Бричку не установил еще, Денис Васильевич?

– Работаем, господин майор!

В Подольск Ратников отправил своего человека, а вот в Черкассы бравый ротмистр направился сам. Так уж случилось, что выпала надобность срочно отправить тамошнему гарнизонному начальству секретный дислокационный пакет. Яков Федорович хотел было послать самого молодого – Пшесинского, но Денис, прознав о том, выпросил сию службу себе.

Полковник спорить не стал:

– Ну, хочешь, так прокатись, развейся. Заодно рапорта своего судьбу узнай. Ну, и новостей привезешь – послушаем. В неделю управишься?

– Вполне.

Ближе к вечеру гусар простился с Лидочкой. Как раз было время встречи. Наказав девушке искать бричку, Денис так же попросил ее не забывать и о тренировках, заниматься, елико возможно, самой.

– Ты теперича у нас барышня опытная. Форму, та chere, не теряй!

– Ой... А ты, Денис Васильевич, надолго?

– На наделю всего.

– До-олго! Я скучать буду.

– А ты стихи перечитывай и не скучай.

– Ну... тогда поцелуемся на прощанье, ага?

Пришлось уж поцеловаться, чего ж, хоть и был большой риск оказаться затянутым голубым омутом распахнутых девичьих очей. Да еще, целуясь, Лидочка прижималась к гусару всем своим телом, столь страстно и крепко, что у гусара уже почти не оставалось сил все это терпеть. В конце концов, немного-то и был Денис Васильевич – и Дэн – старше. Всего-то лет на пять. Ах, Лидочка, Лидочка... скорей бы ты выросла, что ли.

* * *

В Черкассах лихой гусар действовал вполне обстоятельно и быстро. Передав пакет, поболтал со штабными, даже прочел стихи – и через пять минут знал уже почти все о всех местных борделях, вернее, о тех, «куда не стыдно пойти». Таковых заведений оказалось всего-то с полдюжины, но

Денис был в растерянности – может, не то искал? Судя по одежде и фальшивым драгоценностям, убитая в Воронове девушка никак не походила на мадемуазель из дорогого притона, «ouï n'a pas honte d'aller bonne personne»^[1]. Скорее, надо было искать то, куда пойти стыдно...

Впрочем, ушлый штабс-ротмистр, подкрутив усы, добавил, что, ежели местных дам полусвета куда-то вызывают, так этот точно – «приличных».

– Совсем уж непотребные девки, mon cher ami, такие нищие, что куда там им ездить куда-то! Право же, боже упаси – не на что. Да и не позовет никто, уж больно они terrible^[2]!

С чего бы это заезжий поэт-ротмистр интересуется проститутками, у штабных никаких вопросов не вызвало. Может, поэму хочет написать! Или развлечься, шампанского и выпить и все такое прочее – дело-то житейское, почему бы и нет?

Поблагодарив штабных, Давыдов вскочил в седло и принялся колесить по всему городу. Впрочем, «по всему» – это уж сильно сказано, все «приличные» дома уже больше двадцати лет как располагались в небольшом квартале в районе Губернской и Екатерининской, в полном соответствии с «Указом благочиния», изданным еще покойной матушкой царицей Екатериной Великой.

Первое же заведение – на Губернской – занимало великолепный особняк, выстроенный в барочном стиле, с многочисленной лепниной и статуями. В небольшом дворике был разбит сад с тенистыми аллеями и уютной беседкой, увитой пожелтевшим плющом. Для полной улады не хватало только фонтана – не слишком-то большим был дворик, не поместился фонтан.

Содержательница борделя, мадам Жози, дебелая тетушка в модном голубом платье и с прической «парижский шарм», несмотря на ранний для подобного рода заведений час, приняла гусара с самой любезностью, выказав желание тотчас же выполнить любую его просьбу.

Выслушав же «словесный портрет», мадам как-то быстро увяла и поскуцнела:

– Ах, месье, у нас таких тощих кошек нет. Не держим, знаете ли. У нас уж девушки кровь с молоком! Огонь! Вы точно не хотите попробовать?

– Я бы с удовольствием, – обворожительно улыбнулся гусар. – Но, увы, дела государевы. Труба зовет, звенят литавры! Так что рад бы, но не могу – спешу откланяться. Несказанно рад был знакомству.

– И я очень рада, месье... вы такой... такой... прыткий... Жаль!

– Увы, ничего не могу поделать...

С поклоном поцеловав мадам ручку, Денис простился еще раз, не забыв напоследок уточнить насчет «тощих кошек».

– Тощих у Верки ищите, – мадам Жози скривилась, словно от зубной боли. – На Тамбовской. Есть там один трактир... Но предупреждаю, приличные господа туда не ездят!

– Не корысти ради, – развел руками гость. – Увы – сугубо по делу. Глубокое вам мерси!

Заведение Верки, точнее, Веры Ивановны Спиридоновой, мещанского сословия недавней вдовы, выглядело не то чтобы совсем неприлично, однако до борделя мадам Жози ей было как до Марса пешком. Хотя, с другой стороны: трактир как трактир – вытянутое двухэтажное здание из крепких, потемневших от времени бревен, с резными наличниками, высоким крыльцом и даже с небольшим балкончиком с вычурной балюстрадой, наверное, более уместной в каком-нибудь театре, нежели здесь.

Бросив поводья коня подбежавшему трактирному служке, Давыдов прошел в обеденную залу и, задержавшись в дверях, задумчиво покрутил усы. Наметанный глаз официанта – полового – тотчас же узрел и торчащие из-под пехотного плаща сапоги со шпорами, и рукав доломана с красным обшлагом...

– Доброго здоровьичка, господин, – подойдя, половой подобострастно поклонился, изобразив на круглом и каком-то плоском лице самую приятственную и радушную улыбку. – Прошу вас в отдельный кабинет. Не сумлевайтесь, обслужим в лучшем виде!

– В отдельный кабинет, говоришь?

Половой разулыбался еще больше:

– Господину гусару, верно, все же негоже в одной зале с низкими людьми... у нас ведь всякий народец бывает.

– Откуда ты знаешь, что я гусар? – удивился Денис. – Впрочем, какая разница! Кабинет так кабинет. Веди! И в самом деле, перекусить не помешает.

– Прошу, прошу... ага, сюда вот... Супчику? Рябчиков? Ушицы?

Скинув плащ, Давыдов повесил на гвоздь походную фуражку и, усевшись на мягкий диванчик, устало вытянул ноги.

«Кабинет» отделялся от общей залы одной лишь тяжелой портьерой, однако шума сейчас было мало – чай, не вечер еще. Кроме людской и еще парочки таких же вот «кабинетов», еще имелась лестница, ведущая на

второй этаж, в «нумера». Верно, не все они предназначались для любовных утех, в иных можно было просто переночевать или даже пожить – трактир же!

– Вот, извольте-с!

Отдернув портьеру, в кабинет вошел давешний плосколицый половой с подносом и полотенцем. Расставив супницу и тарелки, вернулся с дичью, шампанским и графинчиком местной наливки, с непостижимой ловкостью расставив все на столе.

– Сейчас принесу остальное, минуточку, господин гусар.

Обернувшись довольно быстро, официант принес столовые приборы, вазочку с хлебом, а кроме того, серебряные стопочки и бокалы – почему-то по две штуки каждого.

Давыдов удивленно приподнял левую бровь:

– Здесь, кажется, отдельный кабинет?

– О, прошу меня извинить, месье! – Из-за портьеры вдруг выпорхнула хрупкая обворожительная брюнетка с премиленьким личиком и серыми большими глазами, трепетно взиравшими на гусара из-под темных пушистых ресниц. – Прошу извинить, я просто хотела... хотела лично представиться... и спросить – как вам? Я, знаете ли, хозяйка всего этого, зовут меня Вера Ивановна...

Дэн едва не подавился слюной. Ничего себе вдовица! На вид сей провинциальной фее вряд ли можно было дать больше двадцати пяти лет. «Вдовица Вера Ивановна Спиридонова, мещанского сословия» как-то больше напоминала утонченную аристократку, нежели какую-нибудь там купчиху или прачку. Модное красное платье с небольшой пелеринкой и обнаженными плечиками вовсе не имело рукавов, впрочем, декольте вовсе нельзя было назвать вызывающим... скорее – манящим...

Мадам присела. Выпили. Почему бы и нет? Сначала – шампанское, потом наливку, после чего уж как-то так само собой получилось, что оба, хозяйка и гость, оказались в «нумере». В одной постели. В конце концов, того хотел каждый...

Все случилось без лишних слов, вполне себе буднично, обычно. Просто Вера Ивановна предложила отдохнуть с дороги, пошла показать... да так и осталась в комнате, точнее сказать – задержалась. Тем более Денис-гусар прихватил с собой шампанское и бокалы.

– Выпьем еще?

– Выпьем...

Сладкий звон. Поцелуй... вовсе не робкий, нет, сразу – горячий, жгучий... Шелковые тесемочки платья развязались мигом, спавшая

пелерина обнажила высокую грудь, и бравый гусар накрыл твердеющие соски губами... Скрипнуло ложе... Раздавшийся вскоре слабый стон быстро перешел в страстные любовные стоны...

Ну, а уж после можно было и поговорить о делах...

– Ну-ка, ну-ка... еще прочтите... Ага! Так вон оно что...

К большому удивлению Давыдова, честно говоря, уже переставшего толком надеяться, составленный им «словесный портрет» наконец-то возымел действие, причем самое прямое, такое, для коего и был предназначен.

– Это наша девушка, – наморщив лобик, тихо промолвила Вера Ивановна... да теперь уже просто Вера. – Да-да – наша. Анечка Черткова, сирота мещанского сословия, двадцати лет. В начале месяца она уехала с одним гусаром... да так пока и не вернулась. Загуляла... Однако... – мадам со страхом взглянула на гостя. – А почему вы спрашиваете о ней, Денис? Неужто случилось что?

Давыдов отвел взгляд:

– Да так...

– Нет, случилось. – Глаза юной женщины округлились, губы задрожали. – Я же чувствую, что случилось. Скажите мне честно, Денис, – что? Ее ограбили, да? Убили?

– Убили, – прошептал молодой человек. – И я ищу убийц.

– Вы?! То-то я и смотрю... Ах, бедная Анечка, бедная...

– Если это она.

– Да ведь похожа! Очень. Все, как вы сказали: черные густые волосы, смуглая... пальцы желтоватые, да. Это от табака – она курила тайком. Ах, боже ж ты мой. Боженька-и-и...

– А что за гусар, Вера? – Давыдов нежно погладил готовую сорваться в истерику вдовушку по плечу.

– Гусар?

– Ну, вы сказали, будто Анечку вашу какой-то гусар увез.

– А, гусар? Да, гусар... Совсем такой молоденький мальчик, ага. Правда, я его мельком только видела, так что о приметах ничего сказать не смогу.

Мадам снова вздохнула и крепко прижалась к широкой груди Дениса. Хрупкая, худенькая и какая-то необычайно женственная, она казалась такой беззащитной, что молодой человек тут же принялся ее утешать, гладить, чувствуя теплую шелковистость кожи, ощущая каждую ямочку, каждый изгиб пленительного юного тела. Да-да, юного – вдовушке едва

исполнилось двадцать семь лет. Очень быстро дело вновь дошло до поцелуев и до куда большего... вновь заскрипела кровать...

– Так что гусар? – уже одеваясь, напомнил Давыдов. – Лица вы, Верочка, не запомнили?

– Говорю же – нет. Кабы запомнила, так и сказала б... Ах, Анечка, Анюта... Сиротинушка ты, сирота... Небось, и на похоронах никто не плакал. Кстати, Денис! Погребли-то ее где? Чай, не в канаве зарыли, как собаку?

– Да что вы, Верочка! – обиделся гость. – Нешто можно вот так – в канаве? Кто бы ни был, а все ж живой человек... был... была... Душа христианская... Погребли. И дьячок был из ближней церкви. Только могилка-то – да, безымянная.

– Я поеду! – встрепенулась мадам. – Тотчас же, с вами! Хотя нет... еще есть дела. Но через неделю точно. Звенигородка, говорите? Денис, вы мне могилу покажете?

– Обязательно!

– Платье мне застегните... вот так... – Вдовушка покусала губу и резко обернулась. – Вы не сказали, как она умерла. Ее пытали? Мучили?

– Нет, – Денис покачал головой. – Просто ножом. Ударили точно под сердце.

– Хорошо, что хоть так...

– Так я про гусара, – Давыдов взял мадам за руки и заглянул в глаза. – Форму-то, надеюсь, запомнили. Долман, ментик – каких цветов были?

– Да вот такие же, как у вас – синие, с белыми шнурами, да.

* * *

Гусара Дэн отыскал быстро. Им оказался Сашенька Пшесинский, корнет, как раз в начале месяца отвозивший в Черкассы штабной пакет. Там и заглянул в номера... расслабился с Анечкой...

– И так понравилась девка, что решился с собой позвать? – недоверчиво прищурился Давыдов.

– Да нет же! – корнет махнул рукой, щеки его зардели. – Вовсе нет. Аня сама со мной напросилась. Сказала, подруга тут у нее.

– Что за подруга? – тут же насторожился Дэн.

– Да не знаю я, как-то не спрашивал. А что ты так Аней интересуешься, господин ротмистр? Неужто девчонка украла что? Хм... не

поверю! Она вроде не из таких.

– Да нет, не украла... Потом все расскажу, корнет.

Денис Васильевич нахмурил брови – вот к чему иногда приводит необходимая в любом расследовании секретность! Разгадка-то близко находилась. Сашка-то, оказывается, покойницу знал, и знал неплохо. Всего-то и надо было – спросить у гусар... тем самым нарушив данное капитану-исправнику слово хранить все дело в тайне.

– Ты с ней здесь встречался?

– Нет, – с видимым сожалением корнет покачал головой. – Хотя уговаривались, да. Однако же не пришла. Увы, такое частенько случается.

– Случается, – покрутил усы Денис. – Что уж теперь говорить-то.

Наверное, он должен был подозревать и корнета. Да мало того что подозревать, но и немедленно сообщить Ратникову о связи молодого гусара с убитой. Должен был! Но не стал. Во-первых, Сашка был свой и на убийство женщины не способный! Во-вторых, во время убийства он был в наряде и никуда из казарм не отлучался – это Давыдов все же проверил по записям в караульной книге. Что же касаясь подружки, то ее нужно было искать, и здесь Дэн сильно надеялся на помощь Лидочки, с которой встретился тотчас же, едва только вернулся из Черкасс.

В конце месяца зарядили дожди, и тренироваться не получалось, так что бравый гусар просто по-дружески заглянул в дом Мирских на обед, а лучше сказать – на ужин. Памятуя неизбывную бедность большинства местных дворян, Давыдов явился не с пустыми руками: с бутылкой шампанского и штофом виленской водки. И то и другое молодой человек приобрел в скобяной лавке купца Никифора Верейского, что располагалась как раз на окраине городка, невдалеке от Лидочкиного дома.

Отец Лидочки, Епифан Андреевич, встретил незваного гостя со всем провинциальным радушием и сразу усадил за стол, хоть Денис и конфузился: мол, шел себе мимо, да дай, думаю, загляну – пережду дождик.

– Вот и правильно, что заглянули, Денис Васильевич, вот и славненько! Дождь же, он уж тут... ох... Глашка! Глашка! Ставь самовар, живо! И накрывай на стол... Наливочки нам принеси. Огурчиков соленых, груздей, кашу... Щи, Денис Васильевич, будете? Правда, постные щи-то, пустые...

– Нет, щи не буду, премного благодарствую, – с ходу отказался Дэн. – Обойдемся как-нибудь груздями.

– А у нас еще паштет есть! – обрадованно сообщил Епифан Андреевич. – Глашка, давай паштету! И хлеба каравай порежь... тот,

свежий.

Служанка Глашка – юркая востроносая особа неопределенного возраста – тут же захлопотала, забегала, подоткнув передник. Сермяжное платье ее, по сути, ничем не отличалось от домашней одежды хозяев. Те ведь не ждали гостей, потому и ходили в домотканой посконине, приберегая партикулярные наряды для службы, церкви и прочих присутственных мест. Что же касемо Лидочки, так у той, насколько помнил гусар, и вообще никакого платья не было – так, крестьянская юбка с кофтою. Пусть все и новое, красивое, с вышивкой, а все же для дворянской девушки – не наряд! В обществе в таком не покажешься и приличного жениха не найдешь. Только на рынок или, вот, с мальчишками собак гонять.

– Ах, Денис Васильевич! – Судя по задержке, Лидочка обычно ходила по дому в портках или вообще в одной рубахе. Теперь вот переоделась, все в ту же юбку да сорочку расшитую, правда, косы не заплетала – уж слишком это было бы по-деревенски, по-крестьянски как-то. Локоны... локоны падали на плечики, такие пленительно-светлые, как лучики солнечные. А очи синие? Глазищи! Нет, все ж таки – красива девка. Будет. Как подрастет чуть-чуть.

– Ах, Денис Васильевич! Наконец-то вы вернулись. Я уж и соскучилась, честно сказать.

Гусар быстро поднялся на ноги:

– О, мадемуазель! Целую ручку. Ну что? Шампанского за встречу, ага?

Переговорить с Лидочкой о деле удалось уже ближе к ночи. Когда папенька задремал, упившись наливки и водки, молодые люди удалились в отведенный девушке угол, забранный занавеской из дешевой лодзинской ткани. Темно-синее казенное сукно было расшито красивыми белыми снежинками и цветами.

– Креативненько, – похвалил Дэн. – Твое творчество, Лид?

– Ну да, я. – Девушка казалась явно взволнованной, еще бы – не каждый день в ее альков заглядывали красавцы-гусары! По правде сказать, вообще не заглядывали никогда, и вот только сейчас...

В «девичьем углу» находилась низенькая оттоманка, забранная зеленым турецким покрывалом, коими обычно торговали цыгане, продавая по двадцать копеек аршин. Судя по всему, на этой вот оттоманке девчонка и спала. Чуть левей лежа находилось окно с веселенькими голубенькими занавесками, явно домашней окраски. Рядом с окном располагался небольшой самодельный комод, судя по стоявшей на нем чернильнице,

одновременно исполнявший роль конторки, и пара гнутых стульев, венских или нет, тут уж бог весть. Над оттоманкой висела лубочная копия какой-то французской картины, скорее всего – Ватто.

– Подруга убитой? – Лидочка задумчиво покусала губу.

– Да-да, подруга, – взяв девушку за руку, повторил гусар. – Давай-ка вместе подумаем, кто бы это мог быть? Кого нам искать-то?

Идея мозгового штурма оказалась весьма плодотворной. Совместными усилиями молодые люди быстро пришли к выводу, что подруга убитой явно не принадлежит к обществу, но и не из крепостных. Скорее всего – мещанка или из мелкого торгового сословия, из тех, не входящих ни в какую гильдию торговцев, что называются вовсе не купцами, а «разгильдяями». Кроме того, это могла быть и одна из тех гулящих девок, что продавали любовь за совсем уж смешные деньги, обычно на ярмарках. Кроме того, у нее обязательно должно быть свое жилье – съемная меблированная комната или глинобитная мазанка – хата.

– Скорее всего – без мужа, вдова...

– Или старая дева...

– Или!

Учитывая, что в Звенигородке проживало не так уж и много народу, Давыдов не сомневался, что подруга эта будет найдена всенепременно, кто бы она ни была и где бы ни проживала. Соседи! О, от их любопытных взоров в маленьком городке не укроется никто, тем более – молодая красивая женщина в европейском платье! Если несчастная Анечка Черткова успела встретиться со своей подругой, подруга будет установлена однозначно. Если же не успела... то все в руках Божьих.

– Ах, Денис Васильевич, – вытянув ноги, Лидочка расслабленно потянулась. – Как славно, что ты наконец вернулся! А я ведь похвастаюсь, можно?

– Нужно! – улыбнулся гусар.

– Только ты сперва отвернись.

Денис послушно повернулся к окну, глядя, как в быстро темнеющем небе одна за другой вспыхивали желтые звезды, и выкатившийся над крышей сарая месяц зацепился рогом за старую грушу, да так и повис, покачиваясь и мерцая. На улице было тихо и темно, в окнах домов и хижин теплились оранжевые огоньки... горели и гасли – звенигородские обыватели отходили ко сну.

– Все! Поворачивайся... поможешь. Завязки вот затяни.

Гусар повернулся и крикнул: юная красавица стояла к нему спиной...

голой спиной, с накинутой на грудь кофточкой... или, скорее, жакетом.

– Шнурочки там затяни... Только осторожней!

– Да уж не бойся, милая, не задушу.

Пальцы Дениса прикоснулись к тонкой девичьей коже... так вдруг захотелось провести ладонью по этой нагой спинке, погладить шейку, поцеловать...

– Эх, Денис Васильевич... вы еще не ушли? – слышался вдруг заспанный голос хозяина.

Лидочка засмеялась в кулак, гусар же подмигнул ей и вышел:

– Здесь, здесь. Беседовали с мадемуазель Лидией о поэзии.

– А я вот вздремнул, – виновато развел руками Епифан Андреевич. – Однако же водочка еще осталась. Допьем, а?

– Конечно же, допьем, милостивый государь! О чем и говорить-то?

* * *

Изготовителей брички, о ком говорил капитан-исправник, найти так и не удалось, однако Дэн не слишком-то сокрушался об этом. Зачем изготовители? Хозяина искать надо. Или для начала – хозяев. Легкая телега или тяжелая бричка... Ну, не могло таких быть в Звенигородке и окрестных деревнях сотни! Даже десятка три вряд ли набралось бы. Тем более, судя по следам, бричка-то – одноконная. Эх, была бы база ГИБДД! Забрался бы, глянул... ГИБДД...

Будочники! Черт побери – будочники! Точно.

В те пасторальные времена вместо гаишных постов на главных дорогах при въезде в города устанавливали полосатые караульные будки. Здесь осуществлялась проверка документов, грузов, взимались пошлины, производилась запись въезжающих в город. Караульную службу несли сами горожане или специально выделенные люди их числа вышедших в отставку солдат. Для службы городничий или капитан-исправник обеспечивали караульных необходимым инвентарем: рогатками, дубинками и трещотками. Последние – вместо свистков, ежели что – поднять тревогу.

– Список будочников? Да есть, конечно. Я сейчас прикажу секретарю... – Ратников пожевал губами и, свесив голову набок, хитро прищурился. – А вы, Денис Васильевич, молодец. В верном направлении мыслите.

Допрос будочников продвинул следствие по делу убитой проститутки

весьма даже резко. Таких вот полутелег-полубричек в Звенигородке и окрестностях насчитывалось всего-то пятнадцать штук! Из них – девять одноконных. Круг подозреваемых резко сужался, дело оставалось за малым – отработать всех девятиерых, чем и занялся бравый помощник следователя.

В первую же голову внимание Дэна привлекла знакомая фамилия – одним из владельцев такой вот брички оказался купец Никифор Верейский. Но зачем купцу убивать?

– Никифор Верейский – уважаемый городской обыватель, – Ратников покачал головой. – Богатый купец, а по местным меркам так и вообще богатейший. С контрабандистами, скорее всего, связан – да. Однако же сие пока что – только догадки. Мог, конечно, и убить гулящую – в пылу да в страсти всякое бывает. Однако мальчик... вряд ли, вряд ли.

Капитан-исправник почмокал губами и помассировал мочки ушей:

– Однако же тут и кой-кто поинтереснее в списке! К примеру, Макар Чубаров, цыган. Этот за деньги все, что захочешь, сотворит, заплати только. Или вот, Ремезов Димитрий, купеческий сын. Бездельник тот еще, родного отца загулами в могилу свел, картежник, мот. Вот кого в первую голову проверять! А еще... ну-ка, ну-ка... Акинфий Фролов! Так-та-ак... старый знакомец Акинфий Платоныч. Этим, Денис, я самолично займусь, карась еще тот, крученный. Ты пока Чубарова проверь осторожненько. И Ремезова.

– Сделаю, господин-капитан исправник.

Кивнув, Давыдов покинул присутствие и, вскочив в седло, неспешной рысью погнал лошадь в казармы. Нынче снова пришла его очередь нести караульную службу. Ну, а как же! На то и ротмистр, гусар.

* * *

Покуда Денис Васильевич предавался скучной, но необходимой рутине гарнизонно-карульной службы, его юная наперсница Лидочка, окрыленная поручением гусара, принялась со всем рвением искать подругу убитой, ничтоже сумняшеся подключив к сему делу всех своих гаврошей.

Ребята прошерстили всех! Пользуясь тем, что папенька, Елифан Андреевич, находился на службе, ушлая девчонка расположилась в старой беседке, словно полководец в походном шатре, и отовсюду бежали к ней босоногие и соплелосые вестники. Делу способствовала теплая и солнечная погода, вновь установившаяся в те дни почти на всем протяжении Малороссии, от Киева до Екатеринослава.

Ласково светило солнышко. Шуршали под ногами отроков опавшие

листья. Юная атаманша, вытянув ноги, щелкала орешки да, сплевывая шелуху в ладонь, задумчиво выслушивала доклады. Ах, видел бы ее в этот момент бравый поэт и воин! То-то посмеялся бы. От души б посмеялся, вдоволь... только – сам с собой, не в голос, чтоб, не дай бог, барышню ничем не обидеть.

Вот как раз сейчас-то как-то не очень-то походила Лидочка на барышню, и видом своим, и поведением полностью оправдывая прозвище – атаманша в юбке. Правда, вот вместо обычной своей юбки на этот раз «атаманша» облачилась в штаны и посконную рубаху – в чем ходила дома, покуда не было гостей. Подвернув штаны, вытянула босые ноги, да, сидя в беседке, читала какую-то французскую книжку. Да, да, Лидочка самостоятельно изучала французский, в чем боялась признаться любому, и уж тем более Денису Васильевичу. Как это, образованная барышня, из дворян, и французского языка не знает? Моветон! Не барышня, а какая-то крестьянка крепостная. Вот и силилась девчонка, учила, на учителя-то денежек не имелось. Слава богу, хоть по-русски-то читать да писать обучил местный дьячок, и на том, как говорится, спасибо. Ну а французский уж приходилось самой, перевод многих слов в этой старой, выменянной на базаре за пару рыбин книжке был прописан прямо сверху – чернилами.

– Катр-вэн, – высунув язык, Лидочка усердно зубрила числительные. – Восемьдесят. Катр-вэн дис – девяносто. Катр-вен дис-сет... Девяносто шесть. Ох ты ж, боже ж ты мой! Ну и придумают же господа французы! Катр-вэн ди-сет – четыре раза по двадцать, десять и шесть! Затеяливо, ничего не скажешь.

– Лид, – очередной юный агент, подходя к беседке, смущенно заковырял в носу. – Там это... Видели, как к одной женщина заходила... Чужая женщина, не наша, не здешняя.

– Чужая? – вмиг встрепелась Лидочка. – К кому заходила? Где?

– Да мы посейчас покажем, ага.

Влекомая недюжинным азартом, барышня забыла обо всем, да так и понеслась с ребятней, в чем была – босая, в портках и посконной рубахе. Лишь синие глазищи сверкали да развевались за спиной локоны, растекаясь по плечам густым медвяным златом.

– Вона, вона. Тот дом!

Тот еще был дом. Не дом, а просто обмазанная глиной хата. Даже толком не побеленная, видать, не доходили у горе-хозяев руки. На что уж у Мирских домишко неприглядный, но уж этот...

За покосившимся от времени плетнем во дворе копошились куры,

узенькая калитка была закрыта, а ведущая в дом дверь, наоборот, распахнута, верно, проветривали. Кроме двух чахлых яблонь и кустов смородины, за плетнем ничего больше не росло, впрочем, огород вполне мог располагаться за мазанкой.

– Девушка одна живет, без мужика, – прячась напротив, в облепиховых зарослях, деловито пояснял круглолицый гаврош в наброшенном на голое тело армячке и сером облезлом картузе. – Зовут Катериной, промыслами да стиркой промышляет, летом – ягоды да травы сушит.

– Да уж, – Лидочка хмыкнула в кулак. – Доход преизрядный. Так что, к ней и приходила чужачка?

– К ней, к ней, – степенно уверил гаврош, стараясь как бы невзначай заглянуть Лидочке за ворот рубахи. Хоть краешек груди увидеть – и то хлеб, будет о чем парням рассказать, обзавидуются вусмерть! – Все соседи видели, и дядько Панас, и бабка Митрофаньевна, и тетка Хевронья, и еще одна бабка – Степанида.

– Эта та, что зелье приворотное варит? – уточнила барышня.

– Она-а.

– Ну, ладно... Теперь уж я и без вас. Пойду, проведу.

Напустив на себя самый деловой вид, Лидочка покинула свое убежище и, небрежно ткнув калитку, подошла к распахнутой настежь двери... Подошла и тут только сообразила, в каком она виде есть! Даже и к селянам не покажешься. Ладно бы малая была, а то... на выданье ведь барышня. И вот...

Застеснялась девушка, замедлила шаг... и вдруг услышала шум подъезжающего экипажа. Лидочка резко обернулась – бричка! Большая, двухосная, однако же – с одной лошадей. В самой бричке тоже сидел один – смуглый чернявый парень с падающим на левую щеку чубом и золотою серьгой в левом ухе – цыган!

Лидочка усмехнулась: местные обыватели цыган побаивались и не любили, а вот ей было как-то наплевать. Попробовали б ее только задеть, хоть как-то обидеть... хоть цыгане, хоть кто. Ужо горя не обобрались бы!

Тем не менее хитрая девчонка решила события не форсировать, а для начала немножко понаблюдать и послушать. Пока цыган привязывал лошадь к плетню, барышня проворно юркнула в курятник, да там и затаилась, внимательно глядя в щель. Приглаживая чуб, цыган прошел мимо курятника и, остановившись возле двери, громко позвал:

– Эй, Катерина! Катя! Это я, Макар. Зайду?

Сказал и, не дождавшись ответа, вошел. Лидочка в тот же момент

бросилась, стрелой вылетела из сарая и, присев под окнами, наострила уши.

Внутри, в мазанке, слышались глухие голоса. Грубый, мужской – цыгана, и какой-то виноватый, женский, видимо той самой Катерины-Кати. Было похоже на то, что гость за что-то ругал хозяйку... а вот и ударил!

Шлепок! Визг... плач... Шум падающего тела!

Так он же ее сейчас убьет! Спасать надо деву, спасать. Тем более – свидетель.

Почти не рассуждая, Лидочка бросилась в дом и заголосила уже с порога:

– Эй, соседка! Маслица льняного случайно нет?

Судя по всему, барышня вмешалась вовремя. Разъяренный цыган уже склонился над распростертой на полу молодой растрепанной женщиной в порванной на груди кацавейке, склонился и занес зажатый в руке нож!

– Говори, тварь! Зарежу!

– Ой, Макарушка! Не убивай!

– Соседушка...

– Это кто еще? Любовник твой, да? – Нахальный визитер живо подскочил к Лидочке и схватил за грудки, приставив нож к шее. – Ого! Да ты девка!

Обнаружив сие, цыган гнусно осклабился и с силой рванул ворот Лидочкиной рубашки. Разорвал, паразитина, обнажив грудь... И Лидочка, недолго думая, ударила его коленом в пах... а потом, почти сразу – угостила в нос тыльной стороной ладони. Нехороший удар – болезненный, страшный. Если посильнее – носовая перегородка запросто войдет в мозг!

Цыган поперхнулся, отпрянул и тяжело завалился на спину... Однако это еще не все. Лидочка еще успела хитрым приемом «рычаг руки наружу» отобрать у супостата нож!

– Вот теперь рыпнись только, поганец! Убью.

– Не надо, прошу, – поднимаясь с пола, вдруг зарыдала женщина. – Это я... я виновата во всем. Не знаю, простишь ли ты меня, Макарушка...

– Знать тебя не знаю! – злобно косясь на гостью, прошипел поверженный злодей. – Ноги моей больше в твоём доме не будет! И ты в табор не приходи. Нет промеж нами более никакой любви. Нету!

Зарыдав, Катерина бросилась на колени:

– Макарушка!

– Сказал – нет промеж нами ничего... Да брось ты нож, девка! – скрипя зубами, цыган сел на полу, опираясь спиной о стену. – Не собирался я ее убивать. Так, попугал только. Хотя таких тварей и убить бы

нехудо.

– А ну, пасть закрой! – чувствительно пнув лиходея в бок, цыкнула Лидочка. – Сейчас за капитаном-исправником пошлю. На каторгу у меня пойдешь, гниль! Понял? И глазами на меня не сверкай, не боюсь я тебя, поганца, нисколько.

– Не надо на каторгу, – шмыгнув носом, Катерина снова запричитала. – Он и впрямь не хотел. Это я все...

– Ты, не ты, – хмыкнула барышня. – Разберемся. Потолкуем?

– Потолкуем, ага... – женщина обрадованно закивала и жалобно скривила губы. – Только этого бы... отпустить бы, а?

– Точно отпустить?

– Ага.

– Ладно... Вон пошел! Пошел, говорю, пока я добрая, – нагло распорядилась «атаманша». – А ножик твой я себе оставлю – трофеем.

– Ну, ты это... – поднимаясь на ноги, цыган восхищенно причмокнул. – Ну ты, дева, да-а-а... Как ты меня... Уважаю! И это... зла на меня не держи. Я ведь тебя не хотел... пошутил просто.

– В следующий раз за такие шутки уши отрежу, – серьезно пообещала Лидочка. – И кое-что еще. Все – пошел уже. Уходи, сказала.

– Ухожу, – цыган задержался в дверях и обернулся с неожиданной улыбкой. – А нож – пусть не трофей. Пусть – подарком будет. При таком ноже тебя ни один цыган не обидит. Наоборот.

– Да иди ты уже, черт лохматый!

* * *

Макар Чубаров вскочил в бричку и принялся нахлестывать лошадь. Тучи желтой пыли поднимались из-под колес и копыт, и сквозь эту пыльную мглу сияли сатанинской злобою черные глаза цыгана. Оскорбленный в лучших своих чувствах любовник гнал лошадь с такой силою, словно торопился в ад. Пару раз бричка едва не перевернулась и даже зацепила колесом верстовой столб у городской управы. Вот тут уж Чубарову волей-неволей пришлось остановиться. Выбравшись из брички он склонился над колесом, потрогал, пошатал... И был взят под белы ручки бодрой командой инвалидов во главе с неизбывным Митричем!

– А, господин Чубаров! – радостно потер ладони Денис. – Ну, присаживайся, мил человек. Рассказывай!

– И что рассказывать, вашество? – цыган изумленно глянул на гусарский мундир Давыдова. – Это что же, господа гусары нынче присутственные дела ведут?

– Не твое дело, – Денис резко усмехнулся и подкрутил усы. – Давай рассказывай, какую ты девицу в трактир водил! Напомню – недели две назад дело было.

– Я многих вожу, – развалившись, нагло рассмеялся цыган.

Вот чего Денис Васильевич терпеть не мог, так это этакого вот нахальства. Особенно среди простонародья.

Побагровев, гусар приподнялся и ахнул кулаком по столу:

– А ну, встать, шваль! Нынче живо у меня на каторгу... а то и на виселицу – за убийство!

– Я никого не убивал, – живенько уяснив, что шутить здесь с ним никто не собирается, Чубаров поспешно вскочил на ноги, позабыв про свои расстроенные изменой любовницы чувства. – Христом-богом клянусь, детьми... да чем угодно!

– Клятвы свои поганые оставь при себе. Чай, не на базаре, – хладнокровно заметил гусар. – Отвечай все с толком, по существу. Подвозил девицу чужую?

– Подвозил, – поморгав, Чубаров тряхнул чубом. – Было дело. До трактира подвез, да.

– Так кого подвез-то?

– Анною звали. Из Черкасс...

Услышав такое, Денис напрягся – еще чуть-чуть, и недалеко до признания!

– Она к подружке моей приехала, Катерине, погостила чуток. Я в гости заглянул, она, Анна-то, и попросила до трактира подвезти. Хотела с попутными купцами до Черкасс добраться. Ну, Марьи-вдовицы трактир, знаете. Я отвез, простился. – Цыган снова поморгал и продолжил, исподлобья посматривая на гусара: – Там еще Верейский Никифор был, купец, как раз только зашел. Так они там спелись.

– Что значит спелись?

– Ну, уговорились, верно, насчет дороги, – махнул рукой Чубаров. – А дальше я водки хлопнул да уехал в табор. И как там что было – не ведаю.

– Так-так, Верейский, значит... В суде подтвердить сможешь?

– Ну-у, господине... Я бы со всем удовольствием. Однако, в зависимости от того, когда суд. Не сегодня завтра уходим с табором на Буковину.

Давыдов покрутил усы:

– На Буковину, значит... так-так... А кто еще тогда в том трактире был?

– Марьи точно не было – спала. Кто-то из служек... ну да, молодой парнишка такой... Говорят, он недавно в овраг упал.

– Как упал?

– Так. Со сломанной шеей и нашли.

Отпустив цыгана, Давыдов заглянул в соседний кабинет, к Ратникову. Федор Петрович, почесывая гладко выбритый подбородок, вновь допрашивал недавно арестованного помещика, молодого Кузьму Федосыча Воронова.

– Так, говоришь, в трактире никого не помнишь?

– Ну-у... никого. Говорил же! – помещик раздраженно забарабанил тонкими пальцами по столу. – Разве что полового. Снулый такой отрок... едва поспевал, муха сонная!

– Этот тот, которого недавно в овраге мертвым нашли? – уточнил капитан-исправник.

Арестованный развел руками:

– Ну, уж про то мне неизвестно.

– Так ты с кем пил-то?

– Да сам с собой, с горя... Письмо от возлюбленной получил... Нехорошее письмо, злое. Кто такая – не скажу, живет в Киеве.

– А письмо, разрешите полюбопытствовать?

– Да сжег я его! – нервно воскликнул помещик. – Как только прочел, так сразу и сжег.

– Разрешите, господин капитан-исправник? – испросив разрешение, Денис повернулся к допрашиваемому и быстро спросил, был ли тогда в трактире купец Никифор Верецкий.

– Не помню, – качнул лохматой головой арестант. – Хоть убейте, господа, а не помню! Пьян был...

– Так-так один и пили?

– Ну... может, и не один. Может, и подливал кто-то.

Отправив Воронова обратно в узилище, капитан-исправник пристально посмотрел на гусара:

– Ну, Денис Васильевич, говори. Что, Никифора Верецкого в Марьином трактире видали?

– Видали, – кивнул Дэн. – Макар Чубаров, цыган, видел, как Никифор разговаривал с убитой. А потом у дома Воронова мелкие отроки приметили

какого-то мужика на бричке. С дамой!

– Так ты полагаешь, будто Верейский сначала привез домой пьяного вусмерть Воронова, а потом – эту вот Анну... которую там же и убил. И все свалил на Воронова. Зачем? В чем смысл-то?

– В каменоломнях, Федор Петрович, – пройдясь по кабинету, негромко пояснил гусар. – В гранитных каменоломнях.

То же самое подтвердил и вновь вызванный на допрос помещик. Да, действительно, купец Никифор Верейский неоднократно предлагал ему и брату продать гранитные выработки, но все время получал отказ.

– Фигу ему с маслом, а не выработки! – рассерженно бросил Кузьма Федосыч. – Бог даст, мы с братом вскорости школу для детишек откроем. А этот... Знаете, как его крестьяне местные кличут? Мироед! Вы меня отпустите скоро ли? Предупреждаю – еще одну жалобу напишу!

– Мы, конечно, вас отпустили бы, любезнейший Кузьма Федосыч, – Ратников прищурился настолько елейно, что Денис даже вздрогнул – уж никак не ожидал, что суровый капитан-исправник на такое способен. – Однако ж, сами понимаете, тем самым мы истинного убийцу спугнем. А не хотелось бы!

– Хм, не хотелось, – скривился арестант. – И как долго вы его думаете ловить?

– Днями можно считать! – Давыдов успокаивающе покивал. – Так что уж вы сделайте милость, потерпите чуток. А мы вам в камору шампанского, икорочки, дичь... Сей момент принесут!

– Дичь! Да у меня ж договоры!

– Управляющему пока поручите. Дело-то важное! Ну-ка – убивец по Звенигородке рыщет! Ну, потерпите еще... А мы вам...

Кузьма Федосыч пригладил волосы ладонью и вдруг глянул на Ратникова с нескрываемой хитрецей:

– Вы ведь, как капитан-исправник, за все управление здешнее в ответе, так?

– Ну, не за все... но за многое. И кое в чем в деле вашем гранитном смогу помочь.

– Вот-вот! – помещик буквально воспрянул душой. – Очень бы того хотелось, любезнейший Федор Петрович! Очень.

Пока Воронов разговаривал с капитаном-исправником, Денис Васильевич не тратил времени даром и заглянул к арестованному шинкарю Лазарю, узнав от того, что некие купцы настойчиво просили его продать

шинок.

– Что за купцы? – быстро уточнил Дэн. – Верейский Никифор средь оных был?

– Не сам. Приказчик его, Анисим.

* * *

То ли был какой-то праздник, то ли не было ничего, а просто так выпить захотелось, от скуки. А раз захотелось, так взяли да выпили «беленькой», да зазвучали по казарме стихи, зазвенела гитара, и верный друг Лешка Бурцов, подкручивая усы, уже придумывал, куда бы поехать – «к дамам».

В углу раскинули карты – играли всерьез, по-крупному, и Денис в игры те не совался, не имел такой привычки – играть, да и пил, честно сказать, не особо, вусмерть не напивался.

Однако компанию лихой гусар всегда поддерживал, вот и сейчас поднял бокал да, прочитав стихи, выпил, закусил моченым яблочком...

– Господин ротмистр, Денис Васильевич, – неожиданно вбежал со двора караульный, из рядовых. – Там вас цыганенок какой-то спрашивает.

– Цыганенок? – Давыдов изумленно приподнял левую бровь. – Я б еще понял, если б цыган. Однако пойду-ка, гляну...

За воротами и впрямь дождался цыганенок, мальчишка лет десяти, с черными как смоль кудрями и карими, сверкающими глазенками.

– Вы – господин ротмистр Денис Васильевич?

– Ну я. А тебе почто?

– Меня дядько Макар прислал. Велел обсказать все, что про отрока убиенного ведаю.

Оп-па! Гусар округлил глаза, отвел цыганенка в сторонку и, оглядевшись вокруг, приказал:

– Рассказывай.

Оказывается, нищего мальчика, что пришел вместе с каликами, цыгане заметили уже давно и даже надумали перекупить в целях использования в качестве попрошайки. Перекупить, само собой, нездорового... да наверняка с каликами сторговались бы, коли б мальчика мужик один не сманил, как раз до цыган незадолго.

Тут-то Степку – так цыганенка звали – и послали: прямо за мужиком.

Правда, бричка быстро ехала, не успел Степка проследить... Однако потом, к вечеру ближе, цыганенок неожиданно углядел знакомую бричку невядалеке от шинка. Мужик как раз слезал с козел, на плече – котомка.

– Большая котомка-то?

– Да не, не особо. И мужичок-то не особенно в шинок торопился. Выждал, покуда шинкарь, дядько Лазарь, со двора отлучился и – шмыг! А потом так же быстро и выскочил, в бричку сел, да ходу.

– Так-так... – выслушав, протянул гусар. – И что за мужик?

Ответу не удивился нисколько – Вере́йский Никифор, купец.

* * *

– Вот и подумалось вдруг – Мака́р не зря Анну повез. Восхотел, верно... – Катерина поправила сползшую с плеча кацавейку и вздохнула. – Так я и за ним – посмотреть. Коли Мака́р с подруженькой... так я эту подруженьку вовек больше не позову! Пуцдай сидит в своих Черкассах. Ну, покуда собиралась, покуда шла... Так по пути-то знакомую бричку и увидала! Мужик на козлах сидел – я и подумала в темноте, что Мака́р. А Анну по платью да пелерине узнала.

– Ну-ну, дальше! – нетерпеливо подогнала Лидочка. – Что за мужик-то был?

– Его я уж потом, попозже, признала. Пока за бричкой шла, аж до самой Вороновки. Выдохлась вся, умаялась. Отдышалась – а мужик-то уж из дому вышел. Один. И не Мака́р это оказался, а дядько Никифор, купец.

– Ты его точно признала?

– Да уж признала. Стремглав в сторону бросилась, схоронилась. Гляжу – вышли вдвоем: Анна с Никифором. В обнимку вышли, милуются, куда-то за дом пошли, в сад... Ну, я и думаю – мешать им не стану, взяла да ушла. Чай, Никифор-то – не Мака́р.

– И ничего больше не видела?

– Не.

Зачем-то оглянувшись по сторонам, Катерина перекрестилась на висевшую в углу икону и тихо, с необычайным убеждением, произнесла:

– Думаю, это Никифор Анну убил. Больше некому. Уж что там меж ними стряслось – не знаю, а убил он.

– Вилами по воде, – сквозь зубы промолвила Лидочка. – Вилами...

– Ой! – случайно глянув в окно, Катерина вдруг изменилась в лице, словно б увидела там самого чета! – Прячемся! Там... он!

– Кто он?

– Да Никифор же! Вона...

Спрятаться девушки не успели, тяжелые шаги уже раздались в сенях, и на пороге возникла могучая фигура купца.

– Ну? – громовым рыком прорычал незванный визитер. – Ты, что ли, Катька, про меня сплетниводишь? Гляди-ко... и ухажер еще сопленосый...

Наотмашь ударив Катерину по лицу, Никифор повернулся к барышне... Жесткие пальцы купца вмиг ухватили Лидочку за ухо. Девушка вскрикнула, скривилась и, вспомнив уроки гусара, с ходу заехала обидчику локтем в бок. Тот, такое впечатление, даже не почувствовал, сгреб девчонку в охапку, прижал к стене... и мерзко усмехнулся:

– О! Да ты девка никак! А почто в портках, греховодница?

Никифор на миг отпрянул, глянул на лежавшую без чувств хозяйку, перевел взгляд обратно на Лидочку... и вдруг хмыкнул!

– Вона кто за мной мальцов посылает! Признал я тебя... Елифана почтаря дочка! Ну... оно и к ладу. Посейчас вот обеих, посейчас...

Ухмыляясь, Никифор нагнулся и выхватил из-за голенища нож... Лидочка удара ждать не стала – нанесла первой. Ткнула цыганским клинком прямо супостату в грудь. Увы, промахнулась, угодила в плечо, однако кровушку гаду пустила!

В изумлении глянув на девчонку, убийца на миг растерялся – лезть на рожон ему явно не хотелось, да и расправиться по-тихому не вышло. Впрочем, все равно теперь ж деваться некуда, дело нужно было довести до конца.

– У-тю-тю-тю, барышня! – купец недобро осклабился, поиграл ножом...

И Лидочка вновь совершила выпад – укол, только укол, все, как учил Давыдов. Кажется, на этот раз – удачно. Купец согнулся, застонал... И тут же выпрямился, словно пружина, и что-то горячее ударило Лидочке в грудь...

* * *

– Ты только не умирай, милая... Ты только не умирай... Обожди малость... еще чуть-чуть – и лазарет, доктор...

Давыдов нес раненую девушку на руках, такую невесомую, хрупкую, с белым от потери крови лицом.

Эх, опоздали... – корил себя гусар. Чтоб раньше в присутствие выехать. Раньше бы с Ратниковым поговорил... и за Верейским выехали бы раньше! Все же нашли, взяли гада... Хорошо – кто-то из Лидочкиных хлопцев дом показал.

– Не умирай, миленькая моя... Христом-Богом прошу, потерпи малость... Бричку, бричку давай! Сам повезу! Вы держите...

* * *

Уже наступил декабрь, и на улицах Звенигородки сверкали на солнце сугробы. Неугомонная мелюзга, весело крича, каталась с горки на санках, невдалеке, на базаре, торговали горячим сбитнем и только что испеченными – с пылу с жару – блинами.

Добежать, что ли, до рынка, купить?

Лидочка задумчиво подошла к окну. Недавно оправившаяся после ранения девушка казалась еще более тоненькой, чем была. Лицо ее все еще оставалось бледным, лишь щечки понемногу начинали розоветь...

– У Репниковых нынче бал, – оглянувшись на дочь, тихо промолвил Епифан Андреевич. – Хотя какой там бал. Так, обычные посиделки. Хотя... нас с тобой звали.

– Ах, оставьте, папенька, – отмахнулась барышня. – Мне же совершенно не в чем пойти.

Папенька умолк – да и что сказать-то было? Между тем за окном вдруг остановились богатые сани. Остановились прямо напротив дома Мирских, у заснеженного палисадника.

Кучер в справном армяке и шапке остался сидеть на облучке, а седок – важный господин с какими-то свертками – выбрался и зашагал прямо к крыльцу.

– Ой, папенька! Кажется, гости к нам. Ой, я переодеться не успею...

– Да я встречу. Ничего.

Важный господин со свертками уже стучал в дверь.

– Господин провинциальный секретарь Мирский?

– Он самый и есть. А что...

– Велено доставить вам.

– Но...

– За сим разрешите откланяться – дела-с.

– Что же вы, даже и чаю...

Неожиданный визитер ушел, оставив пакеты.

– Да тут что-то написано... «Лидочке Мирской»... Слышь, дочь! Тебе!
– Мне?

Дрожащими руками девушка развернула свертки...

– Это, кажется, пальто... зимние башмачки... и... ой... Господи-и-и-и!

В само большом пакете оказалось платье! Дивное, светло-голубое, со струящимся подолом и коротенькими рукавами-буфами, оно пришлось Лидочке впору... А как сияло при этом милое девичье лицо!

– Это кто ж такой доброхот? – покачал головой родитель.

– Я догадываюсь, – девушка улыбнулась и, сев на лавку, неожиданно шмыгнула носом. – Ах, Денис Васильевич... Денис, Денис... Как-то ты там на своей войне? Бонапарте, однако ж, не фунт изюму. Ох, господи, лишь бы все сложилось хорошо, лишь бы... Папенька, милый! У кого, говоришь, нынче бал-то?

Глава 4

– Скорее, скорей! Allons, ma chérie! On y va! Tres vite, силь ву пле! Тре вит! Быстрее!

Свою трофейную французскую лошаденку, недавно сторгованную у полузнакомых казаков, Давыдов назвал Мари и обращался с ней исключительно по-французски – иначе строптивая животиная не слушалась.

– Тре вит, ma chérie! О, моя дорогая! Быстрее!

И впрямь – следовало торопиться, поскорее доставить в штаб князя Петра Багратиона важное известие от главнокомандующего русскими войсками в Пруссии, генерал-лейтенанта Беннигсена.

Дул пронзительный ветер, с серо-синего, затянутого тучами неба падал редкий мокрый снег. Словно болотная жижа, хлюпало под копытами Мари бурое снежно-грязное месиво. Мерзко! Такая уж здесь, в Восточной Пруссии, зима. Эх! Нет чтоб как в России – «мороз и солнце – день чудесный»! Впрочем, мороз во время военных действий тоже как-то не комильфо.

Впрочем, пусть и дрянь погода, да что грустить? Недаром же brave гусар так рвался на фронт, искренне завидуя своему, уже успевшему повоевать и даже вернуться из плена, младшему брату Евдокиму. Денис писал прошения, подавал рапорты и даже как-то прорвался в гостиницу к прежнему главнокомандующему, старому графу Михаилу Федоровичу Каменскому, до смерти того перепугав. Правда, старик тогда почти сразу смягчился – оказывается, со многими родственниками Дениса он когда-то приятельствовал и многих хорошо знал. Так бы и славно вышло с отправкой Давыдова в действующую армию... кабы Каменский не тронулся немножко умом да не сложил с себя полномочия главнокомандующего, коим почти тотчас же был назначен верный клеврет государя Беннигсен.

Вот тогда и сгодились дружеские связи Дениса в салонном Санкт-Петербурге. Благодаря хлопотам светской львицы, юной княжны Марии Нарышкиной – любовницы и советчицы самого государя поручик лейб-гвардии гусарского полка Денис Васильевич Давыдов наконец-то получил назначение в действующую армию, адъютантом князя Багратиона. Добравшись в Восточную Пруссию вместе с попутными павлоградскими гусарами, Денис был представлен князю невядалеке от местечка Морунген и тотчас же приступил к исполнению своих прямых обязанностей.

Вот как сейчас...

– Tres vite, чертова перечница! Тре вит! Allez, maudit sois-tu! eh bien, allé! Да чтоб тебя!

Ушлая лошаденка Давыдова вдруг заупрямилась, ни в какую не желая сворачивать на лесную тропинку, которой – Денис знал уже – выходило бы куда быстрее. Ехать же по дороге – через разрушенное войною селение – семь верст киселя хлебать.

Дернувшись, Мари тряхнула жиденькой гривой и как-то тревожно заржала. Верно, что-то ее напугало... какой-нибудь зверь... Денис присмотрелся, на всякий случай вытащив пистолеты из седельных кобур. Карабин ему, как адъютанту, был не положен.

Показалось, будто за голым кустом дернулась черная еловая лапа! Ветер? Может быть... А, может – и французские разведчики – фланкеры! Видать, давно приметили гусара и сейчас выжидают удобный момент – напасть. Еще б не заметить! Парадная форма офицеров лейб-гвардии гусарского полка была особенно богатой и красивой: красный доломан, расшитый золотыми шнурами и пуговицами, красный ментик, синие чакчиры, украшенные золотыми галунами, шнурами, кистями. Все это великолепие зимой скрывала шинель, да и вообще, в целях сбережения этого мундира «во вседневном употреблении» и вне строя гусарским офицерам предписывалось носить темно-зеленые вицмундиры одного покроя с пехотными, с воротниками и обшлагами, с красной выпушкой по краю борта и фалд. Носили их с темно-зелеными панталонами. Кроме того, полагалось иметь и темно-зеленые сюртуки – двубортные, с белым подбоем, с красным воротником и круглыми обшлагами. На сюртуке были эполеты. Сюртук положено было надевать с фуражной шапкой синего цвета и красным околышем. Такая вот шапка как раз сейчас была и на Денисе – кивер уж больно неудобен для повседневных дел.

Красный доломан с золотыми кистями и черной опушкой все же проглядывал из-под расстегнутого плаща – французы вполне могли польститься, попытаться захватить в плен... Ну-ну! Посмотрим!

Вот что-то шевельнулось, и Дэн, недолго думая, спустил курки... Два выстрела ахнули разом, подняв из кустов целую тучу ворон. Из-под елки же выпрыгнул вдруг огромный белый волк совершенно невероятных размеров, показавшийся Давыдову ростом с лошадь! Выпрыгнул, оскалил пасть да, злобно сверкнув синими глазищами, тотчас же метнулся прочь. Видать, оказался ученым – не захотел попадать ни под выстрел, ни под лихую гусарскую саблю. А то б, конечно, получил, несмотря на все свои размеры.

– Allons, ma chérie! On y va! Roulons, – Денис по-французски подогнал лошадь.

Напрасные потуги! Мари по-прежнему стояла как вкопанная. То ли так напугалась волка, то ли в лесочке ошивалась целая волчья стая. А вполне может быть! Волки – животные стайные, вернее – семейные, поодиночке ходят редко, особенно сейчас, зимой. Так что, верно, не зря опасалась за свою шкуру лошадка.

– Ну, ма шер, как знаешь. Твоя взяла.

Натянув поводья, молодой человек повернул лошадь и быстрым аллюром пустился вдоль по дороге, оставив позади угрюмый смешанный лес. Небольшой прусский городок, поверженный и сожженный войною, выглядел как разложившийся труп, стыдливо прикрытый серой простыней грязного снега. Словно кость, словно сломанное ребро торчал меж сожженных домов черный обгоревший остов кирпичи с обломанным шпилем. В селении не осталось ни одного целого дома, и чья артиллерия так постаралась – русская ли, французская – сейчас было все равно.

Меж развалинами медленно передвигались согбенные фигуры местных жителей или просто мародеров. Что-то молча искали, и на приветствие Давыдова не отреагировали никак. Лишь парочка женщин повернули головы... Осунувшиеся серые лица, пустые глаза, страшные в своей отрешенности. Похоже, эти люди потеряли всё...

Черт! Ну, надо же...

Впереди, на окраине городка, виднелся заснеженный мостик через небольшой ручей, бурные коричневые воды коего и сейчас пробивались из-под желтоватого льда. Возле мостика, как видно, были устроены флешы – земляные укрепления, так же засыпанные снегом... и полные истерзанных трупов! Смерть настигла этих людей в момент наивысшей отваги – кто-то рвался в бой, кто-то готовился отразить атаку... Развороченные грудные клетки, выбитые челюсти, вытекшие глаза... Похоже, здесь поработала шрапнель. Что ж не похоронили-то? Скорее всего, просто оказалось некогда. То ли пришлось срочно отступать, увозить пушки, то ли, наоборот, пришел внезапный приказ броситься в лихую атаку – кто знает теперь? Судя по синим мундирам – французы... герои... Жаль, что лежали они теперь, жаль... и это нужно было срочно исправить: доложить генералу, послать команду солдат...

Дэн был потрясен увиденным, ошеломлен до такой степени, что не мог собраться с мыслями. Вот она, война! Во всей своей красе. Вот сюда ты рвался, братец Денис! Что, доволен? Смотри-любуйся. Смотри...

Мари вдруг остановилась как вкопанная и, заржав, взвилась на дыбы.

Да и было от чего! Сразу за мостиком, из-за искореженного орудийного лафета метнулась стремительная белая тень того самого волка с синими, налитыми лютой злобой, глазами... На этот раз волк оказался не один – зарычали, показали клыки еще несколько особей, пять или шесть...

Денис выхватил саблю... И услышал позади стук копыт... выстрелы... Кто-то из серых хищников завизжал, словив пулю... Гусар резко обернулся... Серые бурки, папахи, башлыки... латунные позолоченные орлы... Казаки! Свои!

– Ну, здорово, братцы!

– И ты будь здоров, ваш-бродие. Далеко ль путь?

– В Морунген.

– И мы...

Дальше поехали спокойно и быстро. Никакие волки уже не осмеливались попадаться на глаза. Давыдов на ходу перебрасывался словами с казачьим урядником: разъезд оказался из-под Черкасс, знакомые все места – по службе в Белорусском полку. Сразу вспомнились друзья-товарищи: закадычный дружок Алешка Бурцов, корнет Сашка Пшесинский, Лидочка... Ах, Лидочка... в пору ли пришлось тебе присланное с оказией платье?

При мыслях о юной красавице Дэн неожиданно ощутил некую щемящую нежность, да так, что запершило в горле. Откашлявшись, Давыдов спросил урядника про Звенигородку. Местечко сие казак знал и даже как-то там бывал проездом. Даже знал ушлого капитана-исправника, Федора Петровича Ратникова, отставного майора! Знал. И Денису это было приятно.

Следствие по страшным убийствам в Звенигородке капитан-исправник все же довел до конца, освободив невиновных и отдав под суд злодея – купца Никифора Верейского. Последний, правда, вину свою не признал, но хотя прямых доказательств и не было, судья все же упек купчишку на каторгу. Потому как – купец, сословие податное, чего уж с ним миндальничать. А был бы вместо купца помещик? Ох, с такими хиленькими уликами вряд ли бы упекли. Что ж. Зло наказано. Все хорошо, что хорошо кончается. Однако Верейский-то – фрукт!

Между тем урядник вздохнул рассказывал про волков – оказался заядлым охотником. И про хитрость серых, и про ум, и про волчьи семьи, и про то, что главная там – волчица...

– Она, она все задумывает, все решает.

Волчица... Так этот белый волк, верно, все же не волк, а волчица!

Только уж больно огромная – с лошадь. Или – это просто так показалось?

Молодец урядник, хоть немного отвлек от той жуткой картины, что поселила в сердце Дэна самый настоящий страх! И страх этот нужно было преодолевать во что бы то ни стало, любой ценой. Бросаться с самые безрассудные атаки, искать схватки, рваться в бой первым! Все для того, чтобы изжить, навсегда изгнать из себя тот жуткий ужас, что поселился в душе Давыдова после мосточка с истерзанными трупами французских, прусских и русских солдат.

Бросив поводья денщику, Денис Васильевич рысью проскочил по крыльцу, на ходу скидывая плащ... Остановившись перед дверью, перевел дух и, постучав, вошел, щелкнув каблуками...

– Ваше сиятельство, разрешите доложить!

– Докладывайте, штабс-ротмистр, чего уж! Что там еще стряслось?

Князь Петр Иванович Багратион – мосластый, поджарый, носатый – поднялся с лавки, одергивая обычный, с генеральскими эполетами, сюртук. Князь занимал обычный крестьянский дом – каменный, с покрытым желтой соломой полом, добротной самодельной мебелью и деревянной кроватью, на которой нынче лежала знаменитая бурка. Петр Иванович в походных условиях не признавал никакой роскоши, вот буркой и укрывался, да еще шутил, говорил, будто она у него заговоренная.

– Главнокомандующий приказал доложить вашему сиятельству, что неприятель у нас на носу, и нужно немедленно отступить! – поглядывая на озабоченных штабных офицеров, выпалил с порога Денис.

Багратион невозмутимо скривил губы:

– Говорите, неприятель у нас на носу? На чьем же носу, позвольте узнать? Ежели на вашем – так уже близко, а ежели на моем, так еще отобедать успеем!

Штабные грохнули сдержанным смехом, улыбнулся и гусар, не забыв напомнить командующему об убитых.

– Тотчас же пошлем похоронную команду... – князь посмурнел лицом. – Хотя нам приказано отступать... Ладно. Что сможем – сделаем.

Всем было приказано готовиться к отступлению, что не вызвало никаких вопросов и даже простого сожаления. Дэн, как адъютант командующего, уже неплохо разбирался в тех не особенно добрых для русских армий событиях, что разворачивались на прусском театре военных действий. Всю воинскую инициативу полностью контролировал Наполеон, теснил русскую армию, обрывая пути ее снабжения и связи с Россией.

Об одном из таких вот маневров французского императора стало

известно в конце января, когда казаки перехватили курьера, ехавшего с приказом Бонапарта к маршалу Бернадоту, будущему королю Швеции. Используя растянутость наших сил, Наполеон намеревался нанести мощный фланговый удар под Алленштейном. Единственным спасением в такой ситуации был быстрый отход Багратиона и сосредоточение войск невдалеке от деревушки Вольфсдорф. Тем более что поглощенный своими личными денежными делами Беннигсен никак не отреагировал на сообщение перехваченного курьера и оставил без прикрытия весь левый фланг. Промедление грозило смертью!

Вышли ночью. Лесная дорога, плохо замерзшие болота, ручьи, покрытые тонким предательским льдом. И мокрый – по пояс – снег! Лошади вязли, падали без сил люди. Падали и снова поднимались – шли. Впрочем, некоторые уже не вставали. Их не хоронили – некогда – и не тащили с собой – лишний груз. Все предельно цинично. Полковой батюшка лишь крестил умерших да наскоро читал молитву. Что поделать, война есть война.

По следам спешно отступающего Багратионова войска шли волки. Их жуткий голодный вой мог бы внушить ужас кому угодно, только не русским.

– Ужо подберитесь только, серые! – шутили солдаты. – Кишки-то выпустим, ага. А пули не тратить не будем. Как говаривал граф Суворов: пуля – дура, штык – молодец!

Сбиваясь в крупные стаи, волки шли по пятам, злобно рычали, но нападать не осмеливались, довольствовались оставленными трупами и павшими от бескормицы лошадьми. С фуражом в эту кампанию приходилось туго... Зато как на дрожжах росли личные состояния вороватых интендантов и покрывавшего их Беннигсена. Кстати сказать, главнокомандующий русской армией и вовсе не имел российского гражданства, служил лично царю, а не России!

– Ну и волков тут! – молвил про себя пожилой солдат, шагавший невдалеке от Давыдова. – Вот уж точно – Волчья деревня!

Денис усмехнулся: и впрямь, название Вольфсдорф именно так и переводилось. Что же касалось волков...

Денис повернул голову, увидев, как за деревьями жадно блеснули глаза... не желтым огнем – синим, однако не менее лютым! Гусар невольно вздрогнул – неужто снова та самая волчица?

Серым призрачным утром, под вой волков, багратионовцы вышли к

деревне и, переведя дух, разложили костры. Варили солдатскую кашу, шутили – кто мог – и готовились к битве. Ближе к обеду прискакал гонец с добрым известием – другой русский командующий, Михаил Богданович Барклай-де-Толли, или просто – Барклай, наплевав на Беннигсена, хладнокровно прикрыл отступление. Барклай плохо знал русский язык... но душой оказался русским.

Под Вольфсдорфом боевой авангард Багратиона фактически превратился в арьергард, прикрывающий отступление основной части войска. Именно туда, на линию соприкосновения с неприятелем, как тогда говорили – в передовую цепь, и отпросился Давыдов. Якобы для наблюдения... однако на самом же деле гусаром владела совершенно иная идея. Он все никак не мог простить себе того ужаса, что испытал под Морунгеном, у мостика, все пытался изжить его в себе, изгнать безвозвратно, испытать, наконец, себя в открытом бою – посмотреть, на что способен.

Дэн хорошо понимал все эти чувства, не понимал лишь – кто он сам такой? Чего больше в бравом гусаре – Дениса Васильевича Давыдова или Дэна? По здравому размышлению, ответ вышел однозначным: Денис Давыдов – это и есть Дэн. Молодой человек прекрасно помнил свою прежнюю жизнь – учебу в академии, детство – и хотел (очень хотел!) поскорее вернуться обратно, да вот не получалось пока. Спиритических сеансов в те времена еще не практиковали, все начнется позже, во второй половине века, пока же за подобные вещи, верно, можно было бы и оказаться на костре! Какое, к черту, новое время – феодализм в чистом виде. Впрочем, Дэн не отчаивался, знал, что все же что-нибудь да придумает... Да и некогда было отчаиваться-то! Все знания и умения гусарского поэта жили и в душе Дэна, разве что детские воспоминания казались какими-то тусклыми: плохо помнились родители, брат, учеба...

Получив разрешение командующего, бравый гусар вскочил на свою Мари и без промедления поскакал вперед, на звуки редкой артиллерийской пальбы, что слышалась не так и далеко, за лесом. Вскоре Денис увидел передовые отряды наших казачков. Растянувшись реденькой цепью, те перестреливались с неприятельскими авангардом – фланкерами. Стрельба велась с явной ленцой, причем – и с той, и с другой стороны.

Подскакав ближе, Давыдов заметил во французских рядах высокого офицера в синем мундире и лохматой медвежьей шапке, предложив казакам тотчас же отбить его, захватить в плен. К удивлению гусара, казаки

отреагировали на его предложение довольно вяло, похоже, их такое неопределенное положение вполне устраивало:

– Да пес с ним, с ханцузом. Пущай себе едет. Мы их не шибко тревожим, они – нас.

Куда уж откровеннее! Только такая вот откровенность сильно претила Давыдову. Не говоря больше ни слова, он выхватил пистолет и поскакал прямо на француза, пальнул прямо на скуку. Промазал, и француз тоже ответил выстрелом, а его сотоварищи ахнули недружным карабинным залпом.

Над ухом Дэна просвистели пули... что показалось молодому человеку вовсе не страшным, а, скорее, веселым. Выхватив саблю, Давыдов принялся размахивать ею и, что называется – выпендриваться, осыпая неприятеля отборной руганью. Французы также ругались в ответ, однако же лезть на рожон не спешили. Впрочем, весь этот скандал был неожиданно прекращен подъехавшим пожилым урядником.

– Сражение, вашбродь, – святое дело. Ругаться там – будто в церкви. Бог-то все видит. Убьют! Ну, ей-богу, убьют. Ехал бы ты, вашбродь, восвояси.

Неожиданно устыдившись, Дэн повернул коня и вскоре был у Багратиона, который сей же момент послал его с приказом к егерям – чтоб выдвигались к соседней деревне. Выполнив приказ, Давыдов, однако же, усомнился в нем, спросив себя: а стоит ли оставлять Вольфсдорф без организации там обороны? Ведь те же егеря даже не пытались стрелять по французам, даже из лесу еще не вышли. А что, если попытаться лихим наскоком опрокинуть вражеский авангард? Действовать по-суворовски: ошеломить противника, считай – победить. А там, глядишь, подтянутся и основные силы, и вот она – победа!

– Алле, Мари, алле! Он и ва!

Дав лошади шпоры, Давыдов вновь оказался на передовых позициях, узрев того самого пожилого урядника, что так стыдил его за недавнюю ругань. Ему и предложил, ничтоже сумняшеся:

– А что, братец, ежели прямо сейчас ударить?

На это раз урядник оказался куда сговорчивее и, к большому удивлению Дэна, охотно поддержал предложенную авантюру... Тем более что никакой авантюрой она сейчас не выглядела: позади уже была видна наша пехота, было кому поддержать.

Давыдов обрадовался:

– Так ты уговори казачков... А я к гусарам да к уланам съезжу!

Уговорились все! Не прошло и пяти минут, как русские всадники, во главе с Денисом, взяв коней в шенкеля, неудержимой лавиной обрушились на французов:

– Ур-ра-а-а-а-а!!!!

Чувствуя волнение и какую-то ничем не объяснимую радость, Дэн поначалу не соображал ничего. В кого-то пальнул из пистолета... Выхватив саблю, разрубил чью-то мохнатую шапку, скрестил клинки с французским уланом, помчался дальше, неистовый, как древний бог войны... Какой там страх! Душа пела и рвалась убивать.

– Руби-и-и! Коли-и-и! Стреляй! Ура, братцы, ура-а-а-а!

Вражеский авангард почти мгновенно оказался порубанным, остальные фланкеры тотчас же кинулись прочь. Увлекая за собой всех, Давыдов бросился в погоню... Словно молодое вино, заиграла, прилила к вискам кровь!

– Стой, вашбродь! Стой! – истошно закричал урядник.

Денис обернулся, увидев, как из-за леса прямо на них летела целая лавина угрюмых всадников с развевающимися конскими хвостами на шлемах.

– Драгуны! Сколько ж их много, господи-и-и...

Драгуны мчались молча, без всяких криков, сплошной угрожающей лавой. Вот уже сверкнули палаши, почему-то показавшиеся Давыдову неестественно длинными и прямыми...

Русская легкая конница бросилась врассыпную, понимая, что только так и можно сейчас уцелеть, слишком уж неравны силы. Спаслись не все, кое-кого драгуны все ж таки достали, перемолов от души, как мясорубка перемалывает на котлеты нежное куриное мясо...

Денис тоже спасался – что он, дурнее всех? Броситься одному против целого батальона или роты, уж никак не меньше – это не храбрость, это дурость. Дурость и самоубийство, хоть и по принципу – на миру и смерть красна. Впрочем, никакого такого мира не было. Вообще никакого не было вокруг! Свернув в лес, Давыдов заметил это не сразу, а, когда заметил, тут же придержал коня, удивляясь наступившей вдруг тишине, казавшейся какой-то неестественной, мертвой. Все вокруг застыло, словно бы в ужасе, ни одна ворона не каркала, ни одна...

Лошадь вдруг захрипела, затрясла гривой и встала, повернув голову и жалобно косясь на хозяина. Что-то впереди, что-то неведомое, напугало ее так, что бедная кобылка принялась нервно перебирать копытами по снегу.

– Ну, ну, тихо, ма шер, – Денис тихонько похлопал лошадку по шее... и замер!

Прямо на него, из зарослей папоротника и облетевшей ольхи, смотрели лютые синие глаза! Глаза огромного белого волка... или волчицы.

– Чур меня, чур! – мгновенно вспомнив легенды об оборотнях, гусар наскоро перекрестился и выхватил саблю – перезарядить хотя бы один пистолет он просто бы не успел. Зверь – или кто он там был – зарычал, осклабился... и вдруг, задрав морду кверху, завыл! Завыл жутко, до дрожи, до пробегающих по коже мурашек... словно бы звал кого-то... И в самом деле – звал. На зов немедленно явились волки – один, второй, третий... десятый... Ну, одного-двух можно и зарубить саблей... Остальные же набросятся разом, сомнут, вопьются в горло коню... и всаднику. Останутся лишь рожки да ножки, никакая сабля не поможет, никакая храбрость!

– Ну, Мари, девочка, выручай...

Быстро повернув лошадь, Давыдов галопом помчал прочь, чувствуя, как кинулись позади волки. Они не выли, нет, и даже не рычали, лишь клацали зубами – и от этого становилось еще страшней. Впрочем, гусар не поддавался панике. Доверившись лошади, гусар то и дело поглядывал назад, в любой момент готовый пустить в ход саблю...

Не понадобилось. Едва только всадник выскочил на опушку, как тотчас же раздались выстрелы. Упал, орошая снег кровью, один волк, заскулил, завертелся второй, за ним – третий...

Драгуны! Хрен редьки не слаще... Хотя нет, не драгуны: ни конских хвостов, ни шлемов. Обычные кивера, темно-зеленые мундиры, короткие сабли... Конные егеря! И не так-то их много – всего-то полдюжины... вполне хватит, чтобы справиться с одним русским гусаром. Вполне...

От неожиданности замешкались и егеря, и Давыдов. Да еще волки... правда, последние как-то быстро ретировались, да и штабс-ротмистр быстро пришел в себя и, дав шпоры Мари, вихрем помчался прочь. Все равно куда, лишь бы не попасть в плен, лишь бы подальше...

Вслед раздались выстрелы. Пули просвистели над самой головой Дениса и, похоже, ранили лошадь. Мари как-то дернулась и тяжело задышала. Это было плохо, очень плохо – вражеские егеря уже мчались следом, обхватывая добычу в клещи. Легкая добыча, да – одна лишь сабля. Против шести. Да еще Мари скакала из последних сил...

– Ну, голубушка, ну! Пожалуйста... Силь тью пле... силь тью пле...

А враг настигал, становился все ближе, и вот уже здоровущий егерь ухватил Давыдова за шинель, небрежно наброшенную на плечи. Не было такой моды у гусар застегивать на все пуговицы – не будет видно доломана,

всей разухабистой гусарской красы! Это и спасло Дениса – в руках егеря осталась лишь она шинель, Давыдов же лишь прибавил ходу... Насколько уж мог, вернее, насколько могла Мари...

А смогла она, увы, немного – забежала в какое-то болотце да рухнула, испустив дух. Отплевываясь от холодной тины, Дэн поднялся на ноги и, грозно сверкая глазами, взмахнул саблей – а ну, подходи, кому жизнь не мила!

Тот самый здоровущий егерь, что едва не вырвал Дениса из седла, зловеще вскинул к небу палаш... и вдруг повернул в сторону, заворачивая лошадь обратно. Тут же откуда-то сзади послышалась стрельба, рванул на весь лес знакомый казачий посвист.

– Казаки, братушки! – еще не веря, обрадованно закричал Денис. – Свои...

И впрямь оказались свои. Все тот же урядник.

– Ох ты, вашбродь! И как же тебя угораздило-то?

* * *

– Так это ты там геройствовал? Ты столько шуму наделал? – Петр Иванович Багратион покачал головой и ухмыльнулся. Постоял, поглаживая подбородок и поглядывая на опустившего голову Дениса. Впрочем, хмурое и строгое лицо генерала почти сразу же озарилось вдруг совершенно детской улыбкой.

– А ты, Денис Васильевич, хват! – князь похлопал гусара по плечу. – Хват, ей-богу, хват! И как тебе только в голову это пришло? Атака твоя дурная прилась нам как нельзя кстати! Французы-то чуть было не перебили наших егерей, окружили уже... Тут и началась твоя пальба! Я и сам удивился, тем паче – французы. Они-то, верно, решили, будто я весь свой авангард в бой бросил, да, спешно егерей оставив, перебросили силы. А егеря все из окружения вышли, ни одного человечка не потеряли. Благодаря тебе, Денис! Так что вскоре будешь представлен к награде – жди, заслужил. Пока же... Вот тебе от меня...

С этими словами генерал снял висевшую на стене походную свою бурку, пропахшую порохом и дымом костров. Ухмыльнулся, протянул Денису:

– Носи, гусар! Ты ее, брат, достоин. И помни, бурка-то моя – заговоренная.

Между тем обстановка на фронте оставалась сложной. Снабженцы, пользуясь покровительством главнокомандующего, воровали, бессовестно наживаясь на истекающей кровью русской армии, да и были-то интенданты в большинстве своем немцы. Наполеон же, начиная с конца января тысяча восемьсот седьмого года, направил все свои усилия, чтобы, перерезав снабжение русских войск, оттеснить их к Кенигсбергу, прижав к заливу. Беннигсен, отдавая тупые и непонятные большинству ратников приказы, казалось, сам шел в расставленную для него ловушку. В армии начался ропот, и главнокомандующий неожиданно для всех вдруг решил дать генеральное сражение при Прейсиш-Эйлау, небольшом прусском городке, основанном еще рыцарями Тевтонского ордена и с тех пор обросшем разного рода легендами и совершенно невероятными побасенками.

* * *

Невдалеке от захваченного французами города горели разложенные в редколесье костры, возле которых, пользуясь короткой передышкой, собрались русские воины во главе с самим князем Багратионом, вовсе не брезгующим солдатским бытом. Солдатики – егеря – варили пшеничную кашу, угостили и генерала, и адъютантов его – Офросимова, Грабовского и, конечно, Давыдова, слава о недавнем подвиге коего уже достигла многих ушей.

Оранжевые сполохи костра отражались на мрачном лице князя, на эфесах саблей и штыках, на золоченых эполетах адъютантов – единственном украшении походных шинелей и плащей. Невдалеке, у реки, слышна была артиллерийская канонада. Гул орудий то затихал, то снова возобновлялся, волнами прокатываясь над лесом и отзываясь гулким звоном в ушах.

После вынужденного оставления Прейсиш-Эйлау Денис, как и все, не спал уже третьи сутки, но сейчас все же не решился прикорнуть, как поступили многие. В любой момент трубы могли сыграть наступление, да и сам генерал не спал. Просто сидел на поваленном стволе ели, ел кашу да вполуха слушал рассказы маркитанта – смешного косматого старика из местных немцев, чем-то похожего на добродушного лешего. Старик знал русский, плоховато, но знал. Как и многие маркитанты, тащившиеся за войском со своим поредевшим обозом. Нехитрый товар, водка, доступные двадцатилетние женщины с морщинистыми лицами старух.

– И вот, когда у этой крестьянки – звали ее Анна – умер свекор, она

вдруг заподозрила, что он может вернуться и забрать ее с собой, – поглаживая торчащие из-под шапки космы, негромко рассказывал старик. Все подремывали, и ему почти никто не внимал, даже Денис – и тот уже клевал носом, генерал же был погружен в свои собственные мысли.

– С чего уж она так решила – не ясно, но, видать, были к тому какие-то основания. Говорят, ее свекор при жизни якшался с волками...

Вот тут Давыдов насторожился!

– ...к слову сказать, не с обычными волками, а с оборотнями, – откашлявшись, продолжал маркигант. – Анна и подбила мужа раскопать могилу да отрезать мертвецу голову. Надо вам знать, господа мои, в отрезанной голове еще была «гниющая кровь». Вот ее-то женщина и подмешала в питье мужу да сыну, а также «одолжила» двум-трем соседкам, которые прониклись ее опасениями. Все они умерли в страшных муках.

– А волки? – переспросил Денис. – Ты, кажется, про волков говорил. Ну, про этих... оборотней...

– А, про оборотней! – рассказчик оживился, светлые, глубоко посаженные глаза его заблестели. – С давних времен каждое новолуние в полночь на дороге, ведущей от замка Кройцбург, показывается процессия из четырех повозок, запряженных четверками лошадей. В первых двух – двенадцать монахинь – в орденском платье с крестами и четками в руках, но без голов. Кучерами у них – белые ягнята. Следом две повозки с двенадцатью безголовыми рыцарями. Вместо кучеров – черные отвратительные козлы.

– Козлы! – устало усмехнулся гусар. – А я тебя про волков спрашивал.

Старик покивал:

– Будет и про волков. Так вот... Вся эта процессия въезжала в город, потом – на площадь, трижды объезжала ее по кругу и исчезала в воротах ратуши. Из ратуши-то потом доносились взрывы грубого хохота, разухабистая музыка и визгливое женское пение. Потом монахини и рыцари вновь выезжали на площадь, но в этот раз в обратном порядке. На огромных, закованных в латы плечах рыцарей покоились женские головы, а на монахинях были шлемы с закрытыми забралами. Трижды объехав площадь, они удалялись по Замковой дороге. И происходит это из века в век...

– И где ж тут волки? – удивленно переспросил Давыдов.

– Волки? – маркигант удивленно дернулся. – Какие волки? Ах, волки... Были волки! В последние десять лет в этой вот процессии с безголовыми рыцарями и появлялись! Вместо лошадей.

– Что же, так вот кареты и тащили?

– Так и тащили, – уверил старик. – Огромные волки были. Свирепые. И во главе их – белая волчица.

– С синими глазами?! – снова вздрогнул Денис.

– Да. Именно так. С синими. И откуда те волки взялись – всяк по-разному говорит...

Дальше маркитант рассказать не успел – прискакал адъютант главнокомандующего, что-то доложил Багратиону, и князь приказал трубить поход. Смертельно усталые люди встряхнулись, прогоняя остатки дремы, построились и вновь зашагали по колено в снегу, пока не вышли из леса на берег неширокой реки. Там в сопровождении свиты уже ждал Беннигсен.

Кривя тонкие злые губы, командующий едва ли не упрекнул Багратиона в трусости, приказав вновь взять только что оставленный город. Приказал и тут же уехал – были еще заботы, не только Багратион.

Петр Иванович, с землисто-серым от незаслуженной обиды лицом, спешил и, встав во главе колонны гренадер и егерей, выхватил из ножен шпагу.

– В штыки, братцы, – глухо сказал князь. – В штыки...

Адъютанты, в том числе и Денис, тоже оставили лошадей, двигаясь пешим порядком вместе со своим прославленным генералом. Колонна шла молча и грозно, без выстрелов, без криков «ура» и задорной барабанной дроби. Тяжелой поступью русские воины месили грязный прусский снег. Впереди в зыбкой туманной дымке корявился изломами улиц город, Прейсиш-Эйлау, где были еще утром, и вот опять...

Их заметили. С прикрывающих город редуты французы открыли ураганный огонь. Пули, шрапнель, разрывающиеся в воздухе ядра – все слилось в одну сумасшедшую пляску смерти. В других концах города, на флангах, тоже слышалась канонада – то палили и французские, и русские пушки... а вот где-то в отдалении закричали «ура»...

Егеря и гренадеры Багратиона все так же шли молча. Впереди – главнокомандующий с адъютантами... Пока Бог миловал – шли. Странно, но Дэн совсем не чувствовал страха, как не было и задорного куража. Просто все шагали молча, шли на смерть, выполняя свою воинскую работу – ремесло смерти. Шли. И это было главное.

Приказав не стрелять, князь не тратил времени на перезаряжание ружей, и это многих спасло. Время! Казалось, оно тянулось медленно-медленно, разрываемое на куски французскими пулями и шрапнелью. Уже многие полегли... но если бы задержались – полегло бы еще больше. А так

– шли, мерно печатая шаг и посматривая на врага с непоколебимой хмурой уверенностью – уверенностью в скорой победе!

Вокруг творилось нечто! Сам ад спустился на землю, точнее сказать – поднялся из разверзшихся вдруг глубин. Запах неотвратимой смерти витал над солдатами обеих сторон, делая их безразличными к боли. Рев пролетающих ядер, мерзкий визг шрапнели, залпы французских плутонов – все это не имело никакого влияния на гренадеров и егерей. Грозная русская сила шагала, стиснув зубы и неумолимо приближаясь к неприятелю, страшная в своем молчании и угрюмом мерцании глаз.

Враг уже был совсем рядом – вот!

– В атаку! – оглянувшись, взмахнул шпагою генерал.

Он больше ничего не сказал, да и не нужно было: воины ударили в штыки с такой неистовой и неудержимой силой, что враг не выдержал, дрогнул... побежал...

Денис не помнил, как махал саблей, кого ранил, кого убил... да не важно было – кого. Окровавленный клинок гусара словно бы действовал сам – рубил, колол, отбивался...

Не было криков. Лишь стоны, вываливавшиеся из проткнутых животов сизые дымящиеся внутренности, осколки костей, белесые останки мозгов и кровь, кровь, кровь...

Не осталось уже никаких желаний, кроме одного – колоть, рубить, убивать! Кто все эти люди – французы? Вот тот совсем юный парнишка в синем мундире... убеленный сединами ветеран... гренадер в медвежьей шапке... все они не люди, вовсе нет. Просто тени. Куклы-марионетки, которых нужно убивать. Да и не убийства это – работа. Кровавая работа войны.

Штыковая атака Багратиона, решительная и неистовая, сделала свое дело, одним махом вышибив французов из недавно захваченного ими города. Было множество убитых, как узнал позднее Давыдов – около двадцати пяти тысяч с обеих сторон. По тем временам это много.

Жуткая эта резня, однако же, не принесла существенного успеха ни французам, ни русским. Словно и не было никакой битвы, Беннигсен отвел войска к Кенигсбергу, Наполеон же – к реке Пассарге. Установилось временное затишье, кое всякий использовал по-своему.

Как-то в один из таких февральских или уже мартовских дней Давыдов, отпросившись у генерала, отправился в Кенигсберг по своим личным делам – хотелось бы прикупить чернил, раздобыть хорошей бумаги, перьев... да и так – хоть немного развеяться, отойти душой.

Арьергард Багратиона размещался в небольшом замке Ландсберг. Прежде чем выехать, Денис облачился в свежевычищенный верным слугою Андриюшкою лейб-гвардии гусарский мундир. Красный доломан и ментик, золоченые шелковые шнуры и пуговицы, кивер со сверкающим орлом, черная богатая опушка, синие рейтузы-чакчиры – Давыдов выглядел орлом... Только вот чуть ближе к макушке появилась вдруг седая прядь – память о Прейсиш-Эйлау.

Быстро покончив с делами, Денис счел необходимым навестить коменданта города, генерала Чаплица, одного из своих давних знакомых, коего, ничтоже сумняшеся, намеревался словно бы невзначай расспросить о местных спиритах... вдруг да таковые имеются? Не понравилась Дэну война, очень не понравилась! Жутко захотелось вернуться обратно, к конспектам и лекциям, к экзаменам и зачетам, даже, наконец, к знакомым девчонкам – почему бы и нет? Правда, о чем с ними теперь говорить? Те – двадцатилетние дети, и он – седой двадцатидвухлетний ветеран с очерстневшей душой кондотьера смерти.

К слову сказать, Дэн давно уже чувствовал себя самым собою, от гусара Давыдова уже мало что осталось – лишь навыки, умения, связи... Так тем более! Уйти, наконец-то вырваться, освободить чужое тело. Пусть бравый гусар воюет, обольщает женщин, сочиняет свои пуншевые песни и прочие стихи... Он же, Дэн, закончит наконец-то академию да пойдет себе работать в какое-нибудь РУВД – опером. Или в следственный комитет – тоже можно. Тем более теперь опыт есть... здешний, правда, корявый – отыскать звенигородского убийцу, наверное, как-то поизящнее было можно. Да и с доказательной базой поработать бы...

– Ба, Денис Васильевич, какие лица! Прошу, прошу... Наслышан о вашем геройстве...

После доклада слуги Чаплиц – сухопарый господин в зеленом полковничьем мундире – лично вышел в приемную, проведя гостя в свой кабинет. Предложил и вина, и чаю. Давыдов не отказался, памятуя свой интерес, и, улучив момент, спросил полковника о спиритах.

– Кто-кто? – комендант с удивлением вскинул брови. – Духов вызывают? Нет, про таких ничего не слышал. Хотя рассказней всяких тут ходит много, один другого дурней. О голове покойника слышали?

– Да уж слышал, – улыбнулся бравый гусар.

– Господи! – Чаплиц вдруг хлопнул себя по лбу. – Ну, ведь совсем забыл. О вас ведь спрашивали! Один пленный француз, поручик... говорит, что знаком с вашим братом.

– Француз? Поручик? – тут же озаботился гость. – Случаем не Серюга его фамилия?

– Возможно, и так... Да вы узнайте, он сейчас в каком-то из домов на Фридрихштрассе, раненый. Там спросите.

– Благодарю, – встав со стула, Давыдов церемонно кивнул и тут же откланялся – надо было обязательно навестить Серюга. Глянуть, тот ли это поручик, что пару лет назад спас его брата Евдокима?

Поручик оказался тот. Правда, особой радости встреча Денису не доставила: пленный француз умирал от ран. Дэн отыскал его в одном богатом доме, где бедолаге был предоставлен весь необходимый уход... хотя что уже могло утешить умирающего? Судя по нестерпимо бледному лицу и потухшему взору, поручику уже ничто не могло помочь, и он это знал. Тем не менее Давыдов представился ему, выразив свою самую сердечную благодарность за участие в судьбе брата.

Глаза умирающего на мгновение зажглись, и он, собравшись с силами, попросил штабс-ротмистра разыскать напоследок кого-нибудь из его пленных однополчан – конных гренадеров, что Денис Васильевич и сделал, и вместе с этими же гренадерами проводил благородного месье Серюга в последний путь.

Поручика похоронили на кенигсбергском кладбище, пленный католический капеллан прочел молитву...

– Благодарю вас, господин Давыдов, – уходя, негромко промолвил священник. – Знаете, если б не эта война...

– Знаю, – угрюмо кивнул гусар.

Отдав честь, гренадеры простились с Денисом и отбыли к месту своего проживания в плену. Капеллан же возвращался не торопясь, и погруженный в свои невеселые мысли Дэн медленно шагал с ним рядом. Шли молча, не разговаривали – да и о чем?

Серое низкое небо исходило мелким морозящим дождем, и темный, смешанный с грязью снег противно чавкал под ногами. Дойдя до кладбищенской ограды, Давыдов уже собирался откланяться... как вдруг услышал омерзительный волчий вой, раздавшийся откуда-то из-за кирхи.

– Совсем обнаглели уже эти волки, – повернув голову, вполголоса посетовал капеллан. – Что поделать – война. Кстати, среди местных жителей довольно распространены легенды об оборотнях. Говорят, оборотни чуют своих... О, мон дье!

Священник вдруг осекся, указав пальцем на голые кусты ивы, из-за которых вдруг выскочило белое чудище – невероятных размеров волк...

или волчица! Прежде чем убежать, чудовище повернуло голову и, сверкнув синим взором, пристально посмотрело на гусара. Глянуло и вмиг исчезло, словно бы растворилось без всяких следов. Хотя следы-то имелись... Денис со священником не поленились, осмотрели кусты, как и следовало ожидать, обнаружив следы огромного волка, цепочкой тянувшиеся за церковь и дальше – к дороге. У дороги и обрывались.

– Странно, – осеняя себя крестным знамением, негромко произнес француз. – Такое впечатление, что этого волка здесь дожидался экипаж! Может, и вправду – оборотень?

Денис усмехнулся, кутаясь в подаренную Багратионом бурку. После сражения у Прейсиш-Эйлау никакие оборотни были ему не страшны. Лес! Кровь! Канонада. Штыковая атака, тысячи смертей... А тут какой-то волк! Тьфу.

Давыдов заночевал на постоялом дворе. За всеми хлопотами время пролетело незаметно, а пускаться в обратный путь на ночь глядя что-то не очень хотелось. Как-то за последнее время устал Денис, выгорел, и физически, и морально. Тем более как-то не получилось расслабиться, не до того было. Может, хоть сейчас получится? А ведь похоже, да...

К угловому столу, за которым скучал Дэн в ожидании заказанного пунша, неожиданно подседа одна молодая особа – худая светлорусая девушка лет двадцати, судя по простой одежде – маркитантка. О нравах подобных особ хорошо знали все, но Денис подавил в себе брезгливость: уж больно жалко выглядела девчонка, уж больно голодными глазами смотрела на принесенную яичницу с беконом.

– Еще одну порцию, милейший, – тут же попросил обслугу Денис. – И пива. Ты пьешь пиво-то?

Гусар скосил глаза на незнакомку, и та что-то залепетала по-немецки. Этого языка Давыдов не знал, а маркитантка, похоже, не владела ни французским, ни русским. Впрочем, по-русски она, как тут же выяснилось, все-таки говорила, правда, с ужасным акцентом.

– Как твое имя? Коман тапель тю? – подвинув незнакомке яичницу, поинтересовался гусар. – Зовут как, спрашиваю? Впрочем, ты ешь, ешь...

Бедолага набросилась на еду с такой жадностью, что Дэну на миг стало страшно – это ж надо так себя довести! Так и лошадь можно съесть павшую...

– Я – Эльза. – Наконец-то девчонка немного насытилась. – Я... я... отблагодарить... Только герр гусар платить за комнату. Здесь есть...

Давыдов мыкнул:

– Ну вот еще...

– Не бросайте меня, господин, – девушка неожиданно вцепилась руками в доломан. – Пожалуйста, не бросайте. Я... я боюсь идти... они... они следят за мной...

– Кто следит? Французы?

Опустив большие серо-зеленые глаза, юная маркитантка потупилась:

– Вы будете смеяться, герр гусар...

– Ну, так кто следит-то?

– Волки, господин. Оборотни!

Давыдов не знал, смеяться или покрутить пальцем у виска да прогнать странную девку подальше. Что и говорить, на постоянных дворах всякого народу хватало – война. Хотя обывателей никто специально не рубил и не расстреливал, тем не менее грабили-то их все. И пользовались. Особенно такими вот зеленоглазыми девушками.

– Оборотни, говоришь... Ты что дрожишь-то?

– Боюсь, – девчонка сверкнула глазами.

– Боится она, – погладив саблю, посетовал Дэн. – Может, поподробней расскажешь?

– Не здесь, – маркитантка затравленно огляделась, словно оборотни были здесь кругом: сидели за столами, пили вино и пиво, о чем-то разговаривали, ругались.

– И кто же здесь волкодлак? – гусар успокаивающе погладил Эльзу по руке. – Эти вон солдатушки, пехота? Или, может, вон те драгуны? О! Эти уж точно! Судя по их шлемам, только что лошадь задрали... и не одну.

– Ой, господин... вам все шутки...

– Или этот вот солидный господин, бюргер в желтой жилетке? – продолжал издеваться Денис. – Или те егеря? А вон, вон, смотри – вахмистр... нет, скорей, судя по мундиру – из тыловых... ишь какое сукно-то, а! Не иначе как каптенармус!

Каптенармус – или кто он там был – и впрямь иногда посматривал на девчонку... так можно было понять, не он один пялился. Наверное, чего-то хотел... хм... Ишь, усищи-то распустил!

Встретившись с гусаром взглядом, усач поспешно привстал и поклонился, дернув шеей... примерно как штабс-капитан Овечкин в фильме «Неуловимые мстители». Конечно, не так уж ярко выражено, но...

– Нет, господин, – маркитантка покусала губу. – Скорей, это будет женщина, волчица... Молодая, очень красивая... с синими сияющими глазами!

Не прошло и пяти минут, как новые знакомые уединились в небольшой гостевой комнате, в ряду прочих располагавшейся на втором этаже. В комнату провел сам хозяин заведения, добродушного вида толстяк в чесучовом сюртуке и модных панталонах со штрипками.

– Пожалуйста, сюда, герр гусар! Располагайтесь... что подать к шампанскому? Есть краковская колбаса, гороховый суп, желе из рыбьих голов, запеканка?

– Пожалуй, краковской... – Денис глянул на притихшую девчонку. – И еще суп. Да, и пуншику бы очень неплохо.

Принесли, подали все, и очень быстро. Хватанув пунша, девчонка опять начала есть – и суп, и краковскую, и пироги... ела быстро, но аккуратно, пока не отвалилась к спинке гнутого стула, блаженно прикрыв глаза.

– Наелась, милая? – тихо осведомился гусар. – И что ты мне скажешь про оборотней?

– Они здесь... – резко открыв глаза, Эльза понизила голос до шепота, словно кто-то ее мог здесь послушать. – Они идут за мной.

– Оборотни?

– Оборотни... Просто я знаю, как выглядят многие... когда они люди... – девушка чуть помолчала и, зябко передернув плечами, продолжила еще тише: – И они знают, что я знаю.

По мысли Дэна, все это был совершеннейший бред, все эти дурацкие оборотни-волкодлаки не шли ни в какое сравнение с теми жуткими чувствами, которые молодой человек испытал в недавней битве. Денис даже как-то состарился, и чувства эти – отрешенность, фатализм и даже желание убивать – поселились в его душе всерьез и надолго. Избавиться бы от них поскорей, снова почувствовать, что тебе, черт побери, двадцать два, а не сорок восемь! Вот о чем думал сейчас гусар, а не о каких-то там глупых предрассудках. Ну, подумаешь, крупный волк... с синими глазами. Альбинос, наверное. Бывает.

– Ты, кушай, кушай... Слушай, а твой русский ничего себе, понять можно, – Давыдов одобрительно покивал. – Откуда знаешь?

– Я жила в Петербурге, – призналась девушка. – Полгода, нет, чуть побольше. Месяцев семь.

– И что делала?

– Не спрашивайте, господин. Отвечу просто – всё.

Эльза взглянула на Дениса с вызовом, явно промелькнувшем в ее серо-зеленых глазах. Симпатичная девчонка, неожиданно подумал Дэн. Нет, в самом деле, симпатичная...

Она чем-то напоминала Лидочку – только чуть более худая, да волосы чуть потемнее, да глаза не те, и лицо, конечно же, совсем другое, миленькое, но... не такое красивое? Нет, пожалуй, так сказать нельзя, ведь каждая женщина красива по-своему, своей особенной, только ей одной присущей красотой. Вот и эта... Если снять вульгарное, с жуткими рюшами, платье... то есть не снять, а заменить на что-нибудь куда более приличное, к примеру, на то – или ему подобное – платье, какое Давыдов не так давно подарил Лидочке. Увы, не самолично... Так вот, если это платье...

Эльза между тем согрелась, сбросив, наконец, пальто... или как там называлась ее ветхая верхняя одежонка. В углу комнаты проходила труба от топившейся внизу печки, было довольно тепло и сухо. Всю обстановку комнатки составляли круглый стол, застланный желтоватой скатертью, пара гнутых стульев, скорее всего, местной, а вовсе не венской работы, небольшой диванчик в углу и широкая кровать под сиреневым балдахинном с красными шелковыми кистями, смотревшимися, к слову сказать, довольно-таки пошло.

Бурку – подарок Багратиона – Денис снял еще внизу, в зале, а сейчас сбросил и ментик, и даже расстегнул доломан... правда, тут же запахнул его обратно, стесняясь несвежей сорочки.

– Ваша рубашка, – неожиданно улыбнулась Эльза. – Я могу постирать...

Гусар тут же отмахнулся:

– Нет, нет, что ты!

– И все ж таки, – не отставала девушка. – Можно попросить у кабатчика бадью горячей воды...

– Нет, нет, – Давыдов резко отмахнулся. – Не стоит беспокойства, красавица. Ты лучше ешь.

– Да я ем... Благодарю вас.

Она ела. Быстро, но аккуратно. Умело пользовалась и салфетками, и всякими вилками-ложками... Да-да – очень умело, Давыдов бы вряд ли так смог. Кроме того, как эта девчонка сидела! Спина – прямая как штык! И локти не на столе... Не-ет, не такая уж она простушка, какой почему-то хочет казаться. Девушка из общества! Дворянское воспитание выдает с головой.

Дэн вовсе не испытывал склонности к подобным загадкам, а потому, дождавшись, когда девушка насытится, спросил прямо:

– Vous ne parlez pas français, mademoiselle?

– Non, monsieur, – машинально проговорила девчонка.

– Ну-ну...

Гусар хмыкнул в усы и перешел на «вы»:

– Сказать честно, на простушку вы не похожи. Да и русский коверкаете зря – вы знаете его лучше, чем показываете. Почему? Кто вы, мадемуазель? Французская шпионка?

Эльза вскочила со стула:

– Нет! Поверьте мне, нет!

– И у вас даже не было гувернера француза? – не отставал Денис. – Не поверю ни в жизнь!

– My tutor was an Englishman... I speak English! – девушка перекрестилась. – Я не лазутчица, вот вам крест... Просто... я ищу смелого и благородного человека, который смог бы помочь мне в одном важном деле. Вы кажетесь мне именно таким, герр Денис.

Искоса поглядывая на Эльзу, гусар прошелся по комнате и задумчиво покрутил усы.

– Поверьте, это не нанесет никакого урона вашей чести, – сверкнув глазами, истово заверила девушка. – Всего-то и нужно кое-что кое-куда перевезти... и сохранить все в тайне.

– Вы говорите загадками, мадемуазель, – Давыдов вновь уселся на стул и вытянул ноги. – Прежде чем согласиться, я бы хотел узнать: кто вы? Только не рассказывайте мне про маркитантов... Вы не похожи на простолюдинку. Никак!

– Вы правы, герр Денис, – нервно покусав губу, красавица гордо вскинула голову. – Я – графиня Эльза фон Арнау! Батюшка мой ненавидел Бонапарта все душой и ушел сражаться с ним, сложив голову под Аустерлицем.

– Там многие головы сложили, – скупно покивал гусар. – Сочувствую.

– Матушка же моя умерла год назад. Вместе с братьями... Лихорадка не пощадила никого, кроме моего младшего брата Клауса, – тяжело вздохнув, юная графиня ненадолго замолчала, собираясь с силами. – Надо вам знать, герр Денис, наш род ведет свое начало от славного графа Гуго фон Арнау, что занимал должность комтура одного из замков, принадлежавших некогда могучему ордену Святой Марии Тевтонской, так же известному, как Немецкий орден. С тех пор младший сын в семье должен посвятить себя Богу в той или иной степени. Не обязательно – монахом, можно – просто священником. Вот и мой брат, Клаус, во исполнение обета, стал служкой при церкви Арнау. О, герр Денис, у нас очень древний храм, очень красивый, очень... Впрочем, вы сами знаете – французы – безбожники. Их божество – «ля революсьон». Они разграбят

церковь, как только придут сюда, герр Денис!

– Вы полагаете, все же придут? – Давыдов нахмурился – а эта юная графиня нехудо разбирается в военных действиях и вообще в политике.

– Да, полагаю, придут, – кивнула Эльза. – Ваш командующий – господин Беннигсен – действует как-то... я бы сказала, не очень решительно. А уж о нашем Фридрихе Вильгельме нечего и говорить.

Денис неожиданно рассмеялся, вовсе не весело, скорей – с горечью и досадой:

– Ай, молодец! Не знаю, как там ваш король, а вот насчет Беннигсена – в точку... Так что у вас за дело-то?

– Еще рано, – девушка посмотрела в окно. – Как стемнеет, тогда... Знаете, герр Денис, я видела – оборотни почему-то боятся вас! Опасаются подходить близко.

– Да что вы! – иронически прищурился гусар. – Неужто?

Наградив собеседника самой милой улыбкой, юная графиня, чуть покраснев, все же попросила пару ведер теплой воды и таз или большую кадку... Что и было исполнено служкой.

– Вы знаете, герр Денис... я не мылась уже три дня! – честно призналась Эльза. – Это так тяжело, так... Просто невыносимо! Наш род давно обеднел... а сейчас вообще впал в нищету, и... Трудно с дровами, знаете ли...

– Понимаю.

– Вы поможете мне? Вот здесь... развяжите...

Поднявшись со стула, девушка повернулась спиной, и Денис, сглотнув слюну, ловко развязал шнурочки, сдерживающие лиф платья... Обнажилась спина, такая нежная, стройная... которую так хотелось поцеловать... или хотя бы погладить... Тяжелое платье, шурша, сползло на пол... за ним последовали панталоны... И вот уже прекрасная графиня предстала перед гусаром нагою – во всей своей красе! Повернулась с лукавой улыбкой, показав восхитительно изящную грудь:

– Ну, что вы стоите, гусар? Полейте же на меня из ведра... Смелее!

Денис бросился, зачерпнул из ведра корцом... Полил красавице на голову, на плечи...

– Да-да, так... Еще... Теперь – полотенце... Ну, помогите же вытереться...

– Ох, милая Эльза! Я же все-таки мужчина... – горя от нахлынувшего возбуждения, признался Денис.

– А я – женщина! – голая красавица обворожительно улыбнулась и подбоченилась, встав в кадке такой Афродитой. – И я вовсе не против,

гусар...

Подняв девчонку на руки, Дэн перенес ее на кровать, прилег рядом и тут же покрыл неистовыми поцелуями грудь... Бойкие пальцы гусара, словно пальцы хорошего музыканта, пробежали по юному упругому телу, погладили плоский животик, бедра... Скинув доломан и рубаху, Денис поцеловал красотке пупок... потом опустился и ниже... Красавица изогнулась и застонала, закатив чудные серо-зеленые глаза...

Сырая и промозглая ночь опустилась на Кенигсберг, целый день дувший с моря ветер утих, стало заметно теплее, а в черном небе, среди синих кудлатых облаков, повисла большая серебряная луна.

Давыдов и Эльза выехали с постоялого двора на арендованной повозке, запряженной парой гнедых. Деревушка Арнау располагалась не так и далеко – версты две, вряд ли больше. Еще издалека серебрился в свете луны шпиль церкви. Никакие волки за повозкой не гнались, правда, краем глаза Денис все же видел крадущиеся по кустам серые тени... и впрямь – тени, свет луны играл, струясь меж плывущими облаками.

Впрочем, девушка все же придерживалась иного мнения: никакие это не тени – оборотни!

– Они боятся тебя, герр Денис! И притягиваются.

– Как это притягиваются? – не понял гусар.

Графиня загадочно улыбнулась:

– Чем-то ты их влечешь.

– Я влеку? – Дэн скептически хмыкнул и натянул вожжи. – А ты?

– Я тоже, – кутаясь в бурку, кивнула девчонка. – Но я-то знаю почему. И дед мой, и отец боролись с оборотнями. Многих извели.

– Понимаю, – Давыдов хохотнул, подгоняя коней. – Серебряные пули, осиновые колья. Да! Еще чеснок.

– Чеснок – обязательно, – на полном серьезе заверила графиня. – А пули мы возьмем в церкви. Зарядишь им свои пистолеты.

– Как скажешь, милая. Заряжу.

Остановив повозку у церкви, Денис принялся ждать, следя за игрой серебристых теней на церковных стенах. Подойдя к дверям, Эльза постучалась... и вошла внутрь. Тяжелые створки захлопнулись... но вскоре распахнулись вновь.

– Или сюда, Денис! Поможешь... Знакомься – это мой брат Клаус.

Долговязый подросток – Клаус – сильно походил на сестру. Такой же худой, с узкими лицом и большими глазами. Длинные волосы его падали на

плечи, из коротковатых рукавов черного сюртука выглядывали сухие, как у старичка, руки.

Клаус что-то сказал сестре по-немецки и улыбнулся. Графиня потянула гусара за рукав и шепнула:

– Иди за мной. Я покажу – куда.

Внутри храма оказалось холодно и темно, лишь у распятия горела восковая свечка. Ее-то и прихватила Эльза, обернулась, махнула рукой:

– Сюда.

Слева оказался какой-то узкий ход, коридор, потом – ведущие вниз ступеньки... Клаус молча показал на какие-то большие мешки, сундучки, баулы...

– Берем все, – распорядилась графиня. – Уносим.

Наклонившись, гусар закинул на спину мешок... что-то звякнуло... Ясно что. Сокровища! Драгоценная церковная утварь. Понятно... В отличие от Дениса Васильевича, Дэн все же был циником и плохо верил в благородные порывы души. Спрятать сокровища от французов? Почему бы и нет... Но, с другой стороны, если учесть финансовое состояние графини... Да на здоровье! Пускай девчонка попользуется, разбогатеет – жалко, что ли?

Грузили не то чтобы долго, но и не быстро, провозившись, наверное, с час. Пока таскали, пока укладывали – то, се... Наконец вроде бы справились. На это раз сама графиня взялась за вожжи... Правда, сперва спросила:

– Ничего, если мы завяжем тебе глаза, герр Денис?

– Думаете, помылю ваше золотишко? – усмехнулся гусар.

Эльза непонятливо моргнула:

– Что значит помылю?

– А, не вникай, – махнул рукою Давыдов. – Завязывай, ага.

– Н-но!

Дернулась повозка. Покатилась. Поехали... Сначала по мостовой, если судить по стуку колес, потом свернули на сельскую дорогу. Затрясло. Что-то плеснуло – лужа... А потом где-то неподалеку раздался вдруг протяжный леденящий душу вой! Волчий.

– Оборотни, – тихо молвила графиня. – Близко не подходят, да. Говорю же – они тебя боятся, Денис!

– Даже не представляю, чем это я их напугал?

Под этот вот вой, то отдалявшийся, то приближавшийся, повозка проехала еще с полчаса или около того, пока не остановилась... судя по

плеску волн – у реки...

– Денис, повернись...

Ага! Девчонка сняла повязку. Давыдов поморгал, привыкая... наскоро осмотрелся – и впрямь река. Частью растаявшая, частью – в заводях – еще покрытая льдом. Здесь вот как раз и была такая вот заводь. А вообще – место глухое, безлюдное... какие-то кусты, овраги, лес...

Денису неожиданно стало зябко – и вовсе не от холода. Подумалось вдруг – зачем графине лишний свидетель? Если вспомнить классику – что делают с мавром, сделавшим свое дело? Правильно – убирают. Мертвые – надежнее всех живых. Никому ничего не расскажут.

– Сюда вот... сюда...

Землянка, что ли? Нет, похоже, какой-то фундамент. Верно, раньше здесь стоял дом. Точно – дом, и довольно большой – господский, или – какого-нибудь богатого крестьянина – бауэра. Под обширным подвалом оказался еще один подвал, тайный – туда и перетаскали все мешки с сундуками... Сокровище церкви Арнау.

Покончив с делом, уселись на телегу – передохнуть. По мысли Дэна – теперь наступило самое время избавиться от свидетеля. Интересно, как будут убивать? Пистолеты – у гусара за поясом, да еще – сабля. Кинжал или кистень – никаких шансов не имеют.

Молодой человек тряхнул головой, словно пытался изгнать из нее все дурные мысли. Ну, скажите на милость, с чего он все взял-то? С чего решил, что от него захотят избавиться? Хотели бы – не завязывали бы глаза. Хотя... это выглядело бы слишком топорно и подозрительно. Но Эльза... Разве могут такие красивые барышни с такими чудными честными глазами задумать какую-то пакость, какую-то невероятную каверзу? Могут. Почему бы и нет? Склонность к убийству... или просто – холодный расчет – от ангельской внешности никак не зависит.

Нет-нет, не может такого быть! Такая милая девушка... да что он себе в голову-то вбил?!

Даже если б и захотели убрать – не справились бы. Те еще доходяги, что сестра, что ее худосочный братец.

– Ах, это еще! – всплеснув руками, Эльза показала на оставшийся в повозке сундучок, заброшенный сеном. Верно, потому и не заметили.

– Отнесем, Денис? Я помогу... открою-закрою... А Клаус тут побудет – посторожит повозку.

Что ж... почему бы и не отнести? Только, небось, сейчас графиня попросит оставить Клаусу пистолет – охранять повозку... Умеет ли этот парень стрелять? Скорее всего, умеет. Но все же не так быстро и метко, как

лихой гусар!

Сейчас попросит, сейчас... Если попросит, то...

Нет! Не попросила... Поклацала огнивом, зажгла огарок свечи... и первой спустилась вниз, отворяя замаскированную под каменную кладку дверь. Обернулась:

– Ну, иди же, Денис...

Иди...

Что ж, вроде никакими каверзами пока не пахло.

– Что-то никто не воет, – вытащив из повозки сундучок, усмехнулся гусар.

В ответ послышался смех:

– Так и не должны бы уже. Утро скоро!

Ах, вон оно что – утро...

– Да идете вы или нет?

– Иду... иду уже... да... Ну и запах же тут! Преме́рзкий...

Денис поморщился.

– Наверное, лиса где-то неподалеку сдохла, – тихонько засмеялась девушка. – Ничего.

Спустившись в потайной погреб, Давыдов поставил сундучок туда, куда указала Эльза. Гусар все же держался настороже, однако...

– Ты, верно, думаешь, будто мы захотим избавиться от тебя? – обернувшись, неожиданно промолвила девушка.

Денис не знал, что и ответить. Впрочем, ответа никто и не ждал... Поставив свечу на сундук, Эльза сбросила бурку, а за ней и пальто и, с жаром поцеловав гусара в губы, прошептала с невообразимой страстью:

– Знаешь, милый... у нас есть поверье. Если мужчина и женщина совершат это рядом со спрятанным кладом... то клад этот никто и никогда не найдет... Ты понимаешь о чем я, герр Денис?

Дэн шмыгнул носом:

– Вполне.

– Тогда не стой, – тихо засмеялась красавица.

Рука гусара потянулась к подолу, и Давыдов вновь ощутил манящий и терпкий жар молодого гибкого тела, жаждущего плотской любви...

Только вот не случилось любви-то!

Эльза вдруг вскрикнула:

– Ой! Там, кажется, крыса! Вон, вон, в углу...

Неловко дернувшись, девушка опрокинула свечку, тут же и погасшую.

– Ничего, – успокоил гусар. – Сейчас мы ее...

С полминуты Давыдов топал сапогами и стучал эфесом сабли по сундукам – прогонял крыс... Вроде бы и прогнал – по крайней мере, никакого писка слышно не было. С чувством выполненного долга brave гусар обернулся:

– Наверное, надо бы свечку... хотя... Эльза! Душа моя, ты где?

А не было Эльзы! И каменная плита, закрывающая выход наружу, оказалась запертой!

– А ведь прав ты оказался, гусар, – хмыкнув, Давыдов покачал головой. – Не застрелили, не закололи, но заперли. Тоже смерть, только медленная... Они так думают, да! И совершенно напрасно, смею заверить! Негоже гусарам помирать, как крыса в ловушке! Негоже.

Вокруг сгустилась непроглядная тьма, и Денис, вспомнив про свечку, зашарил руками... нашел... и тут же сплюнул: что толку в свечке без огня? Что-то еще попало под руку... что-то мягкое... неужто крыса? Да нет, не крыса... Бурка! Ну, хоть Багратионов подарок остался. Спасибо и на том.

Сверху, снаружи вдруг послышались глухие, словно бы отдаленные, крики и жуткий волчий вой! Потом все резко стихло, и Денису лишь оставалось гадать – что там, наверху, случилось? Неужто серые бестии все же настигли своих жертв? И поделом! Впрочем, все равно жалко. Эх, Эльза, Эльза... нищая красавица-графиня, обиженная судьбой.

Дэн вовсе не испытывал сейчас никакой тревоги. Подумаешь, заперли! Пусть даже и не подвал это, а скорее семейный склеп – покойников молодой человек не боялся и в морге – в отличие от многих прочих курсантов – в обмороки не падал. Живых надо опасаться – не мертвых.

Есть не хотелось, пить пока тоже, так что времени, для того чтобы выбраться, хватало вполне. Надо лишь глянуть, что там, в сундуках, в мешках... мало ли, пригодится что-нибудь? Какой-нибудь старинный кинжал с золоченой рукояткой, вполне пригодный для того, чтобы расшатать гранитные плиты склепа.

Недолго думая, узник принялся шарить руками по сундукам. Как назло, все время попадалось что-то не то: какие-то гнутые тарелки – верно, серебряные – ложки, монеты... монеты – это было хорошо... хотя в данный момент на них свободу не купишь. Ага! А вот и кинжал... да сабля имеется, и пистолеты – не стоит забывать и о них. Если здесь, в склепе, был слышен донесшийся снаружи вой, то точно так же и там будет слышен подвальный выстрел. Можно подать сигнал. Только вот кому?

Потроша сундуки с мешками, Давыдов вдруг с удивлением отметил, что в подвале стало как-то светлей! Ну да – явно светлее. В сером мареве

уже можно было разглядеть и сундуки, и разбитые надгробия-саркофаги. Ишь ты, видать, и в самом деле – склеп.

Зыбкий утренний свет проникал откуда-то сверху, сквозь узкую щелочку между плитами, шириной, верно, чуть меньше сантиметра. Уже хорошо! Уже добрый знак. Смерть от удушья узнику явно не грозит. Да и эту щелочку, наверное, можно пытаться расширить. Как вот только до нее добраться – слишком уж высоко, метра три, не меньше. Как... да вот так! Сундуки на что? Всякие там гробики-саркофаги?

Соорудив из сундуков и ящиков нечто вроде помоста, молодой человек взгромоздился на самую его вершину, привстал на цыпочки, пытаясь дотянуться до щели... не рукой, так хотя бы саблей...

Помост зашатался, короткие гусарские сапоги соскользнули с верхнего ящика, и лихой гусар с грохотом полетел вниз, ударившись головой об угол пыльного саркофага...

* * *

– Денис! Денис Игоревич! Курсант Давыдов!!! Спать изволите?

– А? Что?

Распахнув глаза, Дэн непонимающе огляделся вокруг... Склепа не было! Была большая светлая аудитория, студенты... то есть курсанты... и – рядом с Денисом – лощеный седоватый хлыщ с пошлыми усиками и в модном приталенном пиджачке. Огородников! Профессор с кафедры истории права. Тот еще черт...

– Ладно бы лекция, – Огородников картинно развел руками. – Но на семинаре ворон ловить – это уж, молодой человек, ни в какие рамки! Хорошо... да-с... А давайте-ка, батенька, вспомним «Русскую Правду»... Аже кто всядет на чюжь конь?

– Аде кто всядет на чюжь конь... – Денис повторил машинально... но, к большому своему удивлению, ответил довольно бойко, ничуть не задумываясь: – Тому платить виру три гривны!

Огородников удивленно хмыкнул и погладил усы:

– Хорошо... Аче кто конь погубить?

– Все равно – три гривны.

– Аще кто будет коневым тать?

– Выдати князю на поток. И снова – три гривны!

– Одна-ако, юноша... – профессор покачал головой и, обернувшись к

остальным, развел руками. – Однако же... берите пример, молодые люди! Особенно касается вас, Оленька...

Сидевшая недалеко грудастая блондиночка смиренно покивала и за спиною профессора немедленно показала Денису язык. На том семинар и закончился – вышло время.

– Ну что, соберемся вечером? – Ольга нагнала сокурсника уже на лестнице. – Ленка придет... ну, ты ее помнить с прошлого года должен. Подружка моя, тощая такая брюнеточка.

Помнил ли Дэн Леночку?! Еще бы... Только... она ведь, кажется, замуж вышла... или не вышла еще...

Денис хотел было уточнить сей вопрос... но почему-то не получилось. Губы словно сами собой произнесли совсем другое:

– Да помню... Такая вся... интересная...

– Вот именно – интересная, – поведя плечом, усмехнулась девчонка. – Так ты приходи...

– Ага...

Простившись с Ольгой до вечера, Дэн уселся в столовой, наскоро перекусил и, вытащив из кармана смартфон, принялся искать сведения о спиритизме, дабы вечером, на посиделках, не ударить в грязь лицом... особенно перед этой... Леночкой.

Высветилось много чего, и молодой человек пробежал все «по диагонали»... несмотря на то что очень хотел узнать как можно больше... Денис хотел... а Дэн... Дэн сам по себе действовал, как придется!

Впрочем, кое-что все-таки вызнал... Спиритизм как явление, оказывается, начал изучать некий француз в 1850 году, и это Денису как-то было неинтересно – слишком уж поздно, однако же Дэн упорно читал статью, ничуть не углубляясь в более «древние» времена. И не реагировал на стремления Дениса никак...

«Книга духов», «Книга медиумов», полтергейст... Ага! Вот-вот, это как раз про давние времена – аж семнадцатый век! Какой-то английский священник увидел у себя дома огромный черный силуэт, с вырванным с корнями деревом на плече и мечом. Потом еще видел дракона и некие сущности... но духов, похоже, вызывать не умел. Да и не хотел, скорее всего – боялся. Вот, в общем-то, и все...

Современный же спиритизм, как было указано в статье, появился лишь в середине девятнадцатого века... В середине, а вовсе не в начале, на что подспудно надеялся Денис! Какие-то девочки-подростки, духи, потусторонние стуки – по сути, весь арсенал Оленьки.

Выйдя из столовой, Денис поплотней запахнул куртку. Еще было холодно, еще местами лежал снег, и с неба сыпала холодная морось. Март. Или самое начало апреля. Постойте-ка! Как раз тогда они первый сеанс и провели. Ну да... Примерно так где-то.

Молодой человек задумался и не заметил, как прошагал мимо нужной остановки. Возвращаться было лень, и Дэн так и шел себе дальше вдоль широкой улицы. Мимо старых домов, мимо парка, мимо кустиков весенней, с набухшими почками, вербы, мимо...

Оп!

Визг тормозов вернул парня к действительности... Вернее, выбросил прочь.

* * *

Дэн очнулся на полу склепа, придавленный какими-то ящиками, как видно, из свалившейся «пирамиды». Все так же было темно, лишь сверху, из щелочки, просачивался зыбкий лучик света.

Почесывая ушибленный лоб, гусар на этот раз действовал куда как более расчетливо. Саркофаги – какие уж смог – сдвинул вместе, на них водрузил ящики и те сундуки, что выглядели покрепче и массивнее прочих. Забрался... постоял чуть покачиваясь, и на этот раз смог дотянуться до щели руками, потрогать кончиками пальцев холодные старые доски.

Пол? Или – люк, выход из подвала? Да нет, не люк... Все-таки пол, старые доски просто рассохлись от времени. Если их чуть-чуть пошевелить... Жалко саблю, да деваться некуда, придется... Осторожненько... та-ак...

Доски поддавались. Не сразу – но поддавались, исходя щепой и трухой... до тех пор, пока молодой человек не смог просунуть в расширившуюся щель руку... а чуть погодя и голову, и плечи... Просунул и саблю, и пистолеты, и бурку... вот только кивер забыл, зато сам выскользнул, выбрался, обрывая на доломане тесьму, и, довольный, осмотрелся вокруг, засовывая за пояс пистолеты.

Повезло, что доски оказались гнилыми... впрочем, а какими ж им еще было быть? Сунув саблю в ножны, гусар зябко поежился, накинул на плечи ментик и бурку, да, недолго думая, спрыгнул с остатков фундамента наземь, точнее говоря – в снег.

Уже начинало смеркаться, низкое светло-серое небо прямо на глазах

становилось темно-синим, как французский пехотный мундир. И так же, как на мундире, блеснули сквозь разрывы облаков золоченые пуговицы – звезды.

– Однако пора бы и в путь, – осматриваясь, Давыдов решительно усмехнулся в усы и, протиснувшись сквозь росшие рядом ольховые заросли, остолбенел, едва не наступив ногою на трупы! Кругом стоял такой мерзкий запах, что гусара едва не вырвало...

Окровавленные тела Клауса и Эльзы лежали рядом, подле друг друга. Изорванная одежда, перегрызенные острыми зубами шеи, разорванные животы – волки с жадностью выели кишки... Отчего ж только кишки? Не такие уж и голодные оказались зверюги? Или, может, спугнул кто?

Подумав так, Денис неожиданно вздрогнул, услышав за своей спиной истошный волчий вой!

Глава 5

Серые тени ринулись из лесу, обступая, обхватывая гусара кругом. Алчно клацали пасти, яростным плотоядным огнём горели желтые очи. Хищники глухо рычали и угрожающе щерили морды, показывая острые клыки. Вот-вот прыгнут, вопьются в горло, навалятся, собьют с ног всей стаей и неминуемо растерзают!

– Врешь, не возьмешь!

Выхватив пистолеты, Давыдов выстрелил разом, почти не целясь – один волк грохнулся сразу же, окропив снег алой дымящейся кровью. Второму пуля угодила в бок – бедолага завыл, закрутился... Остальные тут же бросились на него и мгновенно загрызли, растаскивая по кустам окровавленные куски свежего мяса.

Медленно отступая к фундаменту мызы, Денис поигрывал саблей. То ли это клинок его так испугал серых, то ли выстрелы – однако бестии все еще не решались на рывок, не нападали, не прыгали, лишь крутились на безопасном отдалении, рычали да клацали зубами.

Рычали, рычали... да вдруг затихли. Резко – словно кто-то приказал.

Денис вскинул голову – невдалеке, у старой сосны, вдруг показалась та самая белая волчица размером с лошадь. Наклонив голову, чудовище принялось рыть лапами снег и вдруг, издав жуткий рык, пулей сорвалось с места, бросившись на гусара!

Давыдов встретил зверя саблей... Как оказалось – напрасно. Не допрыгнув до Дениса метра полтора, волчица остановилась как вкопанная, недовольно поводя мордой и жутко сверкая глазами. Словно бы что-то не пускало ее, держало...

Давыдов на всякий случай с поспешностью сотворил молитву:

– Господи Иисусе, иже еси на небеси... Да святится имя твое, да придет царствие твое...

Молитвы ли подействовали, или звери были не так уж и голодны, а только больше на гусара никто не рычал и зубами не клацал. Одна лишь волчица рыпнулась было, да снова застыла, будто наткнулась вдруг на стекло. Остановилась, походила кругами, зыркнула... И, отворотив морду, как-то боком подалась прочь. Заскулила, завывала – мерзко, с ненавистью и каким-то злобным разочарованием. Словно что-то самое вкусное внезапно увели у нее из-под носа, лишь поманили – и всё.

Остальные волки тотчас же последовали за своей волчицей, так что

вскороности вся стая скрылась в лесу за деревьями, растворяясь в ночи. Хотя до ночи еще было рано – еще только смеркалось, еще висели меж деревьями сумерки... и нужно было что-то делать, куда-то идти.

Замерзнуть Денис не боялся – две отороченные мехом куртки – доломан с ментиком – да еще бурка, подарок князя! Не боялся и заблудиться – Восточная Пруссия не так уж и велика, селений – всякого рода городков да хуторов – много, куда-нибудь да обязательно выйдешь. Настораживало другое – волки! Вдруг да вернутся? Вдруг да вокруг да около ходят? И вот эти двое... загрызены... Это же явно серых работа! Жаль... Хотя и сволочной девчонкой оказалась эта Эльза, а все же жаль. Не должны люди вот так умирать – от зубов всяких тварей. Пусть и сволочи, и враги – а не должны, как-то все это неправильно, когда зверь человека вот так...

По уму – предать бы тела несчастных земле... да покуда никак. Инструмента подходящего нет, да и некогда. Идти... Все же надо куда-то идти, не здесь же, в развалинах, ночевать?

Кстати, о сокровищах... Давыдов вдруг запоздало пожалел, что выбираясь, не прихватил с собою дюжину золотых монет или хотя бы пару браслетов. Пригодились бы, не так уж гусар был и богат, особенно по сравнению со своими петербургскими родственниками. Все так, однако же лезть обратно в склеп хоть за какими сокровищами Денису что-то не очень хотелось. Залезешь, а как потом назад? Вдруг да волки? Окружат, станут выжидать... Так вот и погибнешь на золоте, зачахнешь, как какой-нибудь Гарпагон или Шейлок. Лучше уж потом. Заприметить место, потом вернуться – с верными друзьями, с телегой. Да-да, вернуться! Все равно загрызенных-то надобно похоронить. Впрочем, для того, чтобы вернуться, надобно сначала выбраться.

Дэн прислушался и медленно сунул саблю в ножны. Кругом стояла полная тишь – ни воя, ни рычания – ничего. Наверное, ушли волки. Да уж скорее всего. Хотели бы сожрать – набросились бы сразу, однако же нет. Видать, поняли, что не по зубам им гусар!

Все же стоило поискать дорогу. Ту самую, по которой сюда приехали... Заодно поглядеть и повозку с лошадьми. Раз уж эти бедолаги Эльза и Клаус не успели уехать, значит, телега должна быть где-то здесь, рядом. Хотя, может быть, и не рядом. Просто лошадки почуяли волков, испугались да понеслись прочь мелкой приемистой рысью... а то и взяли в галоп!

Так или нет, а все же с дороги-то лошадям деться некуда – с телегой-то по кустам не попрешь, а распрягать коней некому. Значит, ищем...

Дорога нашлась быстро, и колея оказалась свежей. Среди мокрого снега чернели узкие лужи с проломленным тележными колесами льдом. Под ногами зачавкало – ну и мерзкая же погода, даже ночью не подморозило! Как бы то ни было, а лучше уж такой путь, чем никакого. Поплотней запахнувшись в бурку, бравый гусар быстро зашагал по узкой лесной дорожке, ведущей неизвестно куда. Впрочем, Денису это сейчас было без разницы: лишь бы выбраться – куда-нибудь-то дорога вела!

Пару раз показалось, будто мелькнули вдруг за деревьями стремительные серые тени. Давыдов даже выхватил саблю... Однако – показалось и впрямь. Немного постояв, путник зашагал дальше, надеясь, что вскоре покажется хоть какое-нибудь жильё – пусть даже самый убогий придорожный трактир или мыза.

Предчувствия не обманули гусара. Когда уже совсем стемнело, так, что хоть коли глаз, слева от дороги, за березовой рощицей, вдруг мелькнул огонек. Денис замедлил шаг, а потом и остановился, пристально вглядываясь в плотную ночную тьму...

Не показалось! Точно – огонек! Едва заметный, дрожащий, рыжий... Свеча! Горящая за окном свеча или лучина. Хотя нет – это в России была бы лучина, здесь же, в Пруссии, даже и в крестьянском доме – свеча.

Жильё... хоть какое-то... Давыдов искал какую-нибудь тропинку... не нашел и, плюнув, зашагал прямо через рощу. Направление выбрал верное – на огонек... Правда, тот вдруг пропал! Погас или, точней, загасили... Однако тут же впереди, где-то совсем рядом вдруг послышался настороженный собачий лай!

На него и пошел путник, проваливаясь по колено в рыхлый весенний снег. Вскоре впереди показалось нечто приземистое – то ли сарай, то ли забор, за которым угадывалась изба... или, по-местному – мыза. Путник замедлил шаги и прислушался. Слышно было, как за забором скрипнула дверь... кто-то прикрикнул на собак – судя по голосу, женщина или ребенок. Лай стих...

– Есть кто дома? – громко спросил Денис. – Я – русский воин, гусар.

То же самое он тотчас же повторил по-французски... и напрасно, ибо в ответ тотчас же прозвучал выстрел! Просвистевшая над головой гусара пуля сбила ветку с осины... или какого-то другого дерева, Дэн сейчас особо не разбирал.

Выстрел – в ответ на французскую речь? Так это же, черт побери, неплохо! Приободрившись, Давыдов на всякий случай спрятался за корявый ствол дерева и уже оттуда закричал еще громче:

– Я – русский, русский, вашу мать! Не француз! Русский... Не

стреляйте. Нихт шиссен. Гитлер – капут!

Наверное, слова про «вашу мать» все же возымели действие – видать, жители мызы уже сталкивались с русскими людьми и кое-что понимали.

Во дворе, за забором, снова появился свет – дрожащее марево горячей восковой свечи.

– Сколько вас? – спросил тот же голос. Спросили по-русски, однако же с безбожным акцентом. И все же спасибо и на том, хоть понять было можно.

– Один я, один, – радостно заверил Денис. – Я из Кенигсберга... заплутал... заблудился. А тут еще волки!

Ворота чуть приоткрылись, и в образовавшуюся щель просунулась тонкая рука с горячей свечкою, а за нею – лохматая физиономия подростка, мальчишки лет четырнадцати.

– Снимите плащ, битте, – словно бы в подтверждение просьбы следом за свечкою показался и пистолет. Однако шутить здесь, похоже, не любили!

Пожав плечами, путник послушно снял бурку...

– Гусар! – мальчишка вдруг улыбнулся. – Лейб-гвардия. Русиш!

– Русиш, русиш! – закивал Дэн. – Поручик лейб-гвардии гусарского полка Давыдов к вашим услугам, господа!

– Прошу... битте...

Ворота распахнулись, и гусар наконец-то оказался во дворе, а затем, поднявшись по узенькому крыльцу – и в доме.

Первое, что бросилось в глаза незваному гостю, был большой, крепко сколоченный стол, на котором стояла еще одна горящая свечка. Рядом со свечкой лежал пистолет, точнее, его придерживал рукою еще один паренек, года на два-три младше первого и не такой лохматый. И все же они были чем-то похожи – оба худые, светловолосые, светлоглазые – насколько это вообще можно было заметить в дрожащем желтоватом пламени.

– Я – Ганс, – тщательно затворив дверь, представился лохматый. – А это – мой брат Альбрехт. Я зову его – Аль. Будете ужинать, господин поручик?

От ужина поручик не отказался, правда, старался есть как можно меньше – мыза как-то не производила впечатления богатого дома. Самодельная, сколоченная из толстых досок мебель, глиняная и деревянная посуда, вместо вешалки – вбитые в стену гвозди. По всему чувствовалось отсутствие хозяйки, умелой женской руки, что могла бы придать жилищу хоть какой-то уют.

– Вы что же, одни живете? – прихлебывая жиденькую похлебку,

осведомился гость.

Переглянувшись, подростки натянуто улыбнулись.

– Нет, – коротко отозвался старший, Ганс. – Наш фатер... бат-тюшка... уехал в Кенигсберг, к сапожнику. Сказал – вернется завтра – ему еще куда-то надо зайти.

Мать – муттер – мальчиков умерла лет пять назад от какой-то «волчьей лихорадки», если Давыдов правильно понял ту дикую смесь немецких и русских слов, на которой изъяснялись ребята. Впрочем, Дэн особенно в чужую жизнь не лез, не имелось у него такой поганой привычки.

Братьям было тяжело вспоминать мать, Денис Васильевич это понял сразу и тотчас же перевел разговор в другое русло, спросив о соседней разрушенной мызе.

– Там пожар, что ли, был? Стены – и те лишь кое-где остались.

Парни вздрогнули и снова переглянулись все с тем же недовольством и даже со страхом.

– Да, пожар, – покивал старший. – Эту мызу люди сожгли. Давно уже.

– Сожгли? – Давыдов удивленно вскинул брови и положил ложку на стол. – Скажите на милость! Это как же так вышло-то?

– Там ведьма жила, – сверкнул глазами Аль.

– Не ведьма, а колдунья, – поправил Ганс. – Графиня Матильда. Давно она родилась... сто лет назад, и все мечтала о вечной молодости. Мечтала, но вот однажды связалась с бароном Эрдеги, известным чернокнижником. Он ей и подсказал – мол, для вечной молодости и красоты нужна молодая кровь. Кровь юных! Ее надо пить, принимать ванны...

Денис задумчиво покусал губу – похоже, в ворохе немецких и русских слов он все понял правильно и даже не стал больше ничего уточнять, просто слушал, стараясь понять, о чем идет речь. Слава богу, мальчишка говорило бойко, хоть и коверкал слова, щедро сдабривая их немецкими фразами, но все было понятно, хотя бы приблизительно.

Возжаждавшая кровавой молодости графиня жила отнюдь не в роскоши, захудалый род ее словно был проклят, и поделом – отец и старший брат проиграли все имение в карты, оставив Матильде лишь старый хутор да с десятков верных слуг – головорезов, готовых на все ради своей красоты-хозяйки. Да-да, юная графиня считалась здесь одной их первых красавиц, правда, свататься к ней опасались – из-за чернокнижника, коего вскоре сожгли на костре, правда, не в Пруссии, а в Венгрии, откуда барон и был родом. К тому же вскоре стали замечать, что в округе пропадают подростки. Молодые девушки, парни... Обескровленные тела их нашли в старом урочище недалеко от графской мызы. Одной же из

жертв чудом удалось сбежать – она-то обо всем и рассказала местному пастору.

Вот тогда хутор и подожгли... да так, что все там сгорело дотла, из пламени никто не выбрался. Однако через пару дней появилась в лесу волчья стая, наглая, ничего не боящаяся, жуткая. Несколько волков во главе с огромной белой волчицей с пронзительно-синим взглядом... Такие глаза – синие, дерзкие – были у графини Матильды...

– Она что же, в волчицу обратилась? – выслушав, уточнил гость.

– Того никто не знает. Но, скорее всего, – так оно и есть.

Поплевав на пальцы, Ганс снял нагар с фитиля свечи... И в этот момент где-то за окном послышался жуткий волчий вой!

– Она здесь, – перекрестился Ганс. – Волчица... За кем-то пришла...

– За кем-то? – Денис машинально положил руку на эфес сабли.

Ганс неожиданно рассмеялся и, что-то бросив братишке по-немецки, вновь повернулся к гостю:

– О нет, оборотни мало что могут здесь. Пастор тогда сотворил молитвы у сгоревшей мызы, с тех пор в нашем лесу волков видят редко. Оборотни боятся!

– Боятся, но... воют... – подкрутил усы гусар.

– Я же говорю – за кем-то пришли.

– А может – за чем-то? – Встав, Давыдов подошел к окну, вглядываясь в расплывавшуюся по лесу тьму.

Вой, впрочем, быстро утих и больше уже не слышался на протяжении всей ночи, которую гусар провел на старом сундуке, постелив под себя знаменитую багратионовскую бурку. Спал Денис не особенно крепко, все думал о загрызенной графине и ее незадачливом братце. Взалкали сокровищ, ага... Новым своим знакомцам о случившемся на заброшенной мызе Давыдов не рассказал – к чему? Напугать детей только... и так, вон, пуганые. Да и поздно уже было, и вообще, братья не выказывали никакого намерения продолжать разговор об оборотнях... скорее, наоборот – заспешили спать.

Опытный взгляд гусара тем не менее приметил висевшую над дверью вязанку чеснока и оструганные осиновые колья, аккуратно поставленные в угол у печки. На стене висело ружье, наверняка имелись и серебряные пули, освященные в местной кирхе. Ну что ж... не хотят больше ребята говорить – не надо. О трупах же можно будет сообщить и завтра, по дороге, тому же пастору или кому-то из местной власти.

Чуткий сон гусара нарушили чьи-то осторожные шаги. Кто-то подошел к нему, наклонился... Денис не подал виду, что уже не спит, –

надо будет, разбудят. Однако же будить его никто не собирался, наоборот! Отойдя от сундука, Ганс жестом позвал Аля, и оба брата бесшумно шмыгнули в приоткрытую дверь. Из коридора тянуло холодком, а в окнах уже забрезжило утро.

Не на шутку обуреваемый любопытством, Давыдов поднялся и, подойдя к окну, осторожно выглянул... Братья возились в дальнем углу двора, возле какого-то сарайчика, в буквальном смысле слова заметая вениками оставшиеся на снегу следы – колею от узких тележных колес. Повозка! Так вот она где... понятно, парнишки-то не дурни, наверняка захотели ее присвоить. Поди уже распрягли лошадей, спрятали, теперь вот дождутся батюшку и... Может, продадут, может, – себе оставят. Дэн бы на их месте все ж таки продал – как можно скорее, какому-нибудь прощелыге-маркитанту. Да уж, ребятам палец в рот не клади. Впрочем, пусть поступают как знают, не такие уж они и богачи, чтобы пренебречь свалившимся на голову добром.

Снова улегшись на сундук, гусар дождался возвращения братцев, выдержал еще минут пять и только потом поднялся. Потянулся, зевнул:

– Уборная-то у вас где?

– А-а-а... ремонт у нас там, ремонт. Вон, у навозной кучи можно... где и вечером, да.

У навозной кучи... Понятно, уборная-то, небось, за тем самым сарайчиком. Ну да ладно...

Узнав дорогу, гусар тепло простился с мальчишками и, насвистывая, зашагал по лесной дороге. Как сказали парни, через пару верст должен был показаться мост, а за ним – селение. А там уж и почтовый тракт.

На почте гусар сообщил о случившемся, сам же на почтовой повозке отправился в тот самый трактир, где, влекомый юной графией, оставил лошадь, ныне спокойно ожидавшую хозяина. Подкрутив усы, Давыдов взлетел в седло и через три часа уже был в расположении штаба Багратиона.

– Ага, Денис Васильевич, вернулся, – выслушав доклад, князь Петр Иванович в задумчивости заложил руки за спину. – Как там Кенигсберг?

– Милостью Божией спокойно все.

Багратион хмыкнул, почесав длинный свой нос:

– А у нас вот беспокойно. Все государя ждут. Он с Бонапартом встречается вскорости.

Денис вскинул брови:

– Уже?

– Не уже, а вот-вот, – нахмурился князь. – Гляди – месяц-другой – и понаедут. Всякая челядь и прочие...

Придворных боевой генерал не жаловал, и те платили ему той же монетой, интригуя при каждом удобном случае. Что же касается Дениса, то и его злопамятный император не жаловал, все из-за басен, стихов.

Петр Иванович Багратион как раз недавно вернулся из Петербурга, где имел беседу с государем, откровенно доложив ему о пагубной обстановке, сложившейся в действующей армии, коей потворствовал сам главнокомандующий. Император Александр лично заверил прославленного генерала в том, что вскоре прибудет в Восточную Пруссию лично, приняв все меры к утихомириванию штабных интриг и к улучшению снабжения войск. А улучшать было что! Благодаря штабным казнокрадам с фуражом и продовольствием дело обстояло ужасно, нижние чины ходили вечно голодные, с недовольными землистыми лицами. Многие солдатушки от бескормицы бродили по местным, уже освобождавшимся от снега полям, выкапывая штыками остатки полусгнившей картошки. Все, как всегда: солдаты – бедствовали, интенданты – наживались.

Оказавшись наконец в своей небольшой комнатушке и послав за похлебкой верного слугу Андрюшку, Денис с волнением записал в дневнике полные гнева строчки:

«Клеймо проклятия горит на всех тех, кои не хотели печься о благе и довольстве тысячей храбрых!»

Написав так, Денис вдруг хлопнул себя по лбу. Сокровища! Вот что могло бы поспособствовать снабжению войск... пусть хоть в какой-то мере. Сокровища... Путь к сожженной мызе теперь не был загадкой для гусара. Нужна была только повозка... и пара друзей, коих Давыдов отыскал сразу же, в лице гусарского поручика Бровенчина и штабс-ротмистра Анкудеева.

Повозку с лошадьми и кучером взяли в обозе, сами же поехали рядом, верхом... Выехали с утра, однако же мызу – точнее сказать – фундамент, отыскиали лишь после полудня. Трупы возле нее уже не валялись, убрали, ведь сколько дней прошло! С другой стороны...

Плита, прикрывавшая вход в склеп, оказалась сдвинутой, в самом же подземелье никаких сокровищ не было! Одни саркофаги... в остальном же – хоть шаром покати.

– Какой же я дурень! – с досадою хлопнул себя по лбу гусар. – Надо было не сообщать никому... а так... как видно, местные власти, забрав трупы, все же обыскали здесь всё...

– Господи-и-и! Господи-и-и! – отошедший по малой нужде кучер

завопил с недюжинным страхом и силой, с такой поспешностью вылетел из кустов, что едва не сбил с ног гусаров.

– Что такое, Мефодий? Что с тобой? А?

Кучер – из рядовых рекрутов – боязливо махнул рукой:

– Сами посмотрите, господа. Тамока... там...

В кустах лежали мертвые тела, уже тронутые тленом. Те самые – брат и сестра. Значит, никто их не убрал – не дошли у местных руки... Бюрократия – как и везде. Тогда кто же, черт возьми, вывез сокровища? Впрочем, можно было предположить – кто.

– Надо бы их схоронить, – тихо промолвил штабс-ротмистр. – Все ж люди. Мефодий! Шанцевый инструмент найдется?

– Да лопатка есть, ваш-бродие.

– Ну, копай тогда, помолясь. Копай.

Истерзанные, уже начинавшие разлагаться тела закопали вместе, похоронили в одной яме. Срубив пару осинок, Мефодий быстро сколотил крест – его и воткнули, насыпав небольшой холмик. Сняв походную фуражку, Давыдов наскоро прочел молитву. Какую уж знал – православную – хотя погибшие были лютеране.

Поднялся ветер. Начавшийся было с утра мелкий дождик наконец-то прекратился, засияло лазурными прорехами небо, и лучик прорвавшегося сквозь облака солнца охватил ельник желтым веселым огнем.

– Едем, – надев фуражку, Денис махнул рукой. – Тут кирха недалеко... скажем. И еще в одно местечко заглянем по пути.

Где находится хутор, гусар представлял себе смутновато – пришлось поискать, пока не наткнулись на знакомую поворотку.

– Ага, – Давыдов придержал лошадь, углядев за деревьями серую ограду и маячившие за нею строения. – Похоже, здесь.

Все повернули и через пару минут уже были на месте. Нехорошее предчувствие охватило вдруг Дэна. Мыза выглядела покинутой и какой-то неживой – распахнутые настежь ворота, приоткрытая дверь... Даже собака – и та не лаяла, рядом с будкой же виднелась кровь.

– А вот и собачка, – спешившийся первым Мефодий деловито осмотрелся вокруг. – Вон, за будкой. Загрызли. Волки, видать.

Услышав про волков, Денис вздрогнул – что-то такое он сейчас и подумал и, как видно, сглазил: осмотрев хутор, гусары обнаружили истерзанные тела! На заднем дворе, за навозной кучей лежали трое. Двое детей – Ганс и Аль и нестарый еще мужчина – видать, их отец. У всех

троих были перегрызены горла.

– Волки, – сняв шапку, Мефодий скорбно покачал головой. – Голодные по весне – жуть.

– Да как же они смогли пробраться на двор? – штабс-ротмистр Анкудеев нервно покусал ус. Пять загрызенных трупов за неполные пару часов – даже для привыкших ко всему гусар это было слишком.

Мефодий усмехнулся:

– Волки – тварюшки хитрые, вашбродь. Видать, притаились где-нибудь рядом, а как здешние бедолаги ворота открыли – по какой-нибудь надобности, – так и ворвались, бросились. Кругом глухомань, кричи – не кричи, помощи не дозовешься.

Все согласно кивнули и замолчали. Вокруг стоял омерзительный запах разлагающихся трупов, чем-то напоминающий запах гнилой рыбы или ворвани. Денис поморщился... Клацнув огнивом, Анкудеев раскурил трубку, Мефодий с Бровенчиным заглянули в дом, Денис же напрямик отправился к сараю и отворил ворота.

Пусто! Небось, уже успели сбегать лошадей и повозку. А может, именно на ней и вывезли сокровища? Все может быть. На обратном же пути – уже во дворе – на незадачливых кладоискателей напали волки. Почему не напали раньше, в дороге, в лесу? Так, верно, волчья-то стая именно здесь, возле хутора, и ошивалась. Бедолаги едва успели ворота открыть, расслабились – наконец-то дома... тут их и...

Однако зачем волкам сокровища? Что, серые по базарам будут ходить, покупать мясо? Хм... у них и карманов-то нет! Ну, действительно – зачем волкам деньги, золото, серебро?

Как человек просвещенный (к тому же – будущий следователь или опер), Дэн ни в каких оборотней, конечно, не верил. Сказки для отвода глаз! Волки людишек погрызли – да... а после волков и кое-кто еще заглянул на хутор. Время военное – голод, шаек бродячих полно. Вот и прибрали сокровища – запросто, теперь уж точно не найдешь.

– Ты, Денис Васильевич, говоришь, недалеко церковь-то?

– Да недалече.

– Тогда пастору скажем. Пусть похоронят.

– Ага...

Весной приехал государь. Уже стоял снег, уже зеленела первая трава и тронутые клейкой листвой деревья приветливо махали ветвями вернувшимся с далекого юга птицам. Бледно-голубое небо частенько морщилось дождями, сказывалась близость моря. Но и то, что говорить – дождь-то дождь, но все же не слякоть, не мокрый, хлюпающий под ногами снег, так надоевший за сырую прусскую зиму.

Ни одна голова вора-интенданта по приезде государя не слетела! Никто не был наказан, отстранен от должности или, боже упаси, привлечен к суду. Нет! Да, честно говоря, Дэн ни на что такое и не надеялся. Вот если б царя выбирали, то перед выборами, возможно, что-то и последовало бы... некое образцово-показательное наказание, не на страх вора, а для народной радости – кинуть собакам кость. Хоть так... Однако тут, при проклятом царизме, даже и такого не случилось! Все воры остались при своих постах и регалиях... впрочем, в присутствии государя все же открыто воровать боялись, и снабжение армии резко улучшилось. Кто из солдатушек выжил, тот нынче поел вволю... И то хорошо!

В один из таких солнечно-дождливых, типично балтийских дней командующий князь Багратион вызвал к себе своего верного адъютанта Давыдова.

– Здравия желаю, ваше высокопревосходительство! – явившись, вытянулся во фронт гусар.

Петр Иванович махнул рукой и по-отечески улыбнулся:

– Да полно, полно тебе, Денис. Садись вот лучше – в ногах правды нет.

Генерал нынче выглядел веселым, куда и делась прежняя зимняя хандра? Не так давно, будучи в соседнем Бартенштейне, государь Александр Павлович навестил и авангард Багратиона, оставшись чрезвычайно доволен устроенным в честь него строевым смотром. Егеря и гусары показали себя во всей красе, не подвела и пехота – солдатушки в новых шинелях браво выпячивали грудь да кричали здравицы императору.

Все так, только вот к Давыдову Александр по-прежнему относился холодно, памятуя сочиненные гусаром басни. Однако что ж... Денис Васильевич и сам не очень-то жаловал государя, оказавшегося столь немилостивым к герою-генералиссимусу Суворову и приблизившего к себе всяких проходимцев вроде генерала Беннигсена. С последним, в общем-то, было понятно – достаточно вспомнить Михайловский замок и убийство императора Павла.

– Вот что, Денис Васильевич, – потрогав кончик огромного своего носа, Багратион зачем-то понизил голос и даже обернулся, словно его

здесь, в собственной штаб-квартире, могли подслушать!

Ну... разве что если б кто-то забрался под стол... или поставил «жучок». Подумав так, Дэн улыбнулся...

– Вижу, вижу – весел! – одобрительно покивал генерал и, сразу став серьезным, продолжил: – Божьей милостью государь наш Александр Павлович нынче изволил отправиться в Тильзит... Где и будет ждать хода дальнейших действий. Тильзит не Баренштейн, подале... Вот и с продовольствием, с фуражом что-то господа интенданты тянут, хотя обещали лично. Есть там такой майор Фельден, глава комитета при Беннигсене. Он там как раз фуражом да продовольствием и заведует... Езжай-ка, Денис, да разберись. Поторопи, пригрози... Но чтоб снабжение было!

Получив приказ, гусар вскочил со стула:

– Слушаюсь, ваше высокопревосходительство! Не извольте сомневаться, Петр Иванович. Сделаю!

Простившись со своим боевым командиром, Денис взял на конюшне казенных лошадей и, прихватив верного своего Андрюшку, одвуконь поскакал в Кенигсберг, где и располагалась главная интендантская «квартира».

Погода выдалась славной: копившиеся с самого утра тучи ветер к обеду разнес, в небе засияло солнышко. По обе стороны от дороги тянулись аккуратные распаханые поля. Местные хуторяне уже начинали сев – кто-то ставил под ярмо быка, а кто-то и сыновей-подростков, да впрягался и сам. Почти всех пригодных под седло лошадей конфисковали если не французы, так русские или сами пруссаки из армии короля Фридриха Вильгельма. Лошадей не осталось, а сеять надо было – весна! – так что выкручивались, кто как мог.

– Да уж, – покачал головой Андрюшка. – Что же хозяева-то их не распорядятся, не дадут лошадушек?

Давыдов покачал головою и усмехнулся:

– А нет у них никаких хозяев, Андрей Батькович. Каждый крестьянин – сам себе голова.

– Это как же так можно-то? – недоверчиво хмыкнул слуга. – Случись что – и надеяться не на кого?

– Это точно – не на кого, – Денис покивал головой. – Только сам на себя. Зато свобода.

Ординарец, однако же, оказался упертым:

– Не нравится мне такая свобода. Больно уж она голодная. Да и эти...

здешние... на свободных-то не очень похожи. Что и говорить – бедолаги, эх...

Дальше ехали молча. Ближе к Кенигсбергу крестьянские поля закончились, показались кирпичи и каменные городские дома с узкими фасадами. Застучала под копытами коней брусчатка.

«Главквартира» интендантского ведомства располагалась на постоянном дворе, близ морской гавани. Весь двор был заставлен подводами, груженными какими-то мешками, тут и там высились горы амуниции, похоже, что трофейной. По двору взад и вперед, беспрестанно ругаясь, ходили-бегали грузчики, мастеровые, какие-то подозрительные нижние чины и унтер-офицеры в расхристанных помятых мундирах. Одного из таких Давыдов брезгливо придержал за рукав:

– Послушай-ка, любезный...

– Отстань... Ой! Здравия желаю, вашбродь!

Углядев гусарского офицера, расхристанный вахмистр с одутловатым лицом и нагловатым взглядом все же вытянулся и отдал честь:

– Чего изволите, господин ротмистр?

Денис покривил губы:

– Мне нужен майор Фельден.

– Яков Иваныч? Так их нетути... – вахмистр развел руками. – К обеду только будут.

– Ничего. Я подожду... Вот еще что, любезный... Снабжением авангарда генерала князя Багратиона кто ведает?

– Так Яков Иваныч и ведает, вашбродь. Да вы не беспокойтесь, он обычно скоро бывает.

Кивнув, Давыдов велел Андрюшке присматривать за лошадьми и зашагал прямо к постоянному двору, точнее сказать – к трактиру, возле которого роились лица более высокого звания, нежели те, что сновали во дворе, – чистенькие пронырливые господа в темных сюртуках и новеньких зеленых мундирах.

«Да уж, – посматривая по сторонам, неприязненно подумал Денис. – Эти уж точно снег да грязь под Прейсиш-Эйлау не месили, от драгунских пуль в сугробы не падали».

Углядев у окна свободный стол, гусар уселся на лавку и, не мешкая, заказал кружку пива с яичницей, для слуги же – капустный пирог и чарку водки.

– На двор отнеси, милейший... Вон там высокий парень с двумя лошадьми...

– Яволь, майн херр. – Трактирный служка, похоже, понимал по-

русски... Да здесь все понимали, наострились за два года войны.

– Господин ротмистр... – Дэн едва успел откусать и выпить пива, как перед ним возник какой-то унтер-офицер с шикарными густыми усами. Усач этот показался Давыдову смутно знакомым, Денис явно его уже видел, вот только пока не мог вспомнить, где.

– Что вам угодно, фельдфебель? – поставив кружку, нелюбезно осведомился гусар.

– Вы спрашивали о снабженцах авангарда князя Багратиона, вашбродь? – фельдфебель вдруг дернул шеей... совсем как штабс-капитан Овечкин в старом советском фильме. И вот тут-то Денис и вспомнил: каптенармус! Тот самый усач, что сидел в придорожном трактире... когда Эльза... и потом...

– Да, спрашивал, – Денис пригладил усы. – Вахмистр передал?

– Да, он, – не стал скрывать каптенармус. – Тут вот какое дело, вашбродь... Я кое в чем господину майору помогаю... Может, и вам смогу помочь, ежели вдруг вопросы возникли.

– Возникли, возникли, фельдфебель, – гусар сурово сдвинул брови и продолжал, сверля каптенармуса взглядом: – Где девять подвод муки? Восемнадцать подвод сена? И это я еще не спрашиваю об амуниции?

– А мы все отправили, – развел руками усач. – Так и есть, вашбродь. Лично подводы грузил! Неужто не дошли?

– Как же, дошли... – Давыдов постепенно загорался бешенством, затянута в лайковую перчатку рука его нервно теребила эфес сабли. – Четыре подводы! А остальные где, мать вашу? А ну отвечать, живо!

Гусар от души стукнул кулаком по столу, так, что стоявшая там опустевшая пивная кружка подпрыгнула и жалобно задрожала.

– Не могу знать, вашбродь! – вытянулся фельдфебель. – Но мы отправляли.

– Что же сено-то, волки, что ли, съели? – покусав губы, в ярости осведомился Денис.

– Не волки... французы-с... Тут их много шастает по лесам. Налетят, знаете ли, и вот...

Еще немного, и Денис зарубил бы саблей эту наглую интендантскую сволочь! Да и вообще все бы здесь разнес в щепки – возникло вдруг такое желание... впрочем, даже не вдруг...

Кто его знает, как бы там все обернулось, коли б не появление майора Фельдена – вовремя, надо сказать.

– Господин ротмистр? Адъютант князя Багратиона? Что ж, наслышан, наслышан...

Майор в темно-зеленом пехотном мундире, придерживая на боку шпагу, улыбнулся, растянув тонкие губы. Одни губы и улыбались, только не глаза – маленькие, бесцветные, они выглядели колючими и холодными, словно лед.

– Господин майор... – поднявшись на ноги, Давыдов вежливо отдал честь.

– Прошу за мной, господин ротмистр, – гостеприимно предложил интендант. – Сейчас все бумаги поднимем, посмотрим... Разберемся, что к чему.

По бумагам так все и вышло, как говорил каптенармус-усач. Все подводы авангарду были отправлены...

– Вот видите ротмистр, тут и подпись моя стоит... – Бледное лицо майора, вытянутое и словно бы приплюснутое с боков, прямо-таки светилось радостью и желанием услужить... Вот только взгляд оставался прежним – холодно-неприязненным, враждебным.

– Подпись подписью, – упрямо набычился Денис, – а подводы-то где?

– Бог с вами, ротмистр, – Фельден махнул рукой. – Французские егеря вполне могли захватить. Сами знаете, они к нам не раз прорывались... А на каждую подводу солдат не напасешься. Тем более – вы должны были встречать.

– Мы и встречали. То, что осталось... Так что, господин майор? Солдаты пусть будут без пищи... А кони без овса?

Как видно, в голосе и позе гусара интендант заметил что-то для себя угрожающее, нечто такое, что заставило майора нервно потереть пальцами обшлага мундира.

– Ладно... что-нибудь придумаем, выкроим... Вы не беспокойтесь так, ротмистр.

Фельден обмакнул перо в бронзовый чернильный прибор и, что-то быстро набросав на листе желтоватой бумаги, кликнул фельдфебеля – уже знакомого Давыдову усача.

– Каптенармус лично проследит за погрузкой, – мягко улыбнулся майор. – Вот... пять подвод с фуражом. Три – с мукою...

– Три?!!!

– Пока, пока три... Позже еще отправим. Подождать надо... чуть-чуть...

Заглянувшее в окно кабинета солнышко отразилось на чернильном приборе... Позолоченный и, видимо, весьма недешевый, в виде двух рыцарей с крестами и орлом. Герб Тевтонского ордена. Однако трофей.

Пока Денис Васильевич имел дело с майором, верный слуга-ординарец Андрюшка тоже не тратил время даром, перекидываясь словом с каждым встречным-поперечным. Да и сам Давыдов вовсе не собирался скоро уезжать. Отказавшись от предложенного ушлым интендантом обеда, молодой человек еще посидел в трактире, послушал сплетни и даже припомнил, как полтора года назад проходил практику в ОБЭП – отделении уголовного розыска по борьбе с экономическими преступлениями.

Гусар беседовал с одним, с другим, с третьим... И постоянно ощущал на себе чей-то тяжелый взгляд! Даже не взгляд – взгляды. Ну да, вон и вахмистр с одутловатым лицом, вон и усач-каптенармус...

Давыдову того и надо было! Напугать. Заставить работать – отыскать, отправить авангарду генерала Багратиона продукты и фураж!

Ночевать в Кенигсберге лихой гусар вовсе не собирался и ближе к вечеру вместе с верным слугой уже отправился восвояси, надеясь вернуться в расположение князя еще засветло. День еще больше распогодился, потеплело, всюду светило солнце. В воздухе стоял пряный запах весны: пахло свежеспаханной землей, нежными клейкими листьями и березовым соком.

Можно было, конечно, отправиться чуть позже – вместе с полубатальоном (плутонгом) пехотного капитана Ветошкина, с коим Денис познакомился там же, в трактире. С такими попутчиками, по нынешнему военному временам, было б и безопаснее и веселей... Да вот только не хотелось тащиться с пехотой. Медленно, однако, да.

– Ну, смотрите, ротмистр, – капитан – из мелких рязанских помещиков – причмокнул губами. – А то б я вам свои стихи почитал.

Вот этого Денис не хотел! Ветошкин уже пытался читать свои явно графоманские вирши, но гусар как-то сумел уклониться...

– Так не подождете?

– Увы, дела!

– Ну, тогда удачи, ротмистр. Бывай.

Давыдов и его слуга неспешной трусцой поехали по широкой дороге, накатанной колесами крестьянских телег. Кое-где было сухо и твердо, в низинах же случались лужи и коричневая вязкая грязь. Такие места объезжали полями и лесом... Вот как сейчас...

– Пожалуй, перелеском придется, вашбродь, – останавливая коня перед огромной лужей, озадаченно промолвил слуга.

– Перелеском так перелеском...

Заворотив коня, Денис глянул вперед, на заросли ольхи и вербы... Что-то сверкнуло... и гусар немедленно погнал коня прочь, свистнув Андрюшке...

И вовремя!

Из перелеска грянули нестройные выстрелы.

Ординарец тоже погнал коня на дорогу, выбрался, останавливаясь возле спешившегося Дениса.

– Никак хранцузы, вашбродь! Ох, недаром говорили – шалят. Однако что делать будем?

– Да ничего, – доставая пистолеты, хмыкнул гусар. – Подождем, посмотрим. Вряд ли они на дорогу выскочат. Головы под наши пули подставлять – дураков нет и у французов.

– Так лучше б обратно, вашбродь, – Андрюшка опасливо покосился на кусты. – Чего тут ждать-то будем? Ночи?

– Да лучше б ночь, чем его капитанское графоманство! – в сердцах пошутил Давыдов. – Однако, видно, от общества господина Ветошкина нынче нам уж никак не отвертеться. Ладно... стало быть, так тому и быть.

– А, это вы про наш плутонг, – догадавшись, обрадованно протянул слуга. – Да уж – лучше поздно приехать, да живым и не раненым. Это уж точно, ага.

Устроившие засаду французы и впрямь на дорогу выбраться побоялись, а может, просто долго раздумывали, решались – тем временем и подоспел плутонг. Еще загодя послышалась громкая солдатская песня, а потом и появились brave усачи капитана Ветошкина.

– О, вот это встреча! – обрадовался капитан. – И что вы тут сидите? Засада? В тех кустах? А ну-ка, ребята...

Махнув рукой солдатам, капитан вытащил пистолеты и погнал лошадь к зарослям... да так быстро, что терзаемый любопытством Денис едва поспевал за ним. Позади бросились бегом пехотинцы, кто-то даже крикнул «ура»... Увы, напрасно – французов уже и след простыл. Остался лишь зацепившийся за сук клочок синего французского мундира да запах. Мерзкий запах гнили.

– Видать, лиса кого-то ела, да не доела, бросила, – поморщившись, с ходу определил Ветошкин. – А сукно – да, французское. Доброе сукно.

Впрочем, были ли это французы? Может, кое-кто другой? Гнездо-то Давыдов нынче разворошил осиное. Оставленный клочок ткани наводил-таки на размышления – слишком уж оказался большой, приметный. Словно

специально оставили.

Как бы то ни было, а гадай теперь, не гадай, все равно ничего не угадаешь. Оставшуюся часть пути и вечер у костра и в походной палатке Денису все ж таки пришлось выслушать капитанские вирши. Ветошкин всерьез считал себя поэтом, при этом частенько пренебрегал рифмой и клал в строчки столько личных местоимений, что у слушателей вяли уши от этих бесконечных – ему, она, ей...

– Молвила она ему, и ей, и им – скорее, братцы, победим!

Вот, примерно в таком ключе. Впрочем, это было лучше, чем шальные французские пули.

* * *

Подводы в авангард все же прибыли, за что Багратион лично поблагодарил своего адъютанта:

– Вот уж, ей-богу, не думал, что так скоро все сладится. Ай да Денис Васильевич, ай да хват! Господи... тут тебя давно один офицер дожидается... Один поручик из Санкт-Петербурга... приехал в свите государя. Сказывал, тебя страсть как хочет увидеть... Как бишь его? Ах да... Князь Озерский, да – так.

– Поручик Озерский? Из Петербурга? – обрадованно переспросил гусар. – Неужели Ванька? Кавалергард, лихач и ёра! О, бог мой...

– Вижу, ты ему рад... – генерал потерябил кончик носа. – Не смею более задерживать...

– Но, ваше высоко...

– Ну, иди, иди. Встречай друга скорей.

Поручика Давыдов отыскал на постоялом дворе, расположенном невдалеке от штаба. Рослый круглолицый и краснощекий богатырь с небольшими пшеничными усиками, увидев Дениса, тут же вскочил на ноги и сдвинул гусара в своих поистине медвежьих объятьях.

– Ну, здоров, коротыш! Как жив будешь?

– Здорово, Гора Медведевич! Ну, пусти, пусти, раздавишь.

– Ах, как же я рад! Чертовски рад, Денис! Слышал, слышал про твои подвиги. Говорят – целый полк французов один разогнал?

– Ну, не полк...

– Ла-адно! Хотя бы – роту.

Озерский тут же организовал и пьянку. Да Денис был не против –

после встречи с вороватыми интендантскими мразями хотелось расслабиться в обществе надежных и добрых друзей. Давыдов тотчас же послал Андрюшку за сослуживцами-адъютантами да за своими, гусарскими – поручиком Бровенчиным и штабс-ротмистром Анкудеевым.

– Ну, что, господа, жженки? – азартно хлопнул в ладоши князь. – Наслышан, наслышан про ваш гусарский напиток.

Давыдов улыбнулся:

– Жженку так жженку. Мы все не против. Только вот жалованье...

– Да брось, Денис! Я предложил – я угощаю.

– Славно! Ну, и мы что можем в общий котел. Верно, друзья?

– Верно, Денис! Верно!

Выслушав одобрительные крики, ротмистр повернулся:

– Эй, кабатчик... Любезнейший... Свечи, шампанское, сахар – есть?

– Для вас, господа, найдется!

Седобородый трактирщик в длинном черном сюртуке с достоинством поклонился... правда, замялся насчет водки.

– Водка, конечно, есть... Но можжевеловая.

– Ой, нет, можжевеловая не пойдет, – замахал руками гусар. – Она нам весь вкус испортит.

– Тогда, ежели господа чуть-чуть подождут, я пошлю мальчонку... тут недалеко, да...

– Посылай! – с жаром одобрил Озерский. – На вот тебе денег... бери!

Запылала свеча. Потек по обнаженным сабельным клинкам расплавленный сахар... пуншем ахнуло в водку шампанское...

– Еще флакончик «Тройного» одеколона – и напиток богов готов! – пробуя, пошутил Дэн.

Выпили... Давыдов начал читать стихи...

Ради бога, трубку дай!
Ставь бутылки перед нами,
Всех наездников сзывай
С закрученными усами!

Ну, конечно же, это был «Гусарский пир», сочинение столь известное, что не стоило и говорить.

– Ах, Давыдов! Ах, Денис! – расчувствовался гость. – Ну, надо же, вот

так наконец встретились! А помнишь Петербург? Салоны, казармы... А как ты старого князя Каменского напугал – об том до сих пор легенды ходят!

– А как Денис Васильевич князя напугал? – любопытствовал Бровенчин.

Озерский всплеснул в ладоши:

– Как, поручик, вы до сих пор не знаете? Дело было в одной гостинице, когда известный вам Денис Васильевич... Впрочем, давайте-ка выпьем! За встречу, за боевое братство, друзья!

Потом играли в карты по маленькой. Все, кроме Дениса – тот, как дал матушке обет, так его и блюл – свято. Батюшка-то, Василий Денисович, бывало, проигрывался в прах, едва ли не до нищеты полной...

За картами, конечно, еще выпили, раскурили трубки, и тут вдруг зашел разговор про охоту, про волков. Озерский Иван – охотник страстный, да и Бровенчин с Анкудеевым на охотах не одну собаку съели. Было о чем поговорить.

– Волк – зверь умный, хитрый. Попробуй его на приманку вымани!

– Ваблять надо, ваблять.

Ваблять – это и значило приманку делать, ставить.

– Ну, про вабление-то я вам сейчас много чего расскажу...

Денис не особенно слушал – запьянел, да и устал, чего уж. Тем более что с охоты разговор плавно перешел на женщин. Про дам высшего света. Кто, когда да с кем. Мужики – те еще сплетники, особенно в дружеском кругу да под водочку. Вот и нынче языки чесали – будьте нате! Подслушал бы кто да донес... может, и Сибири б не миновать. Впрочем, времена тогда были простые, военные...

– Вот, Маша Нарышкина, Мария Антоновна, красавица, каких поискать... Все знают, что она с государем, да... И что таиться?

– Так она особо и не таится.

– Нет, господа! Приличия же надо соблюдать.

– Марью Антоновну па-апрашу не трогать! Она мне сильно в одном деле помогла. Без нее я бы здесь, при князе Петре Ивановиче, не очутился бы!

– Сказал не трогать – не будем, – покладисто согласился гость. – Вот у Марьи есть еще старшая сестрица, Жаннетта. Так вот она, скажу я вам... с великим князем Константином, да-а!

– Да неужели так?

– Так, так... Уж я про то наверняка знаю.

После женщин зашла речь о войне. Тут уже никто не острил, не

ерничал. Все сошлись в одном – Наполеон Россию в покое не оставит. Обязательно нападет.

* * *

К началу июня Наполеон стянул войска под Фридланд, небольшой прусский городишко с узенькими улочками и столь же узкими домиками, крытыми коричневатой-красной черепицей. Русские войска, следуя приказу главнокомандующего, генерала Беннигсена, расположились на противоположном берегу быстрой речушки Алле, заняв почти всю речную долину, надо сказать, довольно-таки узкую и не оставлявшую достаточного пространства для маневра.

На том же берегу, чуть подальше, в лесу, скопились французские гренадеры маршала Удино, и Беннигсен почему-то решил, что они оторвались от своих главных сил. А раз оторвались, так надо скорее атаковать, разгромить, действуя решительно и дерзко. Правда, в случае отступления, увы... Позади река и всего четыре хиленьких понтонных мосточка.

– Что ж, ребяташки, разгромим Удино! – геройствовал на марше кто-то из егерей. – Всего-то дивизия! Не так уж и много. Разгромим. А потом и на Бонапартя всей силой навалим!

Командующий арьергардом князь Багратион, однако же, выглядел невеселым. Длинный нос его понуро повис, черный дрожащий плюмаж на генеральской шляпе наводил на грустные мысли.

– Эх, Беннигсен, Беннигсен, – краем уха услышал Давыдов сетования Петра Иваныча. – Разведки должной не произвел... а теперь чего ж. Не тот человек Бонапарт, чтоб дивизию Удино отдавать на растерзание. Нет, не тот. Ко всему готовиться надо.

Перейдя реку по понтонным мостам, русская армия принялась выстраиваться для скорого боя. Развевались шитые золотом орленые стяги, барабанщики ударили бодрящую дробь, запели фанфары...

И в это момент откуда-то из-за леса грянули выстрелы полковых пушек. Просвистев в воздухе, ядра накрыли один из мостов, большей же частью упали в реку.

– Наступать! – выхватив шпагу, яростно выкрикнул Багратион. – Промедление смерти подобно. Нас тут просто... как кур...

Призывно затрубили трубы, пехотинцы опустили ружья – грозно засверкали штыки. Конница – гусары, драгуны, уланы – растеклась широкою... Лавой... Точнее говоря, растеклась бы, кабы позволило место. Однако – увы... Пойменная долина Алле оказалась слишком уж узкой для кавалерии русских... И тем не менее воины сделали, что смогли!

Из лесу показались французы. Синие и белые мундиры, медвежьи шапки гвардейцев. Враги шли ровно, под угрожающую барабанную дробь, над их головами стреляли выставленные позади атакующих пушки. Стреляли настилом – плохо пришлось тем, кто еще оставался у самой реки, а таких было много. Большая часть драгун, почти вся пехота...

Вражеские ядра наконец-то настигли цель, врезавшись в самую гущу русских. Услышав позади стоны и крики, Денис лишь прищипорил коня да, выхватив саблю, врубился в ряды неприятеля. Здесь уже не стреляли. Здесь дрались лицом к лицу, яростно и жутко.

Взвив коня на дыбы, Давыдов с оттягом ударил саблей какого-то французского улана. Бедняга оказался еще совсем юнцом и смог парировать удары лишь пару раз, а затем упал назад, повис в стремях с разрубленной шеей, заливая все вокруг кровью. Денис нынче не думал о жалости. Да никто не думал – бой есть бой. Кого-то жалеть – себя ли, врагов – не то что вредно, так еще и некогда.

Заржала лошадь. Увидев мчащихся на себя драгун, ротмистр вспомнил про пистолеты, выхватил, выпалил... Один из драгун схватился за грудь, покачнулся, двое других же выставили вперед пики и с гиканьем поселились на Дениса...

Снова грянули выстрелы. Совсем рядом, парой. Помог кто-то из своих братьев-гусар. Денис не благодарил – некогда, – лишь сунул в седельные кобуры пистолеты да вновь выхватил саблю.

Со стороны реки ударили пушки. На этот раз свои, русские. Вновь запели фанфары, послышалось громовое «ура» – то ринулась в битву пехота. Ударили, потеснили французов к лесу!

Сердце Давыдова радовалось, гусары рванули на левый фланг, преследуя отступающих вражеских уланов. Те огибали лес, скакали неизвестно куда, лишь бы подальше от необузданной ярости русских!

– Так вас, так... – шептал на скаку Денис, чувствуя, что может сейчас всё.

Боевые товарищи неслись рядом, ветер бил в лицо, а враг бежал – что может быть лучше? Казалось, еще немного, и русские солдатушки выбьют гренадеров из леса... Однако нет...

– Господи, что это?

Ротмистр, а следом за ним и все прочие гусары из арьергарда резко осадили коня, увидев за лесом неисчислимые вражеские полчища. Французов было много, очень много, куда больше дивизии! Сверкали на солнце штыки и кирасы, развевались конские хвосты на драгунских шлемах, били тысячи барабанов. Мерной тяжелой поступью, уверенные в себе, шагали гренадеры Удино. А за ними... за ним еще и еще – без числа! Нет, никакая это не дивизия – армия! Наполеон не бросил своих.

– Господа гусары! – осадив коня, фальцетом закричал вестовой, совсем еще юный мальчик-улан. – Командующий приказал отступить! Немедленно отступить и занять оборону во Фридланде.

– Знали бы, что армия, там бы и ждали, – покусал усы гусар. – Что ж, братцы, уходим. Живо! Тут нам более ловить нечего.

Прикрывая отход русской армии, рывкала у самой реки артиллерийская батарея. Били картечью, заставляя французов залечь, не поднимая голов. Красные султаны на киверах, покачиваясь, торчали из травы... По ним следующий залп и ударил.

– А ну, робята! Бери ниже... Целься... Готовься... Пли!

Взметнулась взрыхленная шрапнелью земля. Разбросало в сторону кивера и султаны, и пойменный заливной луг обильно оросился кровью.

– За-ря-жай! Целься...

Понтонные мостики гнулись под тяжестью отступающих войск. Тут и там вставали из воды пенные фонтаны от упавших вражеских ядер. Артиллерийская канонада гремела так, что более не слышно было ничего – ни криков, ни барабанов, ни сигнальных труб.

– Скорее, братцы, скорей... – сумрачно подбадривал генерал.

Завидев Дениса, Багратион усмехнулся:

– Вижу, несладко пришлось. Что ж, будем живы – не помрем. Живо скажи, скажи – пусть пушки ставят прямо на улицах, у городских застав.

– Слушаюсь!

Денис глянул на мосты и покусал губы...

– Может, я на лодке? Быстрее выйдет. Вон там, я вижу, есть...

– Давай, – Петр Иванович махнул шпагой. – Пусть артиллерия пропустит войска и ударит... Вот как только первый француз покажется у реки – так и ударит.

Бросив лошадь ординарцам командующего, Давыдов бегом спустился к реке, не столь уж и широкой, но бурной. Еще издали гусар углядел

спрятанную в прибрежных кустах лодку, узенький рыбацкий челнок. Вот только весел ни в лодке, ни где поблизости не оказалось, да и некогда было искать. Глянув вокруг, Дэн заметил плывущие по реке щепки и доски – остатки одного из разбитых французскими пушками моста. Прыгнув в воду, молодой человек схватил доску, а уж потом, выбравшись на берег, стащил в реку лодку... уселся, поплыл...

Что-то ахнуло рядом. Ядро! Вода вздыбилась так, что утлое суденышко едва не перевернулось. Впрочем, фридландский берег уже был близко, если что – можно и вплавь... Вплавь, однако же, не пришлось – живо выскочив на берег, гусар, придерживая ташку^[3] и саблю, со всех ног понесся к городу.

Артиллеристов он отыскал сразу – подгоняя лошадей, те везли орудия вдоль реки. Лошади вязли в грязи и жалобно ржали, какой-то мордастый унтер-офицер от души потчевал бедолаг плетью.

– Стоять! Заворачивай! – подбежав, закричал Дэн. – Я – адъютант командующего лейб-гвардии ротмистр Давыдов. – Кто старший?

– Штабс-капитан Ратников! – бросив плеть, вытянулся мордастый. – Прикажете позвать, вашбродь?

– Живо!

Объяснив появившемуся артиллеристу суть приказа, Давыдов бросился к следующей батарее. Пока бегал, пока кричал, какая-то часть войск уже успела переправиться в город... Увы, большая часть осталась за рекой... На узком пространстве поймы французская артиллерия расстреливала русскую армию, как охотники – куропаток. Спокойно, не спеша.

Пару переправ саперы все же успели уничтожить, Впрочем, враги быстро навели свои, и вскоре в городе начался ад! За самое короткое время узкие улочки Фридланда буквально усыпались трупами. Русские, французы, пруссаки, итальянцы – все лежали рядом, часто друг на друге, крестом. Заколотые штыками, посеченные пулями и шрапнелью, с разбитыми головами, распоротыми животами, с отрубленными руками и ногами. Кто-то еще шевелился, стонал, и каждый камень мостовой был залит кровью.

Фридланд пришлось оставить – слишком уж были не равны силы, слишком много солдат потеряла Россия на узком пойменном лугу. Хмуро отстреливаясь, русские части вышли на дорогу, направляясь к Кенигсбергу, что находился верстах в тридцати к западу.

На этот раз Давыдов был вместе со своим генералом. Командующий

арьергардом славный генерал Петр Иванович Багратион делил вся тяготы войны вместе со своими солдатами. Поредевшие воины арьергарда валились с ног от усталости. Сказывались десять дней непрерывных боев, поистине страшные, кровавые дни.

– Кто-то скачет впереди, господин генерал! – присмотревшись, доложил Давыдов.

Багратион молча приложил к глазу подзорную трубу, от чего стал сильно похож на киношного пирата.

– Какой-то улан... – молвил сам себе под нос Петр Иванович. – Однако шибко скачет. Может, от главнокомандующего какая весть? Не думаю, правда, что добрая...

– ...надцатого уланского полка корнет Иевлев! – спешившись, всадник поспешно представился генералу. – Осмелюсь доложить, ваше высокопревосходительство. Ратманы Кенигсберга, узнав он нашем поражении, отворили французам ворота.

– Вот как, значит... – покачал головой князь. – Выходит, не наш теперь Кенигсберг... Выходит, не наш... Ладно! Ротмистр!

– Слушаюсь, ваше высокопре...

– Известить всех командиров – отступаем к Неману. Там, даст бог, отдохнем.

– Слушаюсь!

Однако же отдохнуть не пришлось. Не прошло и пары часов, как прискакал адъютант главнокомандующего Беннигсена, передав личный приказ арьергарду: встать на пути противника и прикрыть отход остальных сил.

– За мной, – нахмурясь, Багратион махнул адъютантам и медленно погнал лошадь вдоль маршевых колонн, понуро плетущихся к Неману.

– Приказывать нынче не могу, братцы... – сняв шляпу, поклонился солдатам генерал. – Вижу, какие вы... Знаю, как пришлось... Однако снова надобно драться. Окромя вас некому за Россию-матушку постоять. Не приказываю ныне – прошу.

Тяжело, угрюмо и молча русские колонны привычно перестраивались в боевой строй. Сверкнули на солнце штыки.

– Спасибо, братцы, – кланяясь, благодарил генерал. – Спасибо...

Денис Васильевич несколько пришел в себя лишь после Тильзита. Отступающие русские армии переправлялись по мосту через Неман. День выдался жаркий, однако Багратион хмурился, кутаясь в вечную свою бурку, типа той, что когда-то подарил Давыдову. Князь не любил проигрывать, отступление действовало на него плохо, навевало хандру и разные грустные мысли.

Глядя на командующего, загрустил было и Денис. Так бы ходил мрачный неизвестно сколько времени, если бы не услышал вдруг невзначай разговор нижних чинов. То ли это были пехотинцы, то ли из артиллерии, а может, и вообще егеря, не важно. Куда важнее неожиданно стали для Давыдова их слова, весь разговор их. Солдатушки говорили о России. Все! Неман – граница, дальше – родная земля, и Бонапартия туда пустить решительно никак невозможно. Вот просто никак. Костями лечь, но не пустить, не отдать Родину на разграбление. Солдаты даже не сомневались – «не отдадим, уж Бонапартию наkostenялем».

Все это говорили без всякого пафоса, обыденно и просто, словно само собой разумеющуюся вещь. И главное, ничуть не сомневались, что Наполеон будет разбит, а захватчики – изгнаны. Рано или поздно, а случится именно так!

Эта убежденность, уверенность в победе передалась и Денису... Тем более что молодой человек знал наверняка – так все и будет! Пусть трудно, кроваво, но... Будет отступление, будет Смоленск, оставленная на поругание Москва... Но будет и Березина, и Лейпциг, и русские войска в Париже!

Подумав так, Дэн устыдился грустных своих мыслей. Но ведь и правда – разобьем Наполеона! Это точно! Он, Денис, это знал. Так, выходит, и солдатушки знали? Чувствовали... Правда, вот доведется ли им дожить до славных русских побед?

Шли по мосту войска, отступали. Угрюмо, невесело, однако же – в полном боевом порядке. Со стороны занятого неприятелем Тильзита слышался гул орудий. Французы попытались обстрелять переправу... Опоздали. Уже переправились почти все.

В этот вот момент Петр Иваныч, никогда не забывавший о своих солдатах, вновь отправил Давыдова к интендантам.

– Ты уж, Денис Васильевич, голубчик, разберись, где там наши обозы? Ежели будут говорить, мол, пропали – не верь. Стой на своем и, если что, на меня ссылайся.

– Разберусь, ваше превосходительство! – вытянулся в струнку гусар. –

Разобрался бы и раньше, кабы не Фридланд.

Вновь прихватив верного ординарца Андрюшку, Денис набросил на плечо ментик и, вскочив в седло, поскакал в небольшое селение Амт-Баублен, в штаб главнокомандующего русской армией генерала Беннигсена.

Приехали быстро, и Давыдов, поручив лошадей Андрюшке, ходко поднялся по широкой вычурной лестнице вверх, в приемную залу, полную всякого рода людей. Штаб-квартира располагалась в огромном доме какого-то сбежавшего от войны литовского помещика. Толстые стены, башенки и развешанные по коридорам старинные щиты с гербами делали особняк похожим на рыцарский замок. Вполне себе романтическое место... кабы не тусующийся народец: офицеры, статские, какие-то подозрительные иностранцы с повадками лошадиных барышников и маклеров. Все суетились, бегали, шныряли, а Беннигсен, снисходительно сдвинув брови, обсуждал какие-то важные дела.

Как тут же выяснил гусар, командующий уже послал к Наполеону верных людей, готовить почву для перемирия, и теперь в штабе с нетерпением ждали приезда французских парламентаров.

Впрочем, Давыдову до этого не было никакого дела, имелся конкретный приказ наладить снабжение.

Схватив за локоть какого-то пробежавшего мимо драгунского майора, гусар спросил про интендантов.

– Снабженцы? Кажется, там, слева, во флигеле.

Махнув рукой, майор озабоченно побежал дальше по каким-то своим делам, видимо, очень важным.

Давыдов подался было к лестнице... и тут вдруг заметил Фельдена, интенданта! Вытянутое, приплюснутое с боков, лицо его выдавало нынче некое оживление. Впрочем, сейчас в штабе Беннигсена суетились все. И тем не менее...

– Ах, это вы, ротмистр... Да помню, помню я про ваши возы. Отправлю, сегодня же отправлю.

– Так я могу сопровождать?

– Да, да, конечно... Подождите пару часов – я сделаю все бумаги. Сейчас же, ей-богу, не до вас, прошу извинить...

Наскоро поклонившись, интендант вновь куда-то помчался... И вдруг все застыли! Разом. Ветром пронесся слух:

– Перигор!

– Французский посланник.

– Едет!

Ага, смекнул Денис – видать, этого-то черта тут все и ждали.

С лестницы спустился сам генерал Беннигсен в парадном, увешанном орденами мундире. Блеклое, как у вяленой воблы, лицо его больше походило на плутоватую физиономию биржевого спекулянта, нежели на волевое лицо русского генерала. Да он и не был русским, этот черт Беннигсен, даже подданным российской короны не был. Так, наемник... Прости, господи – государев слуга.

Вслед за генералом все подались на крыльцо, а во дворе уже показался посланник – чванливый молодой человек, расфуфыренный, словно петух. Луи-Эдмон де Перигор явился в сопровождении кирасиров и смотрел на русских, словно солдат на вошь.

– Вот ведь черт... – хмыкнул Давыдов.

Денис узнал его – года три назад мелькал в Петербурге на светских раутах этот тощий французский мальчик, племянник всемогущего Талейрана. Заискивал, улыбался, рад был дружить со всеми...

С тех пор Луи-Эдмон возмужал. Лицо его, раньше вполне симпатичное и юное, сделалось каким-то одутловатым, надменным. Впрочем, гусарский мундир посланнику очень шел, добавлял мужества – красные чакчиры, черный, расшитый золотом ментик...

Перигор и Давыдов вдруг встретились взглядами... Что-то человеческое промелькнуло на миг в глазах француза. Узнал. Но кивнул холодно, бесстрастно.

– А вот не угодно ли отобедать, господин посланник? – генерал Беннигсен был само радушие. Как и вся его свита.

Дэну стало вдруг неприятно – ну зачем так стелиться перед врагом?

– У нас, конечно же, не Париж, месье Перигор... Но милости просим! Угостим, чем бог послал.

Ну зачем! Зачем? Извечное русское гостеприимство превратилось здесь в какой-то обидный фарс.

Плюнув, Денис повернулся и решительно зашагал прочь, решив поискать поблизости какую-нибудь харчевню, где и перекусить вместе с верным своим Андрюшкою. Ординарца гусар нашел быстро... вернее, тот сам вдруг выскочил из кустов и выглядел при этом взволнованным донельзя.

– Денис Васильевич, барин... Там энтот... антидант... с хрэнцузами сговаривается!

– Интендант? С французами? А ну, веди.

Невдалеке от окружавшей штабной особняк ограды, на липовой аллее, в самых, вдалеке от чужого глаза, зарослях, о чем-то шептались двое статских, одетых, как обычно одеваются простолюдины с претензиями, – узенькие панталоны, сюртуки, шляпы. Лица статских было не разобрать, и о чем они говорили – не расслышать. Денис и Андрюшка затаились в соседних кустах, ближе подходить опасались.

Денис лишь шепнул:

– С чего ты взял, что...

В это момент один из статских вдруг дернул шеей... Знакомо так дернул... Каптенармус! Тот самый. Вон, усищи торчат – не спрячешь.

– Я его, барин, в трактире еще приметил... Они сперва там сидели.

– С чего ты взял, что второй – француз.

– Слыхал, как он говорил. На крыльце. А с этим они – по-русски. Про обоз – я слышал. Вот, думаю, не про наш ли?

– Посмотрим.

Давыдов нахмурился, соображая, что же делать? Если речь шла об их обозе, то нужно было срочно что-то предпринять. Отказаться от сопровождения? Ну, тогда возов точно не дождешься – пропадут по дороге, сгинут, как уже бывало не раз. Нет уж – ехать! Обязательно ехать... Вот только что-нибудь придумать... что?

А может, ни о чем таком эти хмыри и не сговаривались? Может... Однако тут уж лучше перестраховаться – продовольствие и фураж нужны как воздух! Именно за этим Багратион Дениса и послал.

– Вот что, Андрей Батькович... – глядя на уходящих заговорщиков, негромко молвил гусар. – Скачи-ка ты обратно, к нашим. Сыщешь там Бровенчина, поручика, да штабс-ротмистра Анкудеева. Обскажешь все...

Денис задумчиво пожевал сорванную травинку и продолжал:

– А еще скажешь – пусть верных людей соберут... Дорожек тут в нашу сторону не так уж и много. По какой именно поедem – не ведаю. Думаю, возчики выберут самую заброшенную. Так что Бровенчин с Анкудеевым пусть такую и ищут. А я, ежели что, подам сигнал. Понял всё?

– Да как же, батюшка, ты?

– Скачи! Мне после Фридланда ничего уже более не страшно и сам черт не брат.

Фельден не обманул, выписал все бумаги и велел со всей щедростью снарядить двадцать подвод.

– Это только первый обоз, ротмистр. Только первый обоз.

Правда, снаряжение затянулось за полдень: пока-то да се... Однако же

до вечера не тянули, понимали – в таком роде Давыдов мог отправиться и с утра. Лиходеям же нужна была ночь, темнота... если вообще Денис не нагнетал тревогу зря.

Да нет, не зря! Уловив ухмылку усатого каптенармуса, гусар про себя хмыкнул и уже был готов ко всему. Да-да, именно этот старый знакомый и сопровождал груз, следовало быть начеку.

Выехав на широкий Виленский тракт, проехали по нему верст пять, после чего вдруг резко свернули в лес, на неприметную узенькую дорожку, больше напоминавшую какую-нибудь партизанскую тропу.

– Там мост пушками разнесло в щепки, – дернув шеей, пояснил каптенармус. – Придется уж в объезд, лесом.

– В объезд так в объезд. Делай, как знаешь.

Согласно кивнув, Денис пришпорил лошадь и подался вперед, время от времени уклоняясь от бьющих по глазам веток. Чем дальше ехали, тем более густым и мрачным становился лес. Настоящая литовская пуща! Высокие деревья закрыли солнце, резко стемнело, хотя до ночи было еще далеко. Гусар настороженно проверил пистолеты и ташку – небольшую гусарскую сумку, в которую поместил кое-что, загодя приобретенное в трактире.

Ехали медленно, каптенармус словно бы специально тормозил обоз... Впрочем, так оно и было. Еще на поворотке усатый вырубил ветки – якобы для лошадей... Знак... Ну, конечно же, это был знак.

Да! Еще вдруг резко повеяло гнилью! Тот самый мерзкий запах... Верно, лиса сдохла... или медведь кого запромыслил, прибрал.

Тележные колеса вязли в грязи, вокруг становилось все темнее. Из глубины чащи вдруг послышался волчий вой...

Волки... Только их тут и не хватало!

– Волки, вашбродь, – выскочив откуда-то из кустов, пояснил усатый. – Тут их пропасть.

Давыдов беспечно отмахнулся:

– Так лето же – сытые. Чай, на обоз не нападут.

– Сытые-то они сытые, вашбродь... Однако ж от лошадок не откажутся, ага... Не успеем до ночи-то, – чуть помолчав, продолжал снабженец. – Надо бы заночевать. Полянку выберем и...

Денис молча кивнул. И впрямь, уже стемнело так, что едва можно было разглядеть дорогу.

Остановились на небольшой поляне около неширокого ручья с прозрачной студеной водой. Возчики напоили лошадей, развели костры да принялись кашеварить. Кто-то затянул песню...

«Похоже, эти не при делах, – подумал Дэн. – Слишком беспечны».

Наверное, можно было, сев у костра, поговорить с кем-нибудь, рассказать о возможной опасности, привлечь на свою сторону... Вот только усатый! Он таскался за гусаром неотлучно! Денис в кусточки по малой нужде – и этот там же, Денис – к костру, и каптенармус там уже, с котелком и ложкой. Следит! В этом никаких сомнений не было. Да что там говорить – какая-то часть возчиков тоже, несомненно, была в деле.

Тем не менее Давыдов незаметно осмотрелся, наметив пути к отходу. Настала ночь, и костры уже больше не горели – шаяли красно-фиолетовыми углями. Где-то невдалеке забила крыльями какая-то ночная птица, кто-то жалобно пискнул... и снова завыл волк. Выл, правда, недолго – убежал. Или кто-то спугнул.

Усатый улегся рядом, у того же костра, что и Денис, у соседней телеги. Прежде чем лечь, парочку человек назначил в караул. Наверное, своих. Эти накараулят, ага. Завернувшись в знаменитую бурку, Давыдов не спал, выбирая удобный момент... Ага, кажется, слышался храп... каптенармуса, похоже, сморило. Впрочем, может, это и не он храпел... Как бы то ни было, а выжидать дальше уже было опасно.

Выбравшись из-под бурки, осторожно отполз в сторону, затаился... Все было тихо, и молодой человек все с той же осторожностью пополз дальше, пока не добрался до последней телеги, что стояла у самого леса. Как заранее приметил Денис, воз сей был заполнен фуражом – овсом пополам с соломою.

Ползти сильно мешали пистолеты... но уж тут никуда не деться, приходилось тащить. Добравшись наконец-то до нужной телеги, гусар тихонько поднялся на ноги и, откинув рогожку, вылил туда целую бутылку лампового масла, ту самую, что таскал в ташке. Вылил и затаился. Теперь нужно было ждать.

Поднялся верховой ветер, зашумел ветвями, потащил по темно-синему небу плотные облака, заволакивая звезды. Здесь же, внизу, все еще было тихо, лишь слышались крики ночных птиц да отдаленный вой волка.

Однако... Чу!

Вдруг слышались приглушенные голоса... Шаги... Денис напряженно прислушался и, услышав французскую речь, решительно вытащил из ташки огниво... Теперь уже особенно не таясь, кляцнуло, высекая искру... Облитая ламповым маслом солома вспыхнула сразу же, занялась, загорелось неудержимо и ровно! Вокруг стало светло, как днем...

А Давыдова уже и след простыл! Не дожидаясь появления врагов, лихой гусар бросился в густой подлесок. На бегу выстрелил не целясь в

небо... Сначала из одного ствола... потом их другого... Выстрелил, да, бросив бесполезные пистолеты, затаился в густых и колючих зарослях.

На поляне метались тени, слышались возбужденные крики, голоса... Вот раздалось пару выстрелов... И все. Опять – только крики да тени. Видать, пытались тушить телегу... таскали воду из ручья. И еще – искали Давыдова. Не могли не искать.

– Денис Васильевич! Господин ротмистр!

Ага... кричи – не кричи – не сыщешь!

Вдруг послышался собачий лай! Вот это уже хуже... Это совсем нехорошо. Лай приближался... И тут вдруг где-то недалеко грянули выстрелы! Два раза. Один... И – чуть погодя – другой.

Денис улыбнулся:

– Братцы!

Взяв бросившегося пса на нож, гусар выхватил саблю и громко, изо всех сил, закричал:

– Эгей-гей, братцы!

– Денис! Где ты, друже?

Это уже кричали свои... Послышались выстрелы, сабельный звон, и Давыдов поспешно выбрался на поляну...

Правда, вот погусарствовать нынче не удалось – все уже было кончено, толком и не начавшись. Часть французов была убита, часть предпочла позорно бежать. У леса, дымясь, догорала телега, правда, возчики успели выпрячь лошадей и теперь понуро стояли поодаль, со страхом посматривая на невесть откуда взявшихся гусар.

– Денис!

Друзья привели с собой человек тридцать! Бровенчин, Анкудеев... и...

– Здоров, Коротышка!

– Озерский! Ты как здесь? Ну, здравствуй. Медведь-Гора.

Друзья обнялись... и вновь повеяло тем самым мерзким запахом... и где-то совсем рядом истошно завывали волки.

– За телеги! – с видом бывалого охотника распорядился князь. – Сейчас мы их... Денис, бери карабин...

Волки выпрыгнули из тьмы с горящими злобой глазами и без страха бросились на людей. Неужто и вправду оборотни?

Раздались выстрелы... Да нет, слова богу, не оборотни. Вот один упал, второй... Что и говорить – со всей стаей расправились быстро. Наступила полная тишь. Светало.

– Ага! Вот они чего так взбесились! – наклоняясь, князь Озерский взял

в руку осколок объемистой бутылки... с тем самым омерзительным запахом! – Помните, я как-то рассказывал о ваблении волков? Это приманка. Протухшая смесь рыбы и ворвани. На нее-то они и шли.

– Приманка... – положив карабин на телегу, тихо промолвил Дэн. – Андрей Батькович – и ты здесь?

– А как же, барин!

– Впрочем, не сомневался. Нашего знакомого-усача нигде не видел?

– Нет. Все пересмотрел, вашбродь.

– Значит, сбежал, тля... Значит, вот оно как... вот оно...

По крайней мере, с волками теперь становилось все ясно. Лиходеи снабженцы их просто приманивали, для того чтобы скрыть все свои неприглядные дела. Одно дело – убийства, тем более – убийство адъютанта командующего арьергардом, и совсем другое, когда просто волки загрызли. Никто и разбираться особо не будет – звери-с. Ловко придумано, что уж...

– Однако экземпляр! Взгляните-ка, господа.

Ванька, князь Озерский, ткнул концом карабина в мертвого волка. Вернее – в волчицу... Белую, с синими глазами... Не такой уж она и оказалась большой. И все же, все же... Как-то Денису было не по себе, он все вспоминал тот случай, когда волчица едва не напрыгнула на него, не впилась в горло. Что-то удержало ее... что? Неужто заговоренная бурка, подарок князя Багратиона?

Глава 6

Шел снег. Густой и тяжелый, он падал хлопьями, налипал на ветви деревьев, засыпал сугробами едва видневшуюся дорогу. Взяв вожжи, Денис подогнал лошадь, запряженную в легонький кургузый возок, крытый потертой рогожкой. Такой возок, в случае чего, можно было бы без особенных затруднений выволить из снежного плена, подтолкнуть, помочь лошадке... Лихой гусар так делал уже не раз, ничуть не жалея, что, оставив обоз, вырвался вперед. Не очень-то хотелось тащиться вместе с неповоротливыми возами!

– Н-но, н-но! Хорошая, – причмокнув, Давыдов проехал еще с версту, а дальше в задумчивости остановил возок у развилки.

Занесенная снегом дорога ползла вверх по пологому холму, голому и почти пустому, поросшему лишь редкими кустами. Отходившая же слева узенькая поворотка ныряла в лес – и там-то сугробов навалило куда как меньше.

Денис задумчиво почесал подбородок. Кажется, именно так, лесом, и можно поскорее добраться до почтовой станции, заночевать – не коротать же ночь в чистом поле. Наверное, об этой дорожке и говорили возчики, предупреждая Давыдова, чтоб глядел в оба да вовремя свернул. Гусар и глядел... И свернул, вот...

– Н-но, милая! Пошла!

Весело заскрипел под полозьями снег, и в самом деле, не такой густой и плотный, как на открытой местности. Лошадка неспешно трусила мелкой рысью, Денис что-то напевал да поглядывал по сторонам, искренне восхищаясь настоящей финской чащей! Угрюмые, покрытые белыми хлопьями ели стояли плотной стеной, кроны высоких сосен закрывали небо. Тяжелые ветви качались на ветру, словно руки суровых лапландских колдунов, о которых Давыдов слышал еще в петербургских салонах, где его и застало известие о начале русско-шведской войны.

Лихой штабс-ротмистр был скор на сборы – и вот уже снова мчался на войну, начавшуюся с соизволения Наполеона, после Тильзита натянувшего маску друга России. С такими друзьями никаких врагов не надобно! Хотя что-то получить, воспользоваться случаем – почему бы и нет?

Гусар ухмыльнулся в усы и невольно передернул плечами – больно уж суровым казался этот густой финский лес. Нет, никакая не Лапландия, там и вообще, говорят, леса нет, одна тундра да эти самые колдуны-нойды. И

олени еще. Лопари их кровушку и пьют себе в удовольствие... говорят, что не только оленью. Да что с них взять? Дикий народ – самоеды.

– Н-но, залетная! Н-но! Давай-ка поднажмем. Пospеть бы до станции дотемна.

Верный ординарец Андрюшка что-то занемог, как видно, простудился, и Давыдов счел за лучшее оставить его пока с обозными – мало ли что? Времена военные, какое-то время можно обойтись и без слуги. Оставил, а теперь жалел. Вдвоем-то все было бы веселее.

Быстро сделалось темно, так что уже почти и не разглядеть дороги. Вот ведь приключение! А еще каких-то три дня назад Денис лихо отплясывал мазурку на балу у одной высокой особы. Да, были там девы – ах...

Причмокнув, гусар мечтательно прикрыл глаза... И едва не вылетел из возка! Проворная лошадка его вдруг неожиданно встала.

– Эй, эй, милая, что? Неужто волки?

Выбираясь в снег, штабс-ротмистр на всякий случай прихватил с собой пистолеты. Встречаться с волками не очень-то хотелось, особенно после приснопамятных событий в Восточной Пруссии. Вот там уж были волки так волки! Особенно – та белая волчица... Больше года прошло с того времени, а вот поди ж ты – в памяти все, как вчера. Ворюги-интенданты все же пошли под суд... правда, не все. Высокопоставленные их покровители даже легкого испуга не испытали. Что ж...

– Тихо, милая, тихо...

Погладив конька по гриве, Денис настороженно огляделся, прислушался. Никто не выл, ни близко, ни в отдалении, да и лошадка стояла себе смирно, не храпела, ушами не прядала, глазами испуганно не косила. Значит, слава богу, не волки... Да, господа!

Гусар вдруг расхохотался, рассмотрев, наконец, причину столь резкой остановки. Просто дорожка снова раздваивалась. И снова приходилось выбирать.

– Ах ты, моя умница-каурка, ух... Ужо доберемся до станции, задам тебе овса. Поди, любишь овес-то, ага?

Успокоив лошадь, молодой человек прошелся по повороткам, забрался обратно в возок и решительно повернул налево. Колея там выглядела куда более укатанной, видать, немало саней проезжало... в отличие от той дорожки, что справа. Там и вообще колеи почти не видать.

– Н-но, каурая! Думаю, уж немного осталось.

Да уж, немного, По рассказам обозников – еще версты две... ну или

три – так как-то.

– Давай, милая, поднажми! Н-но!

Давыдов хлестнул лошадь вожжами – не очень-то хотелось ночевать в лесу. Слишком уж неприветливо тот выглядел, угрюмо как-то. Да и финны... они как-то больше шведов поддерживали, те еще хитрованы.

Штабс-ротмистр проехал еще с полчаса и все высматривал станцию... А ее не было! Вот должна была быть, пора бы... ан нет. И что прикажете делать? Возвращаться обратно к развилке? Так темно уже... Неужто и впрямь придется заночевать в пути? Тогда уж было лучше остаться с обозными – все веселее.

Чу! А вот и волки! Явились, не запылились. Не хватало еще...

Услышав не столь уж и отдаленный вой, каурая всхрипнула, испуганно прижав уши.

– А ну-ка, вперед! Живо!

Вой-то раздавался откуда-то сзади, так что путь теперь оставался один – только вперед, без всяких возвращений. Да и куда возвращаться-то? Волкам в пасти?

Лошадка побежала ходко – видать, сама различала дорожку. Да и куда сворачивать-то? Кругом одни сугробы да самая непролазная чаща... Вот снова волчий вой! Опять же – сзади... и на этот раз, кажется, подальше... Неужто оторвались-таки от волчин, не почуяли добычу серые твари? Хорошо бы...

– Н-но, милая! Н-но!

Вой затих в отдалении, однако Денис все еще напряженно вслушивался в глухую лесную тишь, нарушаемую лишь скрипом снега под полозьями саней. Ехал... Посматривал... И вдруг услышал слабый крик!

– Тпррру!

Остановив возок, гусар наострил уши. Показалось? Да нет! Вот снова. Слабый такой крик... скорей, даже стон. Судя по всему – женщина или ребенок. Где-то совсем недалеко, слева...

Вытащив из возка фонарь, Давыдов поклацал огнивом и зажег фитиль. Желтоватый свет, дрожащий и тусклый, казалось, лишь еще больше сгустил темноту... Впрочем, кое-что все же было видно. Да и стон повторился.

– Эй, кто там? – громко крикнул Денис. – Сейчас я, сейчас...

Так, с фонарем, он и нырнул в самую чащу, пробрался по сугробам, меж деревьями и густыми кустами, оказавшись в самом настоящем урочище из древних финских сказаний! Мрачный сумрак, поваленные

ветром стволы, овраг, занесенный снегом...

И снова стон! Именно оттуда, из оврага... Подняв повыше фонарь, Давыдов раздвинул кусты, спустился... и увидел лежавшую в снегу женщину, точнее сказать – деву. В странной одежде, похоже, что из оленьих шкур... кажется, это называется малица или парка... Узкие штаны, на ногах – мокасины-торбаса. Смуглое, искаженное страданием лицо...

– Эй, что тут... Ах, вон оно что...

Левая нога девчонки угодила в капкан! Хороший такой капкан, на волка или на росомаху. Привязан к поваленному стволу цепью – не уйдешь!

– Ах, дева, дева... как же ты тут оказалась-то?

Поставив фонарь на снег, гусар наклонился и попытался разжать капкан... Не тут-то было! Тугие створки никак не хотели поддаваться, пришлось вытащить нож... да Денис рискнул бы и саблей, все равно девчонку нужно было как-то спасать, не оставлять же ее здесь, на съеденье волкам. А они ведь сожрут, рано и поздно... Да этой же ночью и доберутся!

– А ну-ка, потерпи, милая... Оп-п!

Клацнув, створки наконец раскрылись... Девушка застонала и что-то залопотала по-своему... наверное, по-саамски... Да, саамы – как вспомнил Дэн, именно так и назывался этот народ. Смуглое личико, чуть раскосые, вытянутые к вискам, глаза. Миленькая. На Тарью Турунен похожа, из группы «Найтвиш». Тарья ведь, кажется, саамка... Правда, эта совсем юница... хотя кто их, лопарей, разберет?

– Держи-ка фонарь... Давай... оп-па...

Сунув саамке фонарь, молодой человек подхватил ее на руки и, выбравшись из оврага, зашагал к возку...

Девчонка вдруг снова залопотала, указав рукой на валявшиеся в снегу лыжи. Короткие, широкие, подбитые волчьим мехом. Охотничьи.

– Да понял я... заберу я твои лыжи. Тебя вот в возок отнесу, и...

Денис так и сделал. Положив саамку в возок, сходил за лыжами, потом пристроил на облучке фонарь да взялся за вожжи... Поехали...

Девушка вдруг поднялась, схватив гусара за край отороченного мехом ментика. Что-то быстро заговорила, замахала руками...

– Обратно? – придержал лошадь Дэн. – Ты говоришь – обратно? Почему, там же... Ах, ты ж по-русски не понимаешь... по-французски, думаю, тоже... Может, тогда знаешь, где станция? Как бишь ее? Сабо... Сибо...

– Си-бо! Си-бо! – услышав знакомое слово, саамка обрадованно закивала и показала рукою куда-то вперед... вернее – назад.

– Точно туда?

– Ту-да. Ту-да. Си-бо!

– Ну, раз такое дело.

Быстро развернув возок, гусар подстегнул каурую...

– Ну, пошла! Пошла, милая... Н-но!

Снова заскрипел под полозьями снег. Правда, теперь Денис ехал обратно... К волкам, что ли? Выходило, что так...

– Эй, эй! – девчонка вновь схватила гусара за рукав, махнув рукой куда-то влево. – Ту-да. Ту-да. Сибо!

– Ах, там Сибо?! Надо же, а я эту поворотку и не заметил. Как-то так пропустил.

В самом деле, и немудрено было пропустить. Дорожка отходила в заснеженные кусты, так что и не сразу и заметишь, если приглядеться только... или знать. Как вот эта саамка знала.

– Н-но, каурка! Н-но...

Настегивая лошадь, Давыдов обернулся к девчонке и ободряюще подмигнул:

– Меня Денисом Васильевичем кличут. А ты кто? Вот я – Денис. Денис. А ты?

– Тарья.

– Тарья? – невольно хохотнул Дэн. – Ну надо же.

Позади, казалось, где-то совсем рядом вдруг завыл волк. В ответ ему слева послышалось ответное завывание.

– Почуяли! – хлестнул лошадь, гусар выругался сквозь зубы. – Окружают, сволочи... До станции-то далеко еще? Сибо, Сибо?

– Сибо! – откликнулась Тарья таким тоном, будто они уже добрались. – Сибо.

А ведь и впрямь добрались! Где-то впереди, за деревьями, показались отблески желтоватого света, послышался собачий лай.

– Н-но, милая!

Да лошадку уже и не надо было погонять – сама неслась, почуяв жилье и теплое стойло, так что уже совсем скоро возок выехал к распахнутым воротам почтовой станции. На просторном дворе при свете факелов сутились люди, видать, только что приехал какой-то обоз или привезли почту. В станционной избе призывно светились окна.

– Ну, слава те, Господи, добрались! – выпрыгнув из возка, искренне перекрестился гусар. – Эй, кто тут главный? Смотритель, смотритель где? Ты смотритель? Лошадку мою распряги – и в стойло, овса. Девушку – в дом. Надо бы ей помочь...

Смотритель – тучный бородатый финн средних лет, в вязаной, с

козырьком, шапке, – похоже, не понимал по-русски ни бельмеса. Хотя нет... все же кое-что, наверное, понимал, ибо, подозвав работников, указал им на лошадь и девушку. Убедившись, что каурую завели в стойло, Давыдов вошел в дом следом за смотрителем. Работники занесли туда же и Тарью, правда, не в общую залу, а куда-то еще, помещений в приземистой станционной избе хватало.

Что сразу поразило Давыдова, так это какая-то невероятная, совершенно нерусская чистота! Ни тебе тараканов, ни запечных сверчков, ни даже лубочных картинок на стенах. За столом, на широкой лавке, сидел какой-то молодой офицер, судя по серо-зеленому, с красными обшлагами, мундиру – из пехотных.

Завидев вошедшего Дениса, офицер немедленно вскочил на ноги, круглое добродушное лицо его озарилось самой неподдельной радостью.

– Ах, черт возьми, как же я рад увидеть здесь русского. Тем более гусара! Разрешите представиться, господин штабс-ротмистр... Поручик Архангелогородского полка Арсений Андреевич Закревский. Адъютант графа Каменского.

– Давыдов. Денис Васильевич, – штабс-ротмистр с улыбкой протянул руку. – Как видите – гусар.

– Денис Васильевич? Давыдов? – Тонкие губы поручика растянулись в еще большей улыбке, даже несколько растерянной, словно бы ее обладатель вдруг не поверил своим глазам. – Ужель тот самый?! Поэт!

– Ну да. Тот самый, – Денис не стал скромничать, в конце концов, они не в столичном салоне, а на войне.

– Ах ты ж боже мой, – радостно засуетился Закревский. – Какая встреча... Вот даже и не думал, а тут – вы! Вы знаете, что... вы... вот правда... ваши стихи у меня в заветную тетрадочку записаны, я ее повсеместно с собою вожу... А вот вы, Денис Васильевич...

– Можно по-простому – Денис.

– Ну и я тогда – Арсений. Так вот, Денис Васильевич... Денис... Может, у вас, как бы так, по случайности, какое-нибудь новое сочинение завалилось... Вы бы прочли, дали б переписать... Я был бы рад... душевно рад.

Глаза поручика светились самой неподдельной радостью, к тому же по всему чувствовалось, что офицер сей был человеком на редкость скромным... Но так любил поэзию, что даже попросил стихи, раскрасневшись от смущения.

Давыдов тоже был рад:

– Да есть, чего уж...

Примерно через полчаса новые друзья уже ужинали яичницей и финскими пирожками из ржаной муки с просом, посыпанных сверху вареными яйцами, перемешанными со сливочным маслом. У зрителя сыскалась и водка, так что стихи пошли совершенно в тему...

– Ничего, что любовные?

– Ну, что вы, Денис! Право слово, это ж здорово просто. Любовь!

– Ну, тогда слушайте...

Гусар поднялся на ноги и вытянул левую руку вперед, принялся читать нараспев:

И уста твои румяные
Еще более румянятся
Новой клятвой, новой выдумкой,
Голос, взор твой привлекательней!
И, богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья.

– Вот-вот! – радостно вторил поручик. – Вот именно так – улыбкою небесною. Кстати, а кто была та юная фамм, что внесли работники? Премиленькая... чем-то на итальянку похожа.

– Тарья ее зовут, – налив водку, улыбнулся Денис. – Из лопарей... Они ведь, знаете, как цыгане – везде кочуют, не только в Лапландии. Пошла на лыжах да угодила в капкан. Пришлось доставать.

– Экая бедняжка!

– Ну, надеюсь, хозяин ее вылечит.

– Вы о зрителе? – Закревский неожиданно засмеялся. – О, скажу я вам, он тот еще жук! Притворяется, что совсем не говорит по-русски. Однако же, шельма, понимает все! Ну, Денис, ну еще почитайте...

– Да извольте, вот...

Ты резвостью мила;
Но вздох, но томный взор,
Но что задумчивость твоя мне обещают?
Сказать ли всё тебе?
Уж в свете примечают,
Что ты не так резва, беспечна и меня

Безмолвно слушаешь.

– Ах, здорово! Право же, здорово, господин поэт!

Вчера рука твоя
Моей не покидала, —

довольно продолжал Денис.

Она в руке моей горела, трепетала,
И ты глядела — на кого?
Глядела на меня, меня лишь одного...
Я видел всё... да, я люблю тобою!
Как выражу восторг я сердца моего?

– А эта ваша дикарка — определенно премиленькая! — поручик покачал головой и хапнул водки. Выпил и гусар.

Друзья разошлись уже далеко за полночь, Давыдову постелили в гостевой комнате, Закревский же почивал в закутке на сундуке. Что и говорить — по-походному!

Она явилась к нему почти сразу же. Та самая девчонка, Тарья. Не спрашивая разрешения, вошла чуть прихрамывая. Босая, в узких оленьих штанах и просторной рубахе. Черные волосы рассыпались по плечам, большие зеленовато-карие глаза светились отблеском далеких лапландских льдов, подсвеченных сполохами северного сияния. Действительно, миленькая... красивая даже...

– Ты что-то хотела, Тарья? — шепотом осведомился Денис, как будто эта юная саамка его понимала.

Не говоря ни слова, девушка улыбнулась и, усевшись на край жесткого ложа, погладила гусара по руке. Как видно, благодарила за свое спасение. Причем благодарила от всей души... и очень и очень страстно! Гусар даже не делал ничего и ни о чем таком не думал...

Девушка провела пальцем по губам Дениса и тут же сбросила с себя рубаху, явив Денису свое юное нагое тело со смуглой шелковистой кожей. Давыдов не выдержал — поласкал налитую девичью грудь с теплыми

коричневыми сосками, быстро твердеющими в умелых руках. Потом дотронулся до пупка, погладил по спинке, по шейке... принялся целовать... Ладонь гусар скользнула в узкие оленьи штаны... девушка застонала, выгнулась, сбрасывая остатки одежды, в чуть раскосых глазах ее засверкало жгучее желание любви...

Скрипело ложе, слышались приглушенные стоны... а потом Денис провалился в глубокий сон... то ли сон, то ли явь... У Дэна почему-то было неприятное чувство, словно бы кто-то специально провалил его в забытие, залез в мозг... Кто знает, быть может, эта страстная саамская девчонка и впрямь оказалась колдуньей?

Денис – курсант полицейской академии Дэн Давыдов – шел куда-то по длинному коридору, освещенному мерцающе-мертвенным светом жужжащих люминесцентных ламп. Шел неизвестно куда... Словно кто-то бы его вел, желая что-то вызнать... что? Коридор закончился, и молодой человек внезапно остановился у большого зеркала. Остановился и долго смотрел на себя так, как будто бы прежде того никогда своего изображения не видел! Вернее сказать, словно бы кто-то смотрел на Дениса его же глазами... и даже не просто смотрел, а пристально рассматривал, делая это по какой-то своей надобности, с каким-то своим делом.

Дэн выглядел, как всегда – коренастая фигура, вздернутый нос, круглое лицо с заливчатским чубом. Вылитый гусарский поэт... вот только усов не хватало. Почувствовав некое неодолимое желание, юноша вытащил из кармана курсантское удостоверение... корочку... Поднес к глазам, тщательно рассматривая... Зачем?

Потом, убрав корочки в карман, достал смартфон, машинально вышел в Интернет... в мозгу словно в тумане встал образ нового приятеля, поручика... Дэн тут же набрал: Закревский Арсений Андреевич...

Русский военный и государственный деятель, генерал-губернатор Финляндии (1823–1831), одновременно министр внутренних дел (1828–1831), московский генерал-губернатор (1848–1859)...

Генерал-губернатор Финляндии! Будущий... Однако!

– Эй, эй, Денис! Денис Васильевич! Господин штабс-ротмистр... Вставайте... Да поднимайтесь же! Нас обворовали!

– Обворовали?

Сев на ложе, Давыдов недоуменно посмотрел на будившего его поручика и потряс головой...

– А где... Тарья... Ну, девчонка где?

– Она нас и обокрала! – Закревский возмущенно взмахнул рукой. – Все мои вещи перетряхнула, да и ваш дорожный сундук, я гляжу, расхристан. Гляньте-ка сами, Денис. Наверное, много чего пропало...

Накинув на плечи доломан, Давыдов полез в сундук:

– Деньги целы... Пистолеты – тоже... Но да – перерыто все!.. Черт побери... письма! Все исчезли... Впрочем, и деньги... Кажется, у меня куда больше было.

– Вот и у меня! И письма, и деньги... – поручик обескураженно пожал плечами. – Интересно, зачем ей письма-то?

– А точно она? Ну, Тарья... – гусар постепенно приходил в себя. – Откуда вы знаете?

– Так она не одних нас, она и зрителя обнесла! – неожиданно расхохотался Закревский. – Обнесла да скрылась. Ничего, что хромая нога! Зритель вон, весь в мыле бегают, ругаются. Вот ведь хитрая бестия – сразу и русский вспомнил!

Пока то да се, к обеду пожаловал и обоз. Тот самый, с которым изначально и ехал бравый гусар. Верный Андрюшка выглядел более-менее здоровым, чему Давыдов был весьма рад. Так вот и поехали дальше в Гельсингфорс, вместе с Закревским и слугами. По пути выпили и юную саамку вспоминали уже с улыбками и смехом.

– Нет, ну бестия, – в голос хохотал гусар. – Ну, надо ж так... Слушай, Арсений... А может, это и не она? Кроме слов этого чухонца зрителя у нас ведь никаких доказательств! Может, он все и украл... это чертов зритель.

– Может, и так, – поручик задумался. – Украл, а на девку свалил. Однако, с другой стороны, зачем ей тогда убегать-то?

Подумав, Давыдов махнул рукой:

– Так ли, не так... Чего уж теперь! Все равно – позновато мы спохватились.

* * *

Распростившись с Закревским в Гельсингфорсе, Денис Васильевич некоторое время присматривался к сложившейся обстановке. Назначенный главнокомандующим генерал от инфантерии Федор Федорович Буксгевден, судя по всему, покуда особенно-то воевать не стремился. Стоявшие в Гельсингфорсе войска лениво обстреливали Свеаборг, но штурмовать

крепость не спешили. Горячий гусар, так и не дождавшись штурма, плюнул на это дело и вскорости поспешил поближе к шведам, в Або, к своему покровителю и шефу князю Петру Ивановичу Багратиону.

Князь встретил своего адъютанта ласково, долго расспрашивал о Петербурге, а вот воинских приключений и подвигов, к чему так рвалась мятущаяся душа поэта, скоро не обещал.

– Окромя балов да увеселений, друг мой Денис, ничего покуда нет, – развел руками Багратион. – Отдыхай пока... или, ежели хочешь – на север, к Кульневу. У него там повеселей! Я б и сам с тобой махнул, да, увы... Езжай, коли хочешь.

– Ваше превосходительство! Так я хоть прямо завтра, – обрадовался Давыдов. – Хоть прямо сейчас...

– Ну-ну...

Улыбаясь, генерал потерев кончик длинного своего носа и неожиданно спросил:

– Как бурка-то моя, жива еще?

– Да не потерял! – рассмеялся гусар.

Князь махнул рукой:

– На севере-то она тебе, чай, сгодится – теплая. Ну, так-то завтра. Сегодня ж вечером – давай-ка на бал. Мадам Матильда Юстиус, местная баронесса, как раз дает нынче. Дом ее тебе всякий укажет...

– А вы, князь? Неужели не пойдете? – благодарно кивнув, осведомился Денис.

Петр Иванович покачал головой и снова дотронулся до кончика носа:

– То пустое... Мне уж тут, Денис, все от безделья обрыдло. А ты сходи перед дорогой, развейся. Там многие из наших рады будут тебя повидать.

Так и случилось. Все встреченные на балу офицеры, завидев знаменитого поэта, радостно улыбались, хлопали по плечу и просили прочесть стихи. Даже сам барон – сухопарый старик в старомодном накрахмаленном парике с буклями – довольно покивал головой и что-то сказал по-фински.

– Он сказал – мы раты фидеть столь фажного гостя! – тут же перевела баронесса.

Как оказалось, она немного говорила по-русски... и выглядела так, что Денис в первое время потерял дар речи. Нельзя сказать, что лихой гусар прежде того не видел красивых женщин, но эта... Эта была редкостная красавица, блондинка с карими большими глазами и чувственным ртом. Пушистые ресницы взлет, черные – ниточкой – брови, волнующая

вздымающаяся грудь, лишь наполовину прикрытая кружевным вырезом платья, нежные тонкие руки с белой прозрачною кожей...

– Исфольте познакомиться, косподин Тавыдов...

Мило улыбаясь, хозяйка бала представила гостю всех именитых гостей: хозяина лесопилки господина Лебиуса, молодого барона Штеермана, владельца многих лесных угодий, а также и некоего непонятного господина в коричневом сюртуке, тот представился банкиром.

– Шенгранн. Амадеус Шенгранн.

– Давыдов. Денис.

Дэн едва сдерживал улыбку: что и говорить, настоящие финские имена! Шенгранн, Лебиус, Штеерман...

Дальше пошли женщины. Мадам Лебиус, мадам Келле, мадемуазель... Да много их здесь имелось, молодых финских мадемуазелей, иные – прехорошенькие, но с красотой хозяйки салона не могла сравниться ни одна. Усевшись за богато накрытый стол, гости немного выпили. Почти сразу же заиграла музыка, господа и дамы пустились в пляс. Денис даже и подумать не успел о хозяйке – какая-то юная особа хватко дернула его за рукав доломана... Пришлось танцевать, не обижать же деву отказом. Тем более такое премилое личико... Где-то Дэн уже видел похожее... Черт! Ну, конечно же! Кайса Мякярайнен! Биатлон!

Кстати, девчонку так и звали – Кайса. Точнее – Анна-Кайса. И это было все, что гусар смог о ней узнать – юная финка совсем не говорила по-русски.

После первого танца – это была полька – выпили еще, а потом уж господа офицеры принялись хором просить Дениса почитать стихи... Что и было проделано с блеском! Давыдов прочел и старые свои вещи, и новые, недавно написанные. Старые, еще с белорусских времен, касались веселых пиров и попоек, новые же были в основном о любви.

– О, вы как Шекспир! – искренне восхищалась хозяйка. – Сонеты, да... Так выпьем же, господа, за нашего поэта!

– За это стоит выпить, ага!

– Счастья тебе, Денис!

– Удачи. Бон шанс!

В высоких бокалах искрилось шампанское, кроме него слуги разносили и темно-красное, похожее на кровь, вино, невероятно вкусное. А вот водки совсем было мало, как под шумок поведал Денису один армейский капитан – финны водку почти не пили, боялись привыкнуть.

– А спиваются они, Денис Васильевич, быстро. Два-три бала – и все. За уши от водки не оттянуть.

Снова грянула музыка, пошли танцы... и снова красавицу-баронессу пригласил кто-то другой. Какой-то хлыщ-драгун...

С досадой крикнув, Давыдов ловко увернулся от пылких объятий супруги хозяина лесопилки и отошел в другой конец залы – к карточному столу и собравшейся за ним публике... Сам Денис никогда не играл, но посмотреть на чужую игру любил в охотку, уж тем более – поддержать разговор.

За картами обычно о женщинах не говорили – вели беседы серьезные, соответствующие столь же серьезным ставкам. Затрагивали и экономику, и политику, особенно внешнюю.

Вот и теперь, едва присев, заговорили о Наполеоне, о короле шведском Густаве Вильгельме, об англичанах. Беседа вышла какая-то нервная: начавшаяся русско-шведская война не имела особой популярности. Опять же – из-за Бонапарта. Именно он подзуживал императора Александра против своих врагов шведов. Александр и поддался – больно уж удобный выпал момент отхватить Финляндию. Тем более – тут кругом бывшие новгородские земли.

Поначалу игра шла по маленькой, однако же вскоре один из игроков высыпал на стол мешочек серебряных монет. Ухмыльнулся, подкрутил усы, глянув на окружающих с таким ехидством:

– Ну, что, братцы? Поехали?

Это был драгунский майор, высокий и сутулый, судя по всему – человек азартный. Унылое лицо его, обычное лицо уездного выпивохи, помещика средней руки, при сделанной вдруг ставке тотчас же оживилось, впрочем, оживились и все остальные игроки.

– Ах, вы, Иван Евфграфыч, так? Так и мы тоже... Вот вам!

– И я...

– Так что? Вскрываемся, господа?

– Вскрываемся!

На какой-то момент над карточным столом повис миг томительного азартного ожидания, того самого, что так мило сердцу всякого игрока, ради чего, собственно, люди и садятся за карты, частенько проигрывая подчистую все свое состояние, а бывает – и не только свое.

– Я пас!

– Пас!

– Однако марьяж, господа мои!

На этот раз повезло майору, и он тотчас же удвоил ставку. Игра стала еще азартнее, разговоры затихли. Бывший в игре господин Шенгранн – банкир, кажется, – взволнованно утерев рукавом сюртука выступивший на

лбу пот, извинился и покинул игру. Однако же не ушел, встал рядом с Денисом. Бритая, несколько одутловатая физиономия его выражала, однако же, самую крайнюю заинтересованность в исходе карточной схватки.

– Вот всегда вы так, господин Шенгранн, – раздавая карты, посетовал тощий пехотный ротмистр. – Только зачнется игра – как уже уходите. Жалко денег?

– Жалко, – банкир вздохнул и виновато развел руками. – Я ж все-таки финансист, господа.

– Ну-ну, господа, играем! – нетерпеливо махнул рукою драгун.

На этот раз ему не повезло – проигрался в прах, однако же хорохорился, подкрутил усы...

– Ставлю саблю! Хорошая сабля, трофейная... Под Фридландом отбил у француза...

– Э-э, батенька, – заметил Шенгранн шепотом, – так ты и мундир проиграешь.

– Думаю, до мундира не дойдет, – так же тихо промолвил Давыдов. – Майор-то хват. Уж всяко трофеи найдутся.

– Все и проиграет.

Банкир зябко потер ладони и, искоса поглядев на Дениса, неожиданно предложил подняться на второй этаж... как он выразился – в кулуары.

– Видите, все уже расходятся... Но некоторых баронесса приглашает на кофе.

– Нас же не приглашала?

– О, не извольте беспокоиться, господин штабс-ротмистр. Видите во-он того мальчишку-слугу? Ставлю десять против одного – он именно к нам бежит.

Юный слуга баронессы – ливрейный мальчик, круглолицый и белобрысый, как многие финны, – и в самом деле, углядев собеседников, направился прямо к ним и, поклонившись, что-то сказал по-фински или по-шведски.

– Вот видите! – засмеялся банкир. – Что я говорил? Идемте! Баронесса нас приглашает. Впрочем, не только нас...

Он что-то вполголоса бросил слуге, и тот мигом метнулся к картежникам...

– Ну, что ж вы стоите?

– Идемте! – Давыдов решительно махнул рукой и вслед за Шенгранном направился к широкой мраморной лестнице, застланной синей ковровой дорожкой.

Чайная комната баронессы была обита голубыми обоями сияющего китайского шелка с изображением каких-то рыбок и птиц. На столе, накрытом ослепительно-белой скатертью, слуги раскладывали столовые приборы, расставляли чашки. Десятки зажженных в позолоченных канделябрах свечей отражались в кофейниках, начищенных до зеркального блеска. Было жарко, дамы томно обмахивались веерами.

– Ах! Господин гусар... Не стойте же на пороге, господа. Проходите!

Голые плечи красавицы-баронессы едва прикрывала вуаль, а брошенный на Дениса взгляд обладал такой силой, что, казалось, сердце гусара сейчас выпрыгнет из груди. Как-то так вышло, что за столом они оказались втроем, по-видимому, все остальные приглашенные еще не явились, слуги же поспешно покинули помещение, повинувшись мановению хозяйской руки. Да! Еще не遠де, на диванчике, примостились две юные финки. Кайса Мякяра... Тьфу! Анна-Кайса и еще одна мадемуазель, чуть постарше. Девчонки оживленно болтали между собой и негромко смеялись, не обращая внимания на остальных. Ну, еще бы – по-русски-то не понимают ни бельмеса! В отличие от госпожи Матильды!

– Вы ведь недавно из Гельсингфорса? Как там? Расскажите! Я такая любопытная... Что и немудрено. Попробуйте-ка, поживите в нашей лесной глуши. Вот вам кофе... пейте... Да-да, можете закурить. Вы курите трубку! О, это так романтично. Шарман! Так что в Гельсингфорсе? Что командующий? У вас там много знакомых? Из каких полков? А у нас, в Або, вы с особой миссией? А как там Свеаборг, еще не взяли?

Сказать по правде, гость уже устал отвечать, с удивлением заметив, что акцент баронессы куда-то исчез... Впрочем, он и было-то, скорее всего, для шарма.

– О, князь Багратион – это да! Это – мужчина. А с Кульневым вы еще не знакомы?

С Кульневым Денис познакомился еще лет пять назад, когда, сосланный из лейб-гвардии за свои басни, уныло ехал к новому месту службы в Белорусский гусарский полк. Там-то, в Сумах, и встретились, подружились, а потом пересеклись уже в Восточной Пруссии...

Ничего этого Давыдов баронессе Матильде не сказал. К чему? Да и не слишком ли многое хочет знать эта обворожительная финка? Или она не финка, а шведка? Все может быть, особенно здесь, в Або... Хотя красива, чертовка! А глазищи-то – омуты, так и тянут к себе, так и тянут.

Однако это излишнее любопытство... тяга к подробностям... Ну, скажите на милость, зачем ей знать про драгунские полки? Впрочем, может, это и есть вполне женское желание... тем более тут и в самом деле – такая

глушь!

– Знаете, господин Давыдов, у меня есть мызы по всей округе. И в Гамле, и в Вазе... везде. Я почему и спрашиваю – там ведь, говорят, стреляют!

Понятно. Вот почему выпрашивает. За мызы свои боится, за имения.

– Вы пейте, пейте, господин гусар...

Конечно, Дэн не смел надеяться на большее, по крайней мере сейчас. Красавица-баронесса ведь была замужем, да и времени с начала знакомства прошло... часа три. Тем более и обстановка вокруг казалась слишком уж людной. Если и идти в атаку, так не сейчас. В другой раз... Обязательно!

Народ расходился уже, решил откланяться и Давыдов. Выйдя из-за стола, галантно поцеловал ручку баронессе, не забыл и про девчонок на диванчике. Те еще больше засмеялись, да по всему – рады были. Да, если что-то и хотели, так сказать ничего не могли, все лопотали по-своему.

Спустившись по лестнице вниз, гусар уже собирался выйти во двор, где дожидался его верный слуга Андрюшка с возком. Денис уже подошел к дверям... да вспомнил про трубку! Там ведь ее, на кофейном столе, и забыл... Хорошо, не ушел еще, не уехал.

Вмиг взлетев по лестнице, гусар издали еще услышал громкий голос красавицы:

– Ах, господин майор... Ну расскажите же, не будьте букой! Как Свеаборг? А Федор Федорович, командующий, как? Говорят, он недавно упал с лошади? Это правда? А у вас знакомые из каких полков? А в Або вы надолго? Знаете, у меня здесь, невдалеке – мызы...

– Пардон! – войдя, решительно поклонился гусар. – Забыл вот трубку...

Матильда всплеснула руками:

– Ой! А я-то и думаю – чья? Так вы уже завтра в Вазу? С утра?

– Как придется, мадам. Уж какие будут условия.

Еще раз поцеловав красавице ручку, Денис попрощался повторно. Девчонки-хохотушки все так же сидели себе на диванчике... Родительского пригляду на них нет!

Выйдя, наконец, во двор, гусар с удовольствием вдохнул полной грудью морозный воздух и, направляясь к возку, вдруг услышал голоса. Невдалеке от главного крыльца была распахнута небольшая дверь, судя по запахам – из кухни. Именно оттуда выскочила раскрасневшаяся девчонка... в расшитой мелким бисером малице и узких оленьих штанах. Черные волосы струились по плечам, блестел в льющемся из окон свете бисер...

Так же блеснули и глаза... зеленые, вытянутые, колдовские!

– Тарья! – узнав, ахнул гусар.

– Держите ее, держите! – завидев Давыдова, крикнул выскочивший из кухни Шенгранн.

Да-да, именно так, банкир выскочил из кухни! Интересно, что он там делал?

Поймать саамку, конечно же, не удалось, да никто особо и не ловил. Выскочившие из той же кухни слуги лишь размахивали руками да без толку суетились. Тарья (если это была она) ловко юркнула за ворота и исчезла во тьме.

– Воровка, – негромко промолвил банкир. – Я случайно заметил, поднял шум. Она – бежать, вы видели. Жаль, не поймали. Да эти лапландцы... они как цыгане – попробуй, поймай.

При всех своих словах финансист вовсе не выглядел расстроенным, по всему казалось, что не было ему до воровки совершенно никакого дела. Ну, убежала – и черт-то с ней! Зачем тогда кричал? А бог весть...

– Серебряные ложки украла, змея, – махнув рукой, Шенгранн негромко засмеялся. – Ну да ладно. Не обеднеет хозяйка-то.

– Вы по-русски неплохо говорите, – прощаясь, заметил гусар. – Да и она...

Банкир покивал:

– Ну да, ну да. Я ведь жил в Петербурге. У нас там отделение банка... На Мойке, знаете?

– Мойку знаю...

– Матильда же в детстве воспитывалась в русском пансионе, в Лапеенранте. Это такой ма-аленький городок в Южной Карелии, в России. Там много русских.

Простившись с новым знакомцем, Давыдов забрался наконец в возок, и верный Андрюшка ухватил вожжи:

– Н-но, милая, н-но!

Позади, на лестнице, освещенной падающим из окон светом, вдруг послышался смех. Любопытствуя, Денис высунулся из возка, глянул и присвистнул. Опять эта смешливая молодежь, девчушки-хохотушки, Анна-Кайса с подружкой. И куда их черт на ночь глядя понес?

– А ну-ка, Андрей Батькович, заверни!

Подъехав к ступенькам, гусар призывно махнул рукою:

– Эй, мадемуазели! Садитесь-ка, подвезу.

Девчонки замотали головами:

– Эй, эй! Киитос.
«Эй» – это по-фински «нет», это Давыдов узнал уже.
– Ну, нет так нет. Было бы предложено. Прощевайте, мадемуазели.
Адью!

* * *

Русским гарнизоном в небольшом городке Вазе командовал сводный кузен Давыдова Николай Раевский, с ходу предложивший Денису остаться у него в качестве штаб-офицера.

– Ну, а ежели ты, братец, сразу в дело хочешь, то тогда – да, к Кульневу! Яков Петрович как раз моим авангардом командует. У него там что ни день, то веселуха! Впрочем, и у нас скоро так же будет. Наступление, брат.

Финский городок Гамле Кульнев занял с ходу, еще до приезда Давыдова. Там его Денис и нашел – Яков Петрович, по своему обыкновению, занял самую неказистую халупу, предоставив своим офицерам выбирать куда более комфортное жилье.

Когда Давыдов вошел, то не сразу узнал своего старого приятеля и друга. Лишь когда тот встал, поднялся во весь свой высоченный рост, едва не ударившись о притолочину... Знакомые бакенбарды и пышная шевелюра прославленного воина и командира уже были тронуты сединой. Еще бы, он был старше Давыдова на двадцать один год, что ничуть не мешало дружбе.

– Ох ты, бог мой! Денис! Какими судьбами?!

Здоровенный седоватый детина в синем с голубой опушкой доломане гродненских гусар распахнул объятия:

– Ах, черт возьми, как же я рад тебя видеть! Как там князь Багратион?

– Велел кланяться, – Давыдов улыбался, чувствуя радость от встречи со старым своим другом. – Я вот у него к тебе отпросился. Примешь?

– Нет, прогоню! – захохотав, Кульнев облобызал гостя и тотчас же усадил за стол. – Садись, садись, дружище! Еды у меня нынче много. Третьего дня знатный шведский магазин взяли... Ах, Денис, Денис... Неправильно мы воюем, вот что!

Угощая Давыдова, Яков Петрович скорбно затряс головой:

– Неправильно, да. Слишком уж нерешительно, вяло. Надобно шведские войска бить, а не земли захватывать. Ну да ладно, схлестнемся

еще с врагами, ага. У тебя ж, поди, новые стихи есть? Прочтешь?

Целый вечер друзья проговорили о многом. Давыдов читал стихи, Кульнев рассказывал. О стойкости врагов, о «взволнованных» шведами финских крестьянах, организовавших в непроходимых лесах самые настоящие партизанские отряды. О том, что воевать надо куда как энергичнее, не так, как Буксгевден...

– Совсем-совсем не так, брат ты мой Денис! Ах, мы ж тут с Раевским... да на свой страх и риск... А шведы что-то задумали, явно! Ну, ты тут располагайся, а я пойду, проверю посты.

– И я с тобой, Яков Петрович! – тут же вызвался Денис. – Заодно спрошу – ты хоть когда спишь-то?

Кульнев пошевелил кустистыми своими бровями:

– Я, друг мой, не сплю и не отдыхаю, чтоб армия моя по ночам спала и отдыхала и ни в чем не нуждалась. На то я и командующий авангардом!

Надевая ментик, Яков Петрович покачал головой:

– Со мной, говоришь? Ну, пошли. Только знай – сам напросился.

Далеко, впрочем, идти не пришлось. Выбранная для жительства Кульневым халупа располагалась на самой окраине городка, в той его части, откуда вероятнее всего можно было ожидать внезапного нападения неприятеля. Караулы же располагались рядом в лесу, а также и на городских улицах с редкими заборами и домами. Именно такие, на вид позаброшенные, улочки и выходили на окраину.

Караулы оказались разномастными: службу несли и гродненцы, и ахтырцы (синие ментики и коричневые), да еще и драгуны. Еще издали слышав шаги, дюжие молодцы грозно закричали в темноту, спрашивая:

– Стой, кто идет!

– Павлоград! – тут же отозвался Кульнев.

В ответ тотчас послышалось:

– Сумы! Здрав-желаем, ваш бродь!

– И вам не хворать, братцы. Все подобру у вас?

– Подобру, господин полковник!

– Ну, служите дальше. Обо всем подозрительном докладывать лично мне!

Так проверили один караул, второй, третий, а когда добрались до последнего, восьмого, поста, в небе ярко выкатилась луна. Выглянула из-за облака, полыхнула бесстыдно, словно женская грудь из-под декольте, осветила все вокруг ярко-ярко: и темные, стоявшие в отдалении дома, и

камни, и занесенную серебристым снегом лесную опушку.

– А вот это нехудо, – глянув на луну, полковник ухмыльнулся в усы. – Ежели что задумают шведы – так сразу и видать. Наших же... Ты кого-нибудь видишь, Денис?

– Нет, – вглядываясь в запорошенные инеем кусты, Давыдов покачал головою. – Ничего не вижу. А что, тут пост?

– Именно пост, – негромко хохотнул Яков Петрович. – А, ну-ка... Эй! Петербург!

– Киев! – отозвались из-за кустов, вышли... И тотчас же что-то скользнуло в воздухе, просвистело над ухом, ударив в кривой ствол ольхи.

– Ложи-ись! – быстро крикнул Денис. – В снег все. Живо!

– В снег! – бросаясь в сугроб, Кульнев подтвердил приказ.

С минуту все затаились, выжидая... Стояла мертвая тишь, лишь откуда-то издалека налетевший ветер приносил волчий вой. Дэн покусал усы...

– Я гляну, что там?

– Осторожнее только... Давай.

Верховой ветер погнал по небу облака, затянул луну. Стало темно, и добравшемуся до ольхи Давыдову пришлось вновь дожидаться, когда посветлеет.

– Ну, давай же, выглядывай! – нетерпеливо шептал гусар. – Ну, скорее.

Наконец, из-за облака снова показалась луна, проглянула... и в призрачном мертвенно-серебристом свете Дэн явственно увидел воткнувшуюся в ствол стрелу! Гусар чуть привстал, протянул руку... И снова услышал свист, и едва успел упасть в сугроб, затаиться... Очередная стрела просвистела над самой его головой, упав в снег, в заросли. Затих, дождался темноты, пополз...

– Стрела, говоришь? – шепотом переспросил Кульнев. – Что, шведы уже башкир наняли или каких своих самоедов?

– А у них ведь есть!

– Есть. Лопари. Лапландцы.

Денис тут же вспомнил ту девчонку, Тарью. Смогла б она выстрелить из лука? Да запросто, наглости и проворства хватит! Правда, вот только зачем ей стрелять? Так, может, и есть – зачем! Может, вовсе не попрошайка она, не воровка, а шведский соглядатай, шпион. В вещах ведь не зря рылась...

С другой стороны, от Або тут все-таки далековато... Да и мало ли в Лапландии дикарей?

– Думаю, во-он от той сосны стреляли, – указал рукой гусар. – Судя по

траектории – так.

– Ага, – полковник согласно кивнул и шепнул: – Айда! Ползем к караульным.

Зашуршал под телами ползущих снег, хрустнули кусточки... Опять просвистела стрела!

– На звук бьют, – тихо промолвил Кульнев. – Проворные.

– Ага...

– Стой, кто идет! – словно бы из-под земли послышался приглушенный голос.

– Петербург, – Денис отозвался столь же тихо и осторожно, услышав в ответ:

– Киев.

Свои.

– Тут вон овражек, вашбродь...

– Вижу, вижу, – усмехнулся командующий. – Нехудо вы тут устроились. Ну что, братцы, так и будем куковать до утра?

– Зачем же? – Давыдов покусал заиндевевший ус. – Мы ту сосенку в окружение возьмем. Спокойно и тихо.

– Добро, – разрешил командир. – Эй, братцы! Все слышали? Один пусть здесь и дальше службу несет, остальные – ползком к сосенке. А дальше вот как...

Как Яков Петрович сказал, так и сделали. Неудобно было, конечно, ползти по заснеженному зимнему лесу, да деваться некуда, уж пришлось. Хорошо хоть сапоги гусарские узкие – снегу хватало мало. Вот только коряжье разное да колючие ветки за куртки цеплялись.

Однако вот и сосенка. Снова выглянула луна. С дерева, с самой вершины, вспорхнула какая-то птица...

Резко, на весь лес, прозвучал пистолетный выстрел... следом за ним другой – Дениса, и – разом – выстрелы из солдатских ружей. Мощные пули раздробили ствол сосны в щепки... что-то упало... или, скорей, соскочил кто-то. Пригнулся, бросился в самую чащу... исчез...

– Вашбродь, Яков Петрович! Сейчас мы его...

– Стоять! Живо на пост.

– Есть! Слушаемся.

Слышно было, как караульные подались обратно к оврагу.

Поднимаясь на ноги, полковник стряхнул с себя снег:

– Верно, местный охотник. Эва, как ходко убег. Хват! Поди, все тропки здешние знает. Нет уж, Денис, нам его ловить – попусту. Давай-ка лучше сосенку осмотрим, благо луна.

Друзья осмотрели все вокруг, как могли, тщательно. Обнаружили и небольшой запас стрел, и свежую лыжную, уходящую в чащу.

– Гляди-ко, стрелы-то оставил – пугливый, – ухмыльнулся Кульнев. – Ишь, лыжи приготовил, ага... Больше ничего вроде нет... Жаль, не задели.

– Жаль...

Кивнув, Денис снял перчатки и, опустившись на колени, обшарил снег под сосной... Ладони напоролись на какие-то небольшие осколки... стеклышки... Гусар поднес их к глазам, всматриваясь в призрачном свете луны...

– Бисер, – негромко промолвил полковник. – Самоеды таким малицы свои украшают.

* * *

На следующий день еще выяснилось, что стрелы отравлены. То ли кошка их облизала, то и собака – а только отравилась животина, закружилась, пала на снег, да пена из пасти пошла.

О найденном на месте происшествия бисере Денис рассказал только Кульневу. Тот, правда, лишь расхохотался:

– Девка, говоришь? Самоедка? Да ну... Тут без хитрых да ловких мужичков, чую, не обошлось!

– И все ж дозволю мне ее поискать, Яков Петрович!

Внимательно посмотрев на Давыдова, полковник потряс бакенбардами и махнул рукой:

– Что ж, неволить не буду. Ищи.

Получив соизволение своего командира, штабс-ротмистр дела в долгий ящик не откладывал, не любил. Уже к обеду вызвал в штаб всех ротных и полковых писарей да задиктовал «приметы опасной шпиёнки». Как учили в академии – составил словесный портрет.

– Среднего роста, астенического телосложения...

– Какого-какого, вашбродь?

– Хм... худая, да. Очень. Грудь маленькая, размер ноги – тоже. Лицо смуглое, чуть скуластое... однако же не слишком, волосы черные, средней длины, глаза миндалевидные, зеленовато-карие, большие... Откликается на имя Тарья. Одета... шубейка такая оленья – короткая, с бисером. И штаны.

Дэн понимал, что вполне может быть, что это вовсе не саамка стреляла. Однако же кроме нее никаких подозреваемых у него не было. Да

что там гадать – она, не она... Поймаем – спросим.

Впрочем, поймать, однако же, не пришлось, хоть все листы с приметам были розданы каждому караулу. Может, сбежала девчонка, а может, и впрямь не она была. Однако же – бисер, бисер... Хотя тоже у любого саама бисер мог быть – дикий народ, любят всякие блескучие штуки.

Как бы то ни было, а до конца марта караулы так никого и не задержали, а уж в начале апреля стало не до того: командующим авангардом Яков Иванович Кульнев велел трубить поход.

– Отправляемся на север, братцы! Цель – шведские отряды в районе Улеборга. Надобно их оттуда выбить, ясно?

– Ясно, вашвысокбродь! – хором откликнулись выстроившиеся на опушке леса солдаты.

Кроме пехоты, в рейд отправилась и легкая кавалерия – «синеголубые» гродненские гусары и «коричневые» ахтырцы. Денис сильно среди них выделялся своей красной с золотом лейб-гвардейской формой, представляя собой прекрасную мишень... однако же менять мундир не собирался – то позор для гусара!

Поэта и заводилу Давыдова во всех полках знали и приветствовали почти столь же радостно, как и Якова Петровича. Впрочем, Якова Петровича все равно громче, он же всем был словно родной отец. Об отцовской заботливости Кульнева о своих воинах в армии ходили легенды, ничуть не приукрашивающие действительность.

Денис, как всегда, был в первых рядах, пустившись в разведку вместе с лихим взводом гродненцев во главе с веселым поручиком Культяковым. Здесь, в суровых финских землях начало апреля – еще зима. Самая настоящая – с сугробами, с метелями, с озерами, покрытыми льдом. К такому-то вот озеру и подошли гусары, оставив коней в лесу. Подошли скрытно, подобралась, прячась в ольховых зарослях. Культякову показалось, будто бы именно с этой стороны слышались голоса. Правда, пока никого видно не было.

– Может – эхо? – поправив новенький синий ментик, предположил восторженно безусый корнет. Антон Иванович, кажется, но все – даже рядовой состав – звали его по-простому – Тошка.

– Сам ты эхо, – беззлобно прошептал Культяков. – Эхо совсем не так... А вы, господин штабс-ротмистр, что скажете?

– Скажу, что подождать надо, – Денис ухмыльнулся в усы. – Послушать. Хотя бы какое небольшое время высидеть. Озеро, вон,

вытянутое, словно река. Супостату дорожка удобная.

Как решил Давыдов, так и поступили. Затаились, затихли, так что слышно было, как чирикают неподалеку, в лесу, птицы. Чай, апрель – месяц весенний, день-то прибавился, да и солнышко все чаще показывалось, сверкало.

– Синички, – подняв голову, прошептал корнет.

– Сам ты синичка, Тошка! – Культяков покачал головой. – Коростель это... вишь, как высвистывает – фью-фью, фью-фью...

– Тсс! – шикнул на обоих Денис. – Ишь, рассвистелись... О! Гляньте-ка...

Увидев, как на том берегу вспорхнула в небо стая ворон, Давыдов приложил палец к губам:

– Кто-то спугнул, ясное дело.

– Может, финны? – поручик подергал ус. – Там, верно, прорубь. За водой ходят. Тут деревня рядом, Калайоки.

– Рядом-то рядом... Однако там, у деревни – река. Зачем им на озеро за водой тащиться?

Штабс-ротмистр посмотрел вдаль... И вдруг снова слышались голоса! Отдаленные, но весьма отчетливые... похоже, что кто-то что-то спрашивал, кто-то отвечал... а вот грохнули смехом!

– Не таятся совсем, – себе под нос промолвил Тошка. – Значит, местные.

– А может, и шведы, – Культяков покачал головой. – Кого им тут опасаться-то? Финны – за них, а про нас они, смею думать, не знают.

– А может... Опа!

Отведя от глаз ветку, корнет так и застыл с открытым ртом. Все тоже притихли, напряглись, увидев показавшихся из-за леса людей в киверах и темно-синих, с желтыми отворотами, мундирах.

– Шведы! – покусал губу Денис. – Однако много... Так, быстро уходим – доложим командующему. Осторожней только, внимание не привлекать.

До леса пришлось ползти, а там уж – меж деревьями, по слежавшемуся толстому снегу. Добравшись до лошадей, гусары вскочили в седла и наметом понеслись по лесной дорожке.

– Шведы? – выслушав доклад, Кульнев неожиданно улыбнулся. – У Калайоки? Так вот, значит, они где. А мы-то их не там ищем... А ну, братцы! По-тихому, рысью... Конница врага боем займет, а там и пехота подоспеет. Вперед! С Богом!

– Пер-рвый эскадрон... стройся!

– Второй эскадрон...

– Третий...

Войско выстроилось быстро, без суеты. Пехотинцы закинули на плечи ружья, гусары приготовили штуцеры и пистолеты. Штуцер – это такая короткая винтовка. Стреляет, в отличие от тяжелого гладкоствольного солдатского ружья – мушкета или фузеи, метко, однако заряжается долго, опять же – с дула. Дэну, к слову сказать, штуцер нравился куда больше пистолета – можно было спокойно на дальнее расстояние бить, да еще и метко. Пистолет же... Когда белки глаз противника разглядишь – вот тогда и стреляй, раньше даже и не думай, не попадешь ни в кого, разве что в белый свет как в копеечку.

– Ать-два, ать-два, ать...

По зимнику печатала шаг пехота. В барабаны покуда не были – задача стояла подойти к противнику скрытно. Вот затеют гусары бой, вот тогда...

– Вон они! – вскочив на холм, Давыдов осадил коня и глянул на полковника. – Вон они, Яков Иванович! А много... Пожалуй, батальона три...

– Для наших солдатушек – в самый раз! Готовьтесь к бою... – оглянувшись на своих гусар и казаков, Кульнев взмахнул саблей. – А ну, ребятушки... Не посраим российскую честь! Вперед, братцы! Ура!

– Ур-р-а-а-а!!!

Пронесся, раскатился эхом грозный воинский клич. Бросив лошадей в намет, гусары ринулись на врагов, что находились невдалеке от видневшейся за редкими деревьями деревни.

Из-за низких палевых туч выглянуло вдруг яркое солнышко, вспыхнуло на эполетах, зажглось, отразилось в золоченых орлах на киверах рвущихся в бой гусар, возгорелось на угрюмых шведских штыках. Заржали кони, брызнул из-под копыт снег. Рванул в лицо ветер, свежий ветер войны.

– Ур-ра-а-а-а!!!

Спустившись с пологого холма по широкой дороге, русская кавалерия рассыпалась полукругом по берегу реки, уже почти свободному от снега. Здесь, на открытой местности, снег таял куда быстрее, чем в лесу. С утра еще стояли утренники, подмораживало, еще не было той грязной, почти болотной, каши, в которой запросто можно было увязнуть, застрять...

Заметив внезапно налетевших врагов, шведы тут же принялись перестраиваться, раздались резкие звуки труб, слышались выстрелы. Навстречу русским вылетел конный отряд. Кирасиры... Нет, драгуны – конские хвосты на шлемах, палаши, а не сабли... И ружья, притороченные

к седлам, тяжелые ружья – драгуны могли вести бой и пешими. Да чаще всего так и делали – не кавалерия, скорей – мотопехота тех лет.

– Ур-ра-а-а-а!

Увидев грозный оскал шведских драгунов, Давыдов выстрелил. Один пистолет. Потом – сразу – второй. Кто-то из врагов вылетел из седла, повис в стремях, и лошадь потащила его прочь, к деревне... Денис выхватил саблю... тяжелая, она хорошо держала удар палаша... Звон ударов, крики, стоны и выстрелы слились в музыку боя, в ледяную симфонию зимней войны.

Удар! Удар! Удар! Противник оказался грозен, штабс-ротмистр сразу от двух драгун... Это и помогло – шведы друг другу мешали, Денис же, закрутив саблю, ударил одного по плечу, чуть пониже эполета... ударил и тут же отразил удар второго соперника, здорового детины с плечищами в сажень! Тот, раненный Давыдовым, швед разжал пальцы, повис на темляке палаш... Взив коня на дыбы, гусар оттолкнул раненого всадника прочь, сам же повернулся к детине и тотчас нанес удар сверху – с оттяжкой... Враг замешкался, не успел поставить палаш, и клинок гусара ударил его по груди, скользнул, разрывая мундир. Брызнула кровь, вражина согнулся...

Убит или ранен? Да некогда тут смотреть, какая разница, главное – выведен из строя, главное...

Снова раздалось лихое русское «ура»! Враг дрогнул, поскакал прочь, лавою растекаясь по флангам...

Тут же пропела труба, ударили барабаны. Опытный военачальник Кульнев подавал сигнал все так же идти по флангам, не атаковать открывшуюся пехоту, гренадер... Почему? Ведь, казалось бы, – вот они! Скачи, руби, бей! Скорее всего, полковник опасался мушкетного залпа... или...

Вот оно!

Внезапно грянули пушки. Просвистела картечь. Если бы не приказ Кульнева, много бы сейчас полегло гусар... и казакам бы досталось не меньше.

– Батарея! – догнав Дениса, на скаку прокричал Культияков. Доломан поручика был разорван, а ментик и вообще потерялся черт знает где.

– Не ранен? – так же, на скаку, осведомился Денис.

– Пустяки, царапина! – поручик весело оскалился и взмахнул саблей. – Там, на околице, батарея. Нам бы ее достать.

– Достанем! – осклабился Дэн. – Давай-ка к лесу, ага... Корнет! Эй, Тошка! Давай за нами, быстрей!

– К лесу? Зачем нам к лесу? – Культяков недоуменно покрутил головой.

Денис лишь рукой махнул – некогда объяснять, – лишь бросил:

– Увидишь!..

...да пришпорил коня.

На берегу, у леса, Денис спрыгнул с коня:

– Корнет, живо заряжай штуцер! Костя... ты как стреляешь?

– Я ж охотник! – с ходу сообразив, что к чему, поручик спешился и принялся заряжать штуцер.

– Сейчас незаметно подползем... затаимся – и выбьем весь наряд! – взяв заряженную винтовку у Тошки, Давыдов похлопал паренька по плечу. – Чай, я пометче твоего бью.

– И я с вами! – упрямо набычился корнет. Светлая челка его выбилась из-под кивера, щеки покраснелись, голубые глаза сверкали задором и яростью. Совсем еще мальчик... ему бы в девятом классе учиться... Однако уже воин. Гусар!

– И тебе дело сыщется! – успокоил парня Дэн. – Непростое, опасное... сладишь?

– Да я... Да я, господин штабс-ротмистр, я...

– Значит, слушай боевую задачу. Скачи сейчас... к тем, кто ближе... к гусарам, к казакам... кого найдешь. Передашь мой приказ – пусть скачут вдоль реки... Да так только, чтоб картечь шведская их не поймала.

– Понял! – Тошка задорно сверкнул глазами. – Это мы, значит, пушкарей шведских на себя отвлечем. А вы тем временем...

– Как штуцер пристрелян?

– По центру, господин штаб...

– Отлично! Ну, скачи, гусар! Bonne chance. Удачи.

Взметнувшись в седло, корнет бросил коня аллюром. Проводив парня взглядом, Давыдов погладил штуцер и обернулся к напарнику:

– Ну, поползли, что ли, Константин...

– Поползли!

Гусары все же не все время ползли – вдоль реки пробирались мелкими перебежками, таились по буеракам, по кустам, по сугробикам. А вокруг ревел бой! Гремели ружейные залпы, неслись и рвались ядра, свистела картечь. Крики «ура» раздавались с обеих сторон – шведы ринулись в контратаку. Да уж, что и говорить – не трусы, отнюдь...

– Вот они, – осторожно выглянув из-за куста облепихи, прошептал

поручик. – Всего-то две пушки... а вреда от них! Нет, Денис Васильевич, ты только глянь – как сноровисто заряжают, собаки!

– Да уж, – кивнув, Денис пристально всмотрелся...

На околице деревни, у самого колодца, примостились два шведских орудия. Обычные полковые пушки с прислугой – пять человек. То ли кого-то убили уже, то ли куда забрали, а как бы то ни было – пятеро.

Ага! Вот швед – судя по всему, капрал – что-то крикнул... Подскочив, пушки жажнули одновременно. Просвистела картечь.

Тотчас артиллеристы бросились прочищать стволы орудий банниками, хватко потащили матерчатый патрон с порохом и еще один – с картечью...

– И впрямь проворные парни... Мой – капрал, твой – заряжающий.

– Понял.

– Сейчас... вот рассеется дым...

Ветер унес к реке густые клубы дыма...

– Ну, вот... пора...

Тщательно прицеливаясь, Дэн действовал так, как во время сдачи зачета по огневой подготовке. Главное условие меткого выстрела – это его неожиданность для стрелка. Не надо его поджидать – обязательно спусковой крючок дернешь, и пуля уйдет вниз. Спокойно, очень спокойно, совместить целик с мушкой... и с мишенью... вот с этим капралом, ага... И никаких дурацко-обывательских «затаить дыхание»! Просто ровно и ритмично дышать... Ствол и руки все равно будут немного дрожать – стрелок живой человек, и сердце у него бьется. Следует просто описывать круг... воображаемой линией, протянувшейся от глаза Дениса до груди шведского капрала... Вот так... вот... целимся примерно «в яблочко»... и одновременно плавненько давим на спусковой крючок... не ждем выстрела... не проглатываем... Хорошо, замок – кремневый. Был бы фитильный – провозились бы...

Выстрелы грянули почти одновременно. Схватившись за грудь, упал капрал, отбросило к колодцу заряжающего...

Шведы засуетились, нашлись у них и ружья... И тут вдруг вылетел к околице лихой кавалерийский отряд! Казаки и с ними – «синий» гусар – Тошка.

Вылетели, понеслись...

Шведы бросились к пушкам... зарядили... снова грохнули... Густой дым заволок орудия, никуда не денешься – приходилось ждать... Тем временем гусары перезарядили штуцеры... и когда пороховой дым развеялся...

Снова два выстрела! И снова два труп... Остался один –

низкорослый, мелкий шведик. И этот вот малец оказался весьма хитрым! Укрылся за колодцем... выбрался... бросился с банником к пушке...

– Ишь ты какой хват! – заталкивая пулю в ствол, Культяков ухмыльнулся... – Жаль, не быстро мы... Смотри-смотри – патроны тянет... кульки...

На это раз выстрелы оказались неудачными. Впрочем, нет, Давыдов, похоже, все-таки попал. Только что насмерть шведа не поразил – пуля угодила врагу в правую руку. И тот все же смог выстрелить! Орудие вновь окуталось дымом...

Гусары переглянулись...

– А давай-ка его...

– Давай!

Пока не рассеялся дым, Давыдов и его новый приятель бегом преодолели расстояние до околицы и, подбежав к орудиям, выхватили сабли...

Шведик встретил их штыком! Действительно, шведик – низкорослый, худенький... и возрастом, верно, не старше корнета Тошки. Левый рукав мундира юного шведского артиллериста был мокрым от крови, худощавое веснушчатое лицо парнишки казалось необычайно бледным, однако светлые глаза смотрели грозно, с яростью!

Ткнув напарника локтем, Денис вложил саблю в ножны и отдал артиллеристу честь:

– Je suis un aide de camp, le colonel Koulnev siège capitaine de cavalerie Davydov. Je vous suggère de renoncer soldats. Qu'il n'ya pas de dégâts à votre honneur. Vous avez lutté jusqu'au dernier. Vous êtes un bon soldat.

«Я – адъютант полковника Кульнева, штабс-ротмистр Давыдов. Предлагаю вам сдаться, солдат. В том нет урона вашей чести. Вы бились до последнего. Вы – хороший солдат», – именно так сказал по-французски гусар, не зная, поймет ли его упорный шведский мальчишка.

А мальчишка понял! Покусал губу...

– J'ai entendu beaucoup de bien sur le colonel Koulnev. Dans ce cas, je me rends, seigneur!

«Я слышал много хорошего о полковнике Кульневе. В таком случае я сдаюсь, господа!» – тотчас перевел Давыдов, принимая от пленника мушкет.

– Надо бы его перевязать, – Культяков покачал головой. – А то еще изойдет кровью.

Перевязав пленника, уж чем нашлось, гусары поспешили к лошадям, к лесу... Как раз в это время уже подросла русская пехота – завязался штыковой бой! Какая уж тут теперь артиллерия... Повсюду слышались хрипы и стоны, звон штыков... И русская сила переломила наконец шведскую!

Шведы не бежали, нет. Просто организованно отошли.

– Не преследовать! – тут же приказал Кульнев. – Раненых – в деревню. И наших, и шведов. Убитых – похоронить. Разводить костры, готовить обед. Пленных покормить.

– Сделаем, ваше благородие!

– Ну что, Денис? – завидев Давыдова, полковник спешил и радостно обнял друга. – Доложили уже, какой ты есть хват! Молодец, славно с батареей удумал.

– Да там полбатареи и было-то, – заскромничал гусар.

– Молодец, молодец... – нахмутив кустистые брови, Яков Петрович подошел к только что разведенному костру: – Пустите, братцы, погреться?

– Ах, вашбродь...

– Господин полковник...

– Яков Петрович, родной...

Полковник с явным удовольствием присел к костру, глядя, как, растопив в котелке снег, солдаты принялись варить кашу. Уселся у костра и Давыдов.

– В штыковом бою одни шведы с нами, русскими, могут на равных биться, – неожиданно промолвил Кульнев. – Вишь ты, Денис, – до штыков дело дошло. Славно держались шведы. Неспроста это, ой неспроста. Видать, чуют они за собой какую-то силу. Видать, король подкрепление прислал.

В штаб-квартиру все вернулись веселыми. Лихой эскадрон ахтырцев, провожая отступающих врагов почти до реки Пихайоки, на обратном пути наткнулся на богатый шведский обоз – «магазин», – в котором чего только не оказалось! Солонина в бочонках, мороженая рыбы, тяжелые буханки ноздреватого черного хлеба, французское вино, настоящий ямайский ром и даже шампанское! Последнее обрадовало гусар сильнее всего.

– Ну, братцы, – веселился Культиков. – Сахару съедем, будем жженку делать. Тошку нашего в гусары принимать! А то как-то до сих пор и не приняли, забыли. По военному-то времени, ага.

Вечером выбрали дом попросторнее, каменный, двухэтажный, там как раз и расположился поручик и еще несколько офицеров из гродненских и

ахтырских гусар. С дозволения хозяев устроили пир, не забыв пригласить и полковника.

Зажгли свечи да, положив над большой серебряной братиной скрещенные сабли, принялись жечь сахарную голову... Жженка так жженка, чего уж! Тем более Тошка-то оказался лихой гусар!

Даже Кульнев похвалил:

– Ну, день сегодня твой, Антон Иванович. За храбрость твою – к награде будешь представлен.

– Служу Отчизне и государю-императору Александру Палычу! – вытянулся в струнку корнет.

Вспыхнул, затрещал сахар, стекая по саблям в налитую в братину смесь вина и рома.

– Торжественно объявляю сие помещение – комнатой гусар! – благословив пир, Яков Петрович посмотрел на Давыдова. – Ну, давай, Денис. Чти стихи!

– Ах, извольте, господа, извольте...

– Да-да!

– Анакреонтическая ода... – чуть помолчав, громко объявил поэт и продолжал уже стихами:

Мы недавно от печали,
Лиза, я да Купидон,
По бокалу осушали
И просили Мудрость вон...

Выслушав, все зааплодировали, особенно старался герой дня – юный корнет Антон Иванович, Тошка. Верно, все ладони себе отбил.

– Ну что? – осмотрев всех, потер ладони Кулятьков. – Однако сахар тушить надо. Где шампанское? Шампанское где?

– А нету шампанского...

– Так ведь на складе и забыли.

– Пошлем-ка скорее слуг, господа!

Слуги вернулись быстро. От них всех доложил верный Андрюшка. Развел руками, понурился:

– А нету шампанского, господа! Кто-то все бутылки перебил на складе. Часовой там рядом какую-то самоедку видел.

Глава 7

Кто он? Зачем здесь, в этом мире? Только для того лишь, чтоб писать стихи и воевать? Но это делал и просто Денис Давыдов, поэт и гусар... А он, Дэн? Эта саамская колдунья, кажется, вторглась в его мысли, подсматривала... Или это все показалось Дэну? Скорее всего, именно так и было. Тарья, ишь ты... девчонка как девчонка. Вряд ли колдунья... но шпионка – да! Черт возьми, зачем она разбила шампанское? Просто из вредности? Чтоб захватчикам насолить? Так и шведы для них такие же захватчики... Или не такие? Или свыклись уже? Сколько веков Швеция владела землей Суоми? Много. Можно и не считать.

– Она подошла, спросила дорогу, – рассказывал пришедший в себя часовой, дюжий усач пехотинец. – Мол, как до трактира дойти. Ну, я показал, где трактир... А потом... будто кто огрел по лбу... Очнулся в сугробе.

– Не сам очнулся, милоч, – строго поправил Андрюшка. – Это мы тебя в чувство привели.

– Так, – Давыдов пристукнул ладонью по столу. – Давайте-ка по порядку. И по очереди.

По порядку и по очереди картина вырисовывалась следующая. Спросившая дорогу девушка-самоедка в узких штанах и короткой, расшитой бисером малице, что-то проделав с часовым, невозбранно проникла на склад и разбила ящик трофейного шампанского, после чего исчезла неизвестно куда.

Испросив разрешения у полковника заняться сим странным делом, Денис, выслушав часового и слуг, приступил к осмотру места происшествия. Под склад был приспособлен обыкновенный бревенчатый амбар с высоким дощатым пандусом – чтоб мешки на себе не таскать, а возить на телеге.

Распахнув ворота настежь, Дэн вошел в амбар и застыл на пороге. Темно-зеленые стекла от разбитых бутылок валялись повсюду, не очень-то хотелось повредить щегольские гусарские сапоги. Осторожно пройдя мимо осколков, Денис осмотрел остальные ящики и сундуки, имеющиеся на складе. С ними все было в порядке: все на месте: кофе, бочонки с мясом, пачки табака... даже водка! Что же зловердная девчонка ее-то не грохнула?

Снаружи, на пандусе, загрохотали шаги.

– Господин штабс-ротмистр!

– А, это ты, Антон Иванович, – оглянувшись, усмехнулся Денис. – Почто пожаловал? Аль командующий зовет?

– Не, не зовет, – юноша покачал головой и хитро прищурился. – Яков Петрович меня к вам направил. Для помощи!

Услышав такие слова, Давыдов едва подавил улыбку:

– Ну, с таким-то помощником мы тут быстро всех на чистую воду выведем!

– Ну, я, конечно, мало что знаю, – парнишка потупился. – Но, возможно, пригожусь. Хоть куда сбегать или что еще...

– Ладно-ладно, не обижайся, – утешил парня Дэн. – Не боги горшки обжигают. Ну, коли уж помочь хочешь, так глянь на складе... Ничего здесь подозрительного не видишь?

– Да ничего, – корнет пожал плечами. Синий «гродненский» доломан с голубоватой опушкой очень шел ему, даже делал немного взрослее.

– А это вот – от шампанского мокро? – чуть погодя уточнил корнет.

– Ну да, от шампанского. – Давыдов покивал, гадая, к чему бы такой вопрос. – Уж не от водки точно. У тебя голова-то, кстати, как? Не болит от вчерашнего?

– Немножко кружится, – снова засмутился Антон Иванович. – А шампанского сколько бутылок было?

– Да целый ящик. Вон он, гляди.

– Тогда непонятно... – Тошка задумчиво покусал губу. – Непонятно – почему так мало? Лужа-то вон так себе. А должна быть ого-го! Да и стенки бы забрызгало. И стекла бы улетели подальше. Это ж не простое вино – это ж шампанское! Оно ж играет.

– Так-так, – мигом почувствовав что-то важное, насторожился Дэн. – Давай, продолжай... и скажи, откуда ты про шампанское знаешь? Раньше разбивал?

Корнет покраснел и, шмыгнув носом, признался:

– Не, не разбивал. А года три назад как-то с друзьями отпили, водички налили да обратно бутылку закрыли. Той же пробкой, аккуратно. А она, пробка-то, потом же вылетела! Матушка сразу догадалась, что к чему... ох, нам тогда и влетело!

– А сколько вам тогда было?

– Да двенадцать годков... да...

– Поздравляю вас, корнет! Вы – юный алкоголик.

Давыдов расхохотался и, хлопнув парня по плечу, снова стал необычайно серьезным:

– Значит, если по-твоему судить... бутылки, прежде чем разбить,

открывали?

– Ну да, господин штабс-ротмистр, открыли, а потом закрыли. Зачем только? Черт поймет... Погодите-ка! Вдруг да там не шампанское, а водица?

Денис не успел и слова сказать, как мальчишка быстро нагнулся, мазнул ладонью по лужице и, облизав пальцы, задумался.

– Не, не вода. Шампанское. Но какой-то странный привкус... Ну-ка, еще...

– Стоп! – быстро склонившись, Давыдов ударил корнета по руке. – Не надо больше пробовать. И вообще, иди-ка лучше руки вымой... или вытри, вон об снег.

– Так снег-то, господин штабс-ротмистр, грязный. Весна!

– Вымой, говорю! – настоял на своем Денис. – И пальцы в рот не суй.

– Ну, я тогда вон, у колодца...

– Давай...

Пока непрощеный помощник ходил мыть руки, Дэн думал. Бутылки явно открыли... и потом закрыли. Зачем? Чтобы добавить яд и отравить господ офицеров во главе с самим командующим? Но... зачем тогда явиться вновь и все отравленные (допустим – отравленные) бутылки разбить? Не вяжется что-то. Где логика? Или – тот, кто залил, и тот, кто разбил – это разные люди? А поискать!

– Вон там домишки, видишь? – дождавшись возвращения корнета, Давыдов показал рукой. – Левый – мой, правый – твой. Спрашивай во всех подробностях – кого в прошедшие сутки на дороге видели.

Выслушав, Тошка замялся:

– А как же я у них-то спрошу, господин штабс-ротмистр? Я ж финского-то не знаю, а они по-русски не понимают.

– Вот это да, – озадаченно покивал гусар. – Вот это верно заметил... Та-ак... Толмач у нас, кажется, есть... переводчик!

– Ну да, при штабе. Дядя Сеня Чухонец.

– Так ищи его скорей!

Раз уж на всех выискался лишь один толмач, так пришлось уж действовать вместе. Сначала вошли в ту избу, что располагалась от склада налево, потом – в следующую. В левой избе хитроглазые финны ничего интересного не поведали, все больше отмалчивались и если и видели кого, то не говорили. В правой же – повезло куда больше. Полковника Кульнева там сильно уважали. Как и многие уже по всем здешним местам.

– Шибко нашего командира хвалят, – толмач Сеня Чухонец пригладил

бороду. Был он из простых крестьян-финнов, что проживали под Петербургом с давних времен и считались свободными. Жили, работали на себя, все подати государству платили исправно и никакому помещику не принадлежали.

– Voi, Kyllä, Kyllä! – крестьянин тотчас же закивал, – Eversti Kulnev erittäin hyvä ihminen, todella! Jos kaikki Venäläiset ovat kuin Ruotsalaiset!

– Говорит – очень хороший человек полковник Кульнев, – перевел толмач, – Коли все бы русские такие были – так лучше шведов.

В горнице собралась уже почти все семейство. Глава семьи – кряжистый круглоголовый финн лет пятидесяти – Хейки Макилайнен, его дородная супруга Лииза и три дочери-подростка, их имена Давыдов не спрашивал. Еще имелся сын, старший, но тот третьего дня еще уехал вместе с другими местными мужиками за лесом.

– Леса полковник Кульнев разрешил брать, сколько понадобится, – вновь перевел Сеня Чухонец. – Он вообще местных привечает. Не только солдатам своим отец родной, но и всем добрым людям – друг и защитник.

– Ну, так то всем известно, – усмехнулся Денис. – Спроси-ка, видели ли они кого-то у склада. Вчера днем... и ближе к вечеру.

Услышав вопрос, Хейки задумчиво закатил глаза и покачал головою. Жена же его, Лииза, что-то спросила у дочек... И те наперебой задолдонили такой скороговоркой, что переводчик несколько раз девчонок прерывал, что-то уточняя.

– Они видели там ведьму! – наконец, Сеня Чухонец повернулся к Давыдову. – Появляется тут иногда. Не финка, из лопарей. Из оленьих шкур одежонка, бисером расшита.

– Спроси – молодая ли? – оживился Денис.

– Говорят – молодая, и даже очень. Но все ее тут боятся! Лопарей все боятся – они ж колдуны. Вот и эта – ведьма. Может кровь заговаривать... Ага...

Выслушав хозяина, толмач продолжал дальше:

– В дом к Веккиненам она заходила, просила соли. Так старый Веккинен ее выгнал. И что вы думаете? В ту же ночь вся скотина в их дворе пала! Вот что значит ведьма.

– А она, эта ведьма-то, где живет? – вступил в беседу корнет.

– А где все лопари живут? Известно где – нигде. Кочуют по всей тундре.

– Но тундра отсюда далеко...

– Да не так, чтобы очень. Бывают, приходят и сюда лопари. Особенно в морозные зимы. Или вот, по весне – побираются с голодухи.

- А может, ведьма-то у кого из местных столуется?
- Да что вы! – толмач усмехнулся и махнул рукой. – Кто ж колдунью-то за стол пустит?
- Та-ак, ладно, – Денис потер ладони и подкрутил усы. – Спроси-ка, в какое именно время они эту ведьму видели. Да откуда она пришла... и куда потом делась.
- Сначала днем появилась... как раз только трофеи на склад выгружали. Девки говорят – долго возле амбара крутилась, они видели. Да там много народу было – и солдаты, и местные. Ведьма-то вполне могла спокойно на склад заскочить. Дело свое сделать, а потом незаметно выбраться.
- Ну, то я уж и сам смекаю, – гусар покивал головой. – Воспользовалась суматохой, рассчитала все и... А второй раз, видать, не рассчитала – на часового нарвалась. Почему? Что ее заставило вернуться, разбить? Допустим. Сначала она яд в бутылки добавила... а потом вдруг резко опомнилась, решила никого не травить... С чего бы?
- Верно, какие-то причины на то имелись, господин штабс-ротмистр, – осторожно заметил корнет.
- Вот и я думаю... – чуть помолчав, Денис перевел взгляд на толмача. – Так что они там... Откуда пришла, куда ушла – не видели?
- Видели, – охотно подтвердил толмач. – Девки молодые, любопытные... Говорят, из лесу вышла, в лес и ушла. На лыжах!
- Плохо дело, корнет, – Давыдов вздохнул. – В здешней чащобе мы эту ведьму никогда не выловим. Разве что ежели она опять сюда не придет.
- Тогда и словим! – восторженно воскликнул Тошка. – Обязательно словим, господин штабс-ротмистр, вот ей-богу! Пусть объявится только, ага.

Выйдя на улицу, гусар и толмач обошли склад и направились к штаб-квартире. Невдалеке, у околицы, полковые кашевары разложили костры – готовили пищу для своих и для приготовленных к обмену пленных, коих пока содержали по избам. Со всеми шведскими офицерами полковник Кульнев имел личную беседу и, взяв с них честное слово, предоставил полную свободу передвижения по городку. Впрочем, и пленным шведским солдатам выходить на улицу не возбранялось. У одного из костров Давыдов приметил того самого парнишку-артиллериста, доедавшего варево из большой миски. Добродушно улыбаясь, кашевар – дородный усач в темно-зеленом пехотном мундире – зачерпнул половником дымящуюся кашу.

Швед улыбнулся, замотал головой, показывая жестами, что уже сыт по

горло.

– Да ты ешь, ешь, – добродушно бурчал кашевар. – А то вон какой тощей.

Заметив штабс-ротмистра, парнишка быстро поставил миску и, вытянувшись, отдал честь:

– Santé je souhaite, monsieur le siège capitaine de cavalerie!^[4]

– Et que tu sois en bonne santé, le héros. Comme ta main?^[5] – козырнув в ответ, улыбнулся Денис.

– Déjà presque guéri, monsieur le siège capitaine de cavalerie. Je bandée à l'infirmerie^[6].

– А что за медаль? Que pour la médaille?

На груди парнишки красовалась серебряная медалька. Красивая, с крестом и тремя королевскими коронами.

– Insigne de notre roi Gustave Guillaume. Pour les services militaires, monsieur le siège de capitaine de cavalerie^[7], – погладив медальку, с гордостью пояснил юный солдат.

– Да уж, ты ее заслужил. Ну, выздоравливай, герой. Бон шанс!

* * *

Через пару дней разведка донесла о большом скоплении шведских войск у деревни Пихайоки, что располагалась на самом берегу Ботнического залива. Не медля ни секунды, Кульнев выступил с основным войском и артиллерией по лесной дороге, конницу же – гусар и казаков – отправил в обход, по морскому льду, еще довольно крепкому, по крайней мере – с виду.

В этот раз Денис, как и положено адъютанту, неотлучно находился при командующем, а тот – при артиллерии и пехоте. Корявые ветви елей покачивались по обеим сторонам узкой лесной дороги. Здесь, в чаще, снег еще был крепок, тяжел, и колеса полковых пушек не вязли в грязи, катили ходко. Но даже здесь, в снежной Финляндии, уже чувствовалась весна. Уже налетал теплый ветер, чаще сверкало солнышко, а днем всюду звенела капель. Прилетали первые птицы – возвращались на свои места грачи, коростели, потянулись даже стаи гусей.

– Ударим на рассвете, с обеих сторон, – покачиваясь в седле, Кульнев делился планами со своим адъютантом. – Мы – с суши, казаки и гусары – с моря. Возьмем в клещи врагов.

– А если рассвета не дожидаться? – вспомнив Курскую битву, неожиданно предложил Дэн. – Засветло еще... расположить артиллерию, ударить огнем! Ты, Яков Петрович, представляешь, что с врагом будет? Когда вот прям из ночи – ядра, картечь!

– Ого! – полковник сразу же оценил предложенную идею. – Да ты, брат, вижу, и в воинском искусстве мастак. Хорошее дело!

– Да уж врагам мало не покажется – точно.

Так и сделали. Не доходя до деревни, затаились в лесу, выслав разведку. Поставили на дороге вешки, присмотрели места для пушек и, как стемнело, провели дислокацию. Ночь выдалась спокойная, тихая. Чуть подмораживало, и в черном небе сверкали холодные звезды, окружая золотистый серп месяца. Артиллеристы шли в полном молчании, лишь слышен был скрип колес да лошадиные хрипы.

– Вот там – деревня, – командовал батареей Денис. – Большая, много дворов. Не деревня, а городок даже. Там – порт, торговая и рыбацкая гавань, сейчас замерзшая. Оттуда наша кавалерия подойдет, и вот задача – чтоб ни одно ядро, ни одна картечина в ту сторону не улетела.

– А ну-ка казаки с гусарами в селение ворваться решат? Тоже вот так, с рассветом, – какой-то артиллерийский капрал пытливо уставился на гусара.

– Не решат и раньше времени не ворвутся, – успокоил Денис. – О том к ним вестовые посланы. Будут окончания канонады ждать. А уж опосля... Ваше дело, братцы, – вжарить! И, куда не надо, не палить.

– Это уж мы запросто, – под общий смех заверил капрал. – Ужо, господин штабс-ротмистр, не сомневайся, вжарим! Только ты скажи, куда палить-то?

– Вон, видите огоньки? Это – деревня. От нее на десять градусов влево – неприятельский лагерь.

Что такое градусы и сектор огня, ратники понимали прекрасно, чай, не кто-нибудь, а пушкари-артиллеристы!

Все подготовили: повернув в нужную сторону, зарядили пушки, приготовили запалы – ждали. Было все так же темно, но восточный край неба уже окрашивался алой предутреннею зарею.

Ожидание казалось томительным и вместе с тем азартным. Хотелось быстрее сделать так, как задумано... и посмотреть – получится ли, выйдет ли? Должно получиться, должно.

Глядя в холодное ночное небо, Дэн вдруг подумал, что, верно, точно такие же чувства испытывали советские артиллеристы, сорвавшие своей ранней артподготовкой немецкое наступление на Курской дуге. Да, времена

тогда были другие, но дух, дух воинов оставался прежним.

– Внимание... – вестовые передали приказ. – Быть готовыми в сей момент!

Пара секунд – и послышался пистолетный выстрел – сигнал. Тотчас же рявкнули пушки! Завыла в небе картечь! Ухнули по спящему шведскому лагерю ядра.

– Орудия первой линии – заря-жай! Вторая линия – огонь! Третья линия... огонь!

Канонада стояла такая, что у Дениса звенело в ушах. Впрочем, не только у него одного...

– Заря – жай... Пли!

Снова выстрел, снова картечь и воюющие в воздухе ядра... Уже начинало светать, уже виден был шведский лагерь и очумело бегающие солдаты, выбежавшие прямо под картечь.

– Первая линия... Пли! Вторая линия...

Так продолжалось, наверное, с полчаса, до тех пор, пока не начало светать. И тогда Кульнев отправил в бой пехоту. Полковник лично возглавил воинов, и, конечно, его боевой адъютант был в этот момент рядом!

Печатая шаг, шли в бой солдаты.

– Рота... стой! Первый pluton – залпом... Пли!

Внося еще больше сумятицы в стане врагов, один за другим грохнули ружейные залпы. Запела труба. Тревожно забили барабаны. Выставив штыки, русская пехота пошла в бой, грозно и неумолимо.

Враг уже был деморализован, а это значит – почти повержен. Завидев русских, шведы почти не оказывали сопротивления, сотнями сдаваясь плен. Денис уже устал считать...

– Вашбродь, господин полковник! – на взмыленном коне подскакал к Кульневу вестовой из казаков. – Драгуны уходят! Наши их там встретят, на льду...

– Понял! – заворотив лошадь, Яков Петрович махнул рукой. – А ну, за мной, ребята. Поглядим, что там. Может, помощь нужна.

Поскакали. Понеслись. Сам командующий, адъютанты... Не так и много, всего-то с дюжину человек. Однако на помощь – да...

По мерзлым улочкам Пихайоки застучали копыта. Выглядывали в окна испуганные обыватели. Опасливо выходили во двор, спрашивали друг друга: что это было? Что, шведы ушли? Или, скорее, бежали? Или сдались

в плен?

– Русские это, русские! Говорят, сам полковник Кульнев.

– Хорошо, если он.

Пустынный заснеженный берег полого уходил в ровное замерзшее море. Там, на льду, уже все было кончено. Впрочем, часть шведских драгун упорно отбивались. Обреченные, загнанные в кольцо. Слышались выстрелы, сабельный звон, крики.

– Ни к чему это, – объезжая валун, командующий погнал коня прямо в гущу схватки. – Лишнее кровопролитие – ни к чему...

Ну, куда он, куда? Вдруг шальная пули... или драгуны решатся на последний рывок...

– Денис... вели трубить в трубы.

Гусар обернулся в седле:

– Трубачи! Давай.

Резко запела труба...

– Приказываю всем стоять! – въехав в самую гущу сражающихся, громко крикнул Яков Петрович. – Я – полковник Кульнев, если кто запомнит. Опустить оружие... Вы, драгуны, – тоже.

Давыдов глазам своим не верил! Кульнева послушались все! И русские, и шведы. И те и другие враз опустили ружья, вложили в ножны палаши и сабли, вытянулись, отдали честь.

Какой-то молодой швед с исхудалым лицом и залитой кровью шеей, подойдя, почтительно поклонился полковнику. Из-под серого плаща его виднелся пышный генеральский мундир.

– Je vous salue, monsieur le colonel. Je suis le général Левенгельм, le personnel de l'aide de camp de Sa majesté le roi de suède Gustave Guillaume. Je donne son épée.

«Приветствую вас, господин полковник. Я – генерал Левенгельм, личный адъютант его величества короля Густава Вильгельма. Я отдаю свою шпагу вам», – тут же перевел про себя Денис.

– Un grand honneur pour moi d'avoir un prisonnier! – спешившись, Кульнев поклонился в ответ. – Большая честь для меня иметь такого пленника! В самом деле, господа, – большая честь.

Отобедали здесь же, в Пихайоки, в трактире, щедро заплатив хозяину. Полковник, вместе со своими адъютантами, и пленный шведский генерал со своим штабом. Высокопоставленного пленника перевязали и сделали все, дабы сей господин не чувствовал никаких неудобств. На следующий же день, отправив Левенгельма и его штабных офицеров в Вазу, к генералу

Раевскому, полковник Кульнев продолжил преследование врага.
Давыдов же сложил по сему случаю оду, которую вскоре и прочел:

Поведай подвиги усатого героя,
О муза, расскажи, как Кульнев воевал,
Как он среди снегов в рубашке кочевал
И в финском колпаке являлся среди боя.
Пускай услышит свет
Причуды Кульнева и гром его побед.

Полковник, надо сказать, был тронут.
– Ах, какой сюрприз, Денис! А как ты про Левенгельма? Ох ты ж,
боже ты мой, до чего же смешно... Ну-ка, еще разочек прочти!
– Изволь, Яков Петрович, изволь!
Денис снова принял важную позу, заложив руку за спину:

Румяный Левенгельм на бой приготавливался
И, завязав жабо, прическу поправлял,
Ниландский полк его на клячах выезжал,
За ним и корпус весь Клингспора пресмыкался.

– Смешно, Смешно, Денис... Прямо до слез! Как ты это – «на клячах»,
«пресмыкался»...

Среди имущества и бумаг плененного штаба неожиданно был обнаружен королевский приказ, строго-настрого запрещающий любому шведу или союзному финну стрелять в полковника Кульнева «mot bakgrund av det oändliga för att mätaren till Överste respekt» – «ввиду безграничного к оному полковнику уважения».

Таким вот образом тридцатилетний шведский король Густав Вильгельм отметил благородство своего врага.

«Вот! – читая перевод приказа, подумал Денис. – Вот, верно, разгадка разбитого шампанского. Сначала пытались отравить Кульнева... а потом вдруг строгий пришел приказ. Пришлось срочно исправлять содеянное. Ну, Тарья... И в самом деле – ведьма. Ведьма еще та! Верно, лучше б тебя было волкам на съеденье оставить... Хотя нет, не лучше. Жалко».

Вскоре, однако же, удачи для русских закончились. Разбив под Куопио отряд полковника Обухова и захватив обозы, шведы перешли в наступление. Дорога вглубь Финляндии была перед ними открыта, русская армия отступала, и авангард Кульнева – ныне уже генерал-майора – стал арьергардом, защищая отступавшие отряды.

Воевать, правда, долго не пришлось – стало тепло, дороги раскисли, сделав невозможным любое по ним передвижение. Под огнем неприятеля русские солдаты медленно отходили по побережью залива. Держались из последних сил, уповая на обещанное подкрепление. Причиной же всему этому была граничившая с предательством тупость высшего командования – генерала Буксгевдена и его штаба.

Распутица все же сделала свое дело – шведы подрастеряли весь свой наступательный порыв и уже больше не лезли столь нагло. Остановились, затихли. Остановились и русские: войска генерал-майора Кульнева встали лагерем близ небольшого селения Хаминго. Сам Яков Петрович, как всегда, расположился в виду неприятельских постов.

– А пусть видят, что мы их не боимся нисколько и стремления к отступлению не имеем!

Шведы сие, несомненно, видели. И никаких действий не предпринимали. Как и русские – выдохлись. И те, и другие предпочли просто пересидеть распутицу, подкопить силы.

Яков Петрович прямо так и приказал всем своим солдатам: отдыхать, отсыпаться и править амуницию. Что ж, в тех условиях – не самый плохой приказ.

Посты, конечно же, выставляли, и сам генерал-майор, как всегда, частенько проверял их лично, лишь иногда посылая вместо себя Давыдова. Стояли чудесные майские дни, на деревьях распустилась листва, зацвела черемуха, и оттаявшие мокрые луга занялись густой зеленью пряных финских трав. Уже вскрылись реки, начинали подтаивать и озера, еще два-три дня – и совсем освободятся ото льда. А потом наступит лето – высохнут дороги, и снова начнется война. Вернее сказать – продолжится.

В один из таких деньков Денис выехал проверить посты. Отправился рано, с утра, когда по лугам да озерам еще стелился туман. С первым постом сразу же вышла закавыка – солдаты попросили разрешения устроить шалашик или навес на случай дождя и плохой погоды. Подумав,

штабс-ротмистр разрешил – только подальше от дороги в лесу. Самолично и выбрал место.

На втором посту – у самой околицы – караульные располагались прямо за покосившейся изгородью, у старой брошенной избенки с провалившейся крышей. Тут густо росли кусты смородины и малины, и даже угадывались какие-то грядки, видать, когда-то был огород. В принципе, здесь можно было укрыться от непогоды и в избе, и под рябинами, никакой надобности в шалаше не имелось, о чем твердо заявил Денис.

Третий караул был выставлен на лугу, на склоне пологого холма, который пересекала наезженная дорога, в низинах – с лужами, на вершине же холма – уже неплохо подсохшая. Местные хуторяне между тем уже рисковали ездить по ней на телегах, иногда застревая в грязи. Впрочем, не только хуторяне...

Уже отъехав от поста, молодой человек вдруг заметил застрявшую в грязи бричку. Изящная одноколка, запряженная серым рысаком, стояла на склоне холма внизу, у самого леса, провалившись в грязь почти до самых ступиц. На краю дороги стояла какая-то женщина в бело-голубом платье и шляпке с вуалью, стояла и, похоже, не знала, что делать. А вот не надо было одноколку в такую распутицу брать! Двуколка с парой коней да с кучером – уж всяко надежней!

– Bonjour! Pour vous aider, mademoiselle? – подъехав, галантно осведомился гусар.

– Помочь? – переспросила незнакомка по-русски... и тут же, отведя от лица вуаль, ахнула: – Боже! Господин штабс-ротмистр... вы!

– Мадам Матильда!

Гусар был ошеломлен не менее, а, пожалуй, и более, он уж никак не ожидал встретить в здешней военной глуши восхитительную рафинированную красавицу-баронессу Матильду Юстиус, изящную блондинку с карими большими глазами и чувственным ртом. Пушистые ресницы ее трепетали, в вырезе платья волнующе вздымалась грудь.

– Как, баронесса, вы здесь? Какими судьбами? – Денис спрыгнул с лошади.

– Я же вам говорила, у меня много мыз. Вот и в здешних местах – тоже. Совсем-совсем рядом, в Хаминго.

– В Хаминго? – обрадованно переспросил Денис. – Действительно, рядом. Да мы же с вами соседи! Вот уж, поистине, подарок судьбы.

– Знаете, и я тоже того же мнения.

Черные ресницы красавицы опустились и вздрогнули. Шаль, связанная из пушистой шерсти, сползла, оголив изящное белое плечико.

– Однако что же мы стоим-то? Надо же вас вытащить. Подождите, позову помощь... Хотя... для начала попробую сам.

Сбросив ментик в траву, молодой человек бесстрашно шагнул в грязь – да не так-то тут и глубоко оказалось, всего лишь по щиколотку. А с холма-то думалось, что ого-го!

– Я подтолкну, а вы подгоните лошадь.

– Ага...

Вытянув тонкую руку, Матильда потянула узду... Напрягся и гусар, уперся плечом в бричку...

– И-и... раз!

Пару-тройку раз толкнули... и вытянули! Выскочила бричка из грязи, выкатилась...

– Ну, слава богу! – Денис утер выступивший на лбу пот. – Только вот как вы дальше-то?

– Да там дальше посуше – возвышенность.

– И все-таки, мадам, сочту своим долгом вас сопровождать. Мало ли там где опять грязь? Помощи можете и не дожидаться.

– Ну, конечно же, сопроводите! – ловко забравшись в коляску, рассмеялась красавица. – Буду только рада. Тем более вам ведь, кажется, все равно по пути.

Шутливо приложив руку к киверу, гусар прыгнул в седло и неспешно поехал рядом с бричкой. Ласково пригревало солнышко, дул легкий теплый ветерок, и, если бы не притаившиеся за деревьями черные слежавшиеся сугробы, казалось бы, что пришло самое настоящее лето. Молодые люди болтали о погоде, о модных журналах и прочей чепухе, смеялись... а вокруг растекалась весна! Май месяц наполнил все вокруг сладковатым запахом первых листочков и пряными ароматами трав. В теплом воздухе, деловито жужжа, пролетел шмель, а в траве, у дороги, заголосила какая-то птица.

– Ой, у вас сапоги в грязи, – вдруг заметила баронесса. – Да и я, признаться, не лучше. Знаете, что, господин штабс-ротмистр? Здесь недалеко ручей. Вода там холодная, зато чистая. Мы там можем вымыться и напиться. Свернем?

– Свернем! – бравый гусар залихватски подкрутил усы.

И впрямь ручей оказался недалеко – журчал на небольшой полянке, уже поросшей мягкой и шелковистой травой. Рядом стоял навес с остатками старой прошлогодней соломы...

– Это моя солома, – с улыбкой пояснила Матильда. – И луг этот – мой.

– У нас тоже имение под Москвою. Есть там такое село – Бородино.

До Бородинской битвы оставалось еще чуть меньше четырех лет. В данный момент император Александр Павлович и Наполеон были союзниками. И шведы нынче – враги французов... и враги России – вот так.

Спешившись, гусар помог даме выбраться из коляски, после чего первым делом напоил лошадь, а уж потом занялся собой. Сняв доломан, умылся, искоса поглядывая на Матильду. Та тоже не очень стеснялась – оставив в коляске шаль, сверкала голыми плечами да изящной шейкой... которую так хотелось погладить, поцеловать...

– Ой, у вас и шея испачкалась! – подняв глаза, улыбнулась красавица. – Вы вот что... Вы снимите рубашку, а я вам полью. Вот из того кожного ведерка... Из которого вы лошадь поили. Дайте его мне... Ну, дайте же! И снимайте рубашку... Да не стесняйтесь, здесь совершенно никого нет!

Честно сказать, не очень-то гусар и стеснялся... Лишь вздрогнул – уж больно студеной оказалась вода.

– Вы такой сильный... Денис...

Баронесса провела пальчиками по спине Давыдова... пощекотала... Денис выпрямился и, обняв красотку за плечи, притянул ее к себе, с пылом целуя в губы. Матильда не отпрянула, отнюдь, наоборот – прижалась еще крепче, гладила гусара по плечам, не отпускала губы...

Их взгляды встретились. И все сразу стало ясно... впрочем, и было... Подхватив баронессу на руки, Денис принес ее под навес, положил на солому, вновь принялся целовать...

– Подожди... – облизав жаркие губы, прошептала прелестница. – Там сзади, на платье... шнурочки...

Давыдов знал, какие шнурочки... да любой гусар знал, кроме, пожалуй, безусого корнета Тошки...

Обнажилась нежная женская спинка... шурша, упало к ногам платье... затрепетала налитая любовным соком грудь... млея от нахлынувшего счастья, гусар накрыл губами сосок...

Так они и стали любовниками... пусть и на короткое время. Лихой гусар и поэт... и местная помещица, баронесса, замужняя женщина... впрочем, в те времена это не особо кого-то смущало и практически никого и никогда не останавливало.

Они все же заехали на мызу – на самой окраине Хаминго, прямо у разлившейся после недавнего ледохода реки. Обычный деревянный дом, добротный, на фундаменте из замшелых камней. Кроме дома – небольшой сад и беседка.

– Я сейчас велю сварить кофе...
Взбежав на крыльцо, Матильда кликнула слуг...
– Hei, Nerra upseeri! Страфствуйте, господин офицер, – весело закричали из беседки.
– А, девчонки! – повернувшись, гусар узнал тех самых подружек-хохотушек из Або. – И вам здравствовать! Хей!
– Это Анна-Кайса, дочь моей кузины, и ее подруга Миина, – появившись на крыльце, представила баронесса.
И тут же расхохоталась:
– Ой, что это я? Вы же уже знакомы. Ну, прошу к столу, господин гусар.

Бравый гусар добрался до штаб-квартиры лишь к вечеру, немного поспал, а в полночь вновь отправился проверять посты, на этот раз – вместе с Кульневым. Ночь нынче выдалась тихая, в небе сверкала ярко начищенной медью луна, и желтые звезды танцевали свои неспешные танцы.

Аванпосты начинались тут же, в сотне шагов от той захудалой избы, что была избрана штабом – Яков Петрович и здесь не изменял себе, больше думая не о своем комфорте, а о своих солдатах. Все же прихватили под уздцы лошадей – дальние караулы располагались не так уж и близко, почти у самой реки, а самый дальний – у вытянутого лесного озера, вернее – цепочки озер, тянувшихся вперемешку с болотами до самого Улеборга.

Прошло минут пять...
– Стой, кто идет?! – грозно окликнули из кустов.
– Честь! – гулко отозвался Давыдов.
– Победа! – невидимый в ночи часовой четко произнес пароль и затих, затаился. И правильно, нечего тут, как голый зад при луне, отсвечивать.
Генерал и штабс-ротмистр прошли еще шагов с полсотни...
– Стой!
– Штыки горят!
– Береженного Бог бережет! Проходите...

Потом уже сели на лошадей, поехали к реке... затем к озеру... Никто из караульных не спал, все добросовестно несли службу не за страх, а за совесть. Подвести такого командира, как генерал-майор Кульнев, среди всех офицеров и нижних чинов считалось почти святотатством.

Соратники вернулись в штаб лишь далеко за полночь, утром же, едва рассвело, Денис вновь отправился с проверкой, дав своему другу и командиру поспать хотя бы чуть-чуть.

– Спи, спи, Яков Петрович, – уходя, прошептал гусар.

На ходу застегивая красный свой лейб-гвардейский доломан со щегольскими золотыми шнурами и пуговицами, штабс-ротмистр оседлал привязанного к коновязи коня да, прыгнув в седло, неспешно поехал по утреннему росному лугу. Природа просыпалась уже, озера и лес исходили туманом, и первые лучики солнца золотили вершины высоких сосен, выстроившихся вдоль дороги в ряд, словно солдаты на параде.

Какая-то птица шустро выпорхнула из-под копыт, засвистела, закружила над лугом. Бодро жужжа, пролетел майский жук, солидный, словно интендантский фургон с амуницией и припасами. В лесу закуковала кукушка, а вот застучал дятел... перекликаясь, запели какие-то пичужки. В воздухе пахло свежей травой и клевером, таволга уже вымахала в рост, а по краям дороги выстелились серовато-зеленые россыпи пастушьей сумки.

– Стоять!

– Терпение!

– Быстрота! Здрав-желаем, господин штабс-ротмистр.

Давыдов вытянулся в седле:

– Благодарю за службу! Молодцы. Есть что доложить?

– Никак нет, вашбродь. Все спокойно.

Дав лошади шенкеля, гусар неспешно поехал дальше, наслаждаясь зарождающимся днем, теплым, солнечным и спокойным. Хотя здесь, в суровых финских краях, солнце в любой момент могло смениться проливным дождем, ветром и хмарью. Подует ветер с моря – и нате вам!

– Слава!

– Честь!

– Здрав-желаем, ваш-бродие!

Солнышко между тем вставало уже, сияющий край его показался над дальним лесом, и пуговицы на доломане гусара вспыхнули ярким золотом. Настолько ярким, что привлекли внимание ворон, внезапно выпорхнувших из придорожных кустов серой крикливой стаей.

С чего б они так резко-то? Может, не в пуговицах дело? Не поворачивая головы, Денис пустил лошадь шагом и прислушался. Ну, точно! Прямо за ним явно кто-то шел! Шел не по дороге, кустами пробирался... скорее всего, там была тропа.

А ну-ка...

– Стой, кто идет!

Вмиг развернув коня, гусар выхватил пистолеты.

– Немедленно покажись, иначе стреляю!

Кусты затрещали, зашевелились...

– Hyvää huomenta, Herra upseeri! Hyvää huomenta!

– И вам доброе утро, девушки! – окинув удивленным взглядом выбравшихся из кустов девиц, Давыдов поспешно убрал оружие. – А! Старые знакомые! Ну, здравствуй, Анна-Кайса, и тебе салют, Миина.

Девчонки-то оказались знакомыми. Подружки-хохотушки, двоюродная племянница баронессы, очень похожая на знаменитую Кайсу Мякярайнен и ее подруга, тоже такая же белобрысая, правда, в отличие от Анны-Кайсы, – пухленькая. Это совсем неплохо, когда девушка пухленькая, есть за что потрогать, помять. Впрочем, и у тощих да почти безгрудых тоже есть свой шарм, особенно если девушка доброжелательная и веселая. Многие, правда, считают тощих девчонок завистливыми и злыми, однако Дэн много раз убеждался, что это не так.

– Вы что тут по лесам-то? – спешившись, гусар галантно поклонился. – За грибами-ягодами вроде бы рано. Заблудились, что ли?

– Keräämme urttejä, – Анна-Кайса, кажется, поняла, заулыбалась. – Мы травы собирать. Лечебные. От всех болезни, да.

Подружка ее, пухленькая Миина, показала мешочек, полный только что сорванной травы.

– Ах, вон оно что, – улыбнулся Денис. – Все с вами ясно. В этой стороне больше не собирайте – тут враг рядом – швед. Швед, понимаете?

– Да, да, понимать. Ruotsalaiset.

– Вон туда идите. Вон, где рябины... туда... – Давыдов показал рукой, и девушки поняливо закивали, повернулись, пошли.

– Ну, прощайте, барышни, – вскочил в седло гусар. – Думаю, еще свидимся!

– Hyvästi, Herra upseeri! Onnea, – повернувшись, подружки помахали руками – до свидания, мол, господин офицер! Удачи.

На этом, однако же, неожиданные встречи не закончились. Повернув лошадь на лесную дорожку, ведущую к озеру, Денис нос к носу столкнулся с каким-то пареньком, по всей видимости, местным. Этаким оборванец, белобрысый и чумазый гаврош, судя по зажатому в ручонке хлысту – подпасок. Ну, с этим все было ясно.

– Что, корову потерял, парень? – покладисто ухмыльнулся Денис. – Следить надо лучше.

Парнишка болезненно скривился, поправив круглую вязаную шапку:

– Tärplikäs lehmä, Kyllä... kirjava... Телка, телка, косподин. Исчу. Ви не видеть?

– Не, – рассмеялся штабс-ротмистр. – Не видал я твою корову. Сам ищи, раз не уберег. Волки ее уж, поди, съели. Эх ты, раззява!

– Волки – плехо, – закручинился пастушок. – Эй, эй...

На левом запястье подростка запеклась кровь... недавний порез? Или просто поцарапался об сучок, об колючку...

– Знамо дело, плохо, – потянувшись, Давыдов лениво зевнул, прикрыв рот ладонью. – Ищи-ищи, парень.

Поклонившись с неожиданной для подпаса грациозностью, мальчишка быстро зашагал прочь. Шел он как-то неуверенно, да и хлыст держал, словно жезл. Обычно пастухи хлыст на плечо закидывают... да и... Вон тут какие репейники-то выросли, да и крапива немаленькая! Любой бы пацан сейчас... да хлыстом... да со свистом! Только ошметки бы кругом полетели – раззудись, плечо! Этот же, вон, идет себе да оглядывается, словно волчонок... Переживает, видать, из-за пропавшей телки. А что русский учит – молодец! Денис и сам вызубрил несколько финских фраз, а ежели б вдруг судьбе стало угодно оставить его нести службу в здешних краях – так и язык бы выучил, даже два – финский и шведский.

Проверив караулы, Давыдов выгадал время и свернул в сторону знакомой мызы, намереваясь навестить красавицу Матильду. Коль службе это не мешает, почему бы и нет? Хорошо бы, чтобы там никто не мешал... Чтоб не было никаких гостей, племянниц... Так вроде рано еще для гостей... Да и, в случае чего, всегда можно поехать покататься... к тому ручейку. Денек-то вроде бы неплохой начинается.

Спрыгнув с седла, Денис привязал коня у забора и поднялся на крыльцо:

– Здравствуйте, мадам! Нувää huomenta. Не спите уже?

– О, господин гусар, заходите! – из гостиной послышался звонкий голосок баронессы. – Вешайте кивер, саблю... У нас, кстати, гость. Да вы его знаете – Амадеус Шенгранн, банкир. Он, знаете ли, ведет финансовые дела мужа... и мои личные тоже, да.

Не сказать, чтоб Денису было так уж приятно лицезреть унылую физиономию банкира, однако делать нечего. Гость так гость.

– Садитесь пить кофе, господин штабс-ротмистр. И не смейте отказываться – обижусь. Матиас, принеси еще один прибор.

Пришлось сесть за стол. Расторопный слуга – белокрылый ливрейный мальчик – проворно подал чашку и блюдце.

Что-то показалась вдруг... Ну да! Левое запястье парнишки было замотано белой тряпицей! Лицо, правда, чистое, вымытое... А вот в

тщательно расчесанных волосах все ж зацепилась желтая сосновая иголочка. Прошлогодня... Та-ак... Что же – это и есть тот самый пастушок? Но... зачем? Зачем баронесса послала его? Или тут... или он сам...

Самые подозрительные мысли в один миг охватили гусара. Неужели тут дело нечисто? Парнишка этот... еще и Шенгранн. Шпионское гнездо? Или все это показалось? Мало ли где бродил с утра этот ливрейный мальчик... Спросить бы... А и спросить! Только не сейчас, не при Шенгранне.

– И какие же финансовые дела в нашей глуши, господин банкир? – допив кофе, язвительно осведомился Давыдов.

– О, я привез любезнейшей баронессе один вексель... очень важный вексель... – Шенгранн был сама любезность... однако белесые, чуть навывахе, глаза его смотрели холодно и зло. – Впрочем, я скоро уеду. Вот уже буквально сейчас.

– Да-да, я, знаете ли, хочу продать эту мызу, – рассмеялась Матильда. – Зачем она мне. Здесь, в непроходимых лесах. Лучше куплю в Эспоо. Там такие красивые места!

Не убедили. Не убедили нисколько. Не-ет, все тут одна шайка-лейка – Шенгранн, баронесса и ее ушлый слуга... Зачем он шатался по лесу? Вынюхивал, где стоят посты? Подслушивал пароли? Ах, Матильда, Матильда... Черт возьми... так, может, она и тогда... специально... чтоб что-то узнать... вывести... ах...

Взять да арестовать их сейчас, всех разом... Однако какие доказательства? Одни догадки... Нет, надо бы еще хоть чуть-чуть понаблюдать...

Быстро допив кофе, Давыдов сослался на неотложные служебные дела и откланялся. Вышел, отвязал от забора лошадь и, усевшись в седло, на рысях подался к лесу... А там и спешился, затаился в ореховых зарослях. Шенгранн ведь сказал, что скоро уедет. Куда? Можно и последить. Вдруг да решится пройти караулы? Прорваться к своим... Если он и вправду шпион... Ах, как все запуталось-то, черт побери!

Отсюда, из орешника, неплохо было видно мызу: дом и все постройки. Да и ждать долго не пришлось. Не прошло и пяти минут с момента отъезда Дениса, как на крыльце показались Шенгранн и Матиас. Мальчишка тотчас же бросился на задний двор и вывел из конюшни оседланную лошадь. Судя по всему, на ней банкир и прибыл.

Прыгнув в седло, Шенгранн помахал вышедшей проводить его баронессе рукою и неспешно потрусил к лесу... В лесу же бросил лошадь в

галоп!

Давыдов не стал ждать, прыгнул в седло и помчался следом. Правда, старался держаться подальше, памятуя, что, ежели банкир повернет к шведам, так будет тут же задержан на первом же посту.

Шенгранн повернул... И пост миновал без всякой задержки, даже не спешился, лишь чуть придержал коня.

Что такое? Почему? Как?

Денис пришпорил коня...

– Стоять!

– Быстрота!

– Атака!

Получив отзыв, Денис повернул коня в кусты:

– Тут только что проскакал один человек...

– Да-да, интендант из статских. Он сказал пароль – мы пропустили...

– Так-так... вот он, значит, что... Доложите командующему – этот человек – шведский шпион! Пусть берет баронессу... А я за ним... Куда он поскакал-то?

– Туда, к озеру.

Денис бросил коня вскачь. Ударили по глазам упругие еловые ветви. Брызнула из-под копыт жирная болотная грязь. Быстрей, быстрей! Только б не упустить, только бы...

– Стоять!

– Слава!

– Честь! Проезжайте, вашбродь.

– Интендант давно проскочил?

– Только что. Туда, к озеру поскакал. Я ему говорил, что там опасно.

Снова ветки в лицо. И грязь. И дорожка сузилась – не проедешь. Давыдов спешился, прихватив пистолеты и тут же услышал ржание. Шенгранн тоже оставил коня. Побежал к озеру... вон его коричневый сюртук за деревьями...

– Стой! Кому говорю, стой!

Денис выстрелил... С такого расстояния, конечно же, не попадешь... да еще кругом кусты, деревья.

Догнать! Догнать супостата. А там поглядим, кто кого... Черт! Да где же он? Куда делся... Ага...

На берегу озера, у самой воды, Давыдов обнаружил брошенный сюртук и сапоги... Лжебанкир уже плыл почти на самой середине озера! Ловко так плыл, быстро... Гусар прицелился, как мог, выстрелил... Ну, куда там. Разве попадешь? Пистолет – он пистолет и есть. Далековато...

– Черт!

В ответ на выстрел гусара с другого берега тоже слышались выстрелы. Били из ружей или, что гораздо хуже – из штуцеров. Пули ободрали березовый ствол над самой головою Дениса. Метко бьют, сволочи, не сунешься! Прикрывают своего, видать, заранее поджидали... Да уж, обидно – но ушел шпион. Вернее, Денис его упустил. Да кто бы знал бы!

Стараясь не сильно высовываться из травы, гусар подполз к берегу и вытянул руку, ухватился за коричневый рукав сюртука. Снова грянули выстрелы. Просвистели над головой пули. Прихватив сюртук, молодой человек проворно отполз прочь, укрылся за старой березою. Отдышался, обшарил карманы... Ничего интересного. Носовой платок, какой-то ключ... и сложенный вчетверо листок бумаги...

Денис развернул...

– Ура – Победа, Человеколюбие – Терпение, Быстрота – Атака, Слава – Честь.

Вот оно что! Все пароли на сегодняшний день. Теперь понятно...

– Хей! – чей-то негромкий голос прозвучал, словно выстрел! Женский голос... верней – девичий.

Дэн обернулся... Она! Чертова саамка! Тарья!

Что-то вдруг ударило в голову... и в глазах лихого гусара померк свет.

* * *

Что-то капало. Капля за каплей – кап-кап, кап-кап. Словно бы кто-то не до конца закрутил водопроводный кран. Капало в соседней комнате, откуда сквозь неплотно закрытую дверь пробивался узенький лучик дневного света. Денис попытался подняться... и схватился за голову, наткнувшись на бинт или просто тряпку. Кто-то его все же перевязал... после того, как ударил! А ведь хороший вышел удар – вон как с ног-то свалил... Кто ж это так? Тарья? Но откуда у этой subtilной девчонки такая сила? И вообще – где он?

Превозмогая тупую боль, гусар приподнялся и покрутил головой. Темная узкая комната... похоже, что без окон, как принято было устраивать спальни во многих крестьянских домах Финляндии. И правильно: в белые летние ночи – темно, а в черные зимние дни все равно ничего не видно. Да и вообще – зачем в спальне окно? Разве что проветрить... а зимой – напустить холода?

Да, похоже, дом – крестьянский. Как и ложе... Денис пощупал набитый соломой матрас, сшитый из мешковины, и невольно улыбнулся. Уж точно не трактир! А если и трактир, то из самых дешевых... Из одежды на себе – лишь узкие гусарские штаны – чакчиры да рубаха.

Поднявшись, Давыдов пошарил вокруг, обнаружив аккуратно повешенные на стену доломан и ментик. Ни сабли, ни пистолетов, конечно, не было. Зато нашлись сапоги – спокойно стояли себе в углу.

Натянув сапоги, гусар накинул на плечи доломан и подошел к двери...

– А! Проснулись, господин штабс-ротмистр? Доброе утречко.

– Доброе, говорите? Ну... кому как...

Денис почему-то удивился, обнаружив в соседней комнате господина Амадеуса Шенгранна, вальяжно развалившегося на кушетке. Банкир был одет в обычную крестьянскую свитку и короткие сапоги. Ну да, ну да, одежду-то пришлось бросить – уж слишком быстро бежал. Вернее – плыл.

– Как водичка, господин Шенгранн? Не слишком студеная?

Банкир засмеялся:

– А я, честно сказать, теплую и не люблю. Купание должно бодрить!

– Да я уж и вижу – взбодрились.

– Прошу, садитесь, господин Давыдов. Вон сюда, к столу. Как раз и кофе поспел... Не хуже, чем у баронессы Матильды Юстиус, смею заверить!

– Сначала б умыться, – покачав головой, пленник подошел к рукомойнику – с него-то как раз и капало.

– Да-да, пожалуйста, – спохватился Шенгранн. – Там и полотенце. Чистое, специально для вас.

Хмыкнув, Давыдов быстро умылся и уселся к столу – вкуснейший запах свежесваренного кофе уже будоражил мозг.

Банкир лично разлил кофе по фаянсовым чашкам... слишком уж дорогими для обычной крестьянской избы, даже для финской.

– Прошу вас...

Денис отпил, блаженно зажмурившись, и вежливо поблагодарил:

– Благодарствую, господин шпион.

– Ах да, – лжебанкир тут же стал серьезным. – Позвольте представиться – адъютант, офицер королевского штаба полковник Ларс Ульвеус! Да, как вы уже догадались – швед. Очень рад нашему, так сказать, всамделишному знакомству. Признаться, не ожидал от вас такой прыти! Еле ушел.

– Будете вести допрос? – Давыдов поставил чашку и, скосив глаза,

быстро глянул в окно... Двор, за ним – почти сразу – лес... Похоже, какой-то отдаленный хутор.

– Если надумали бежать, то, боюсь, я вас разочарую, – улыбнулся шпион. – Здесь вокруг одни болота. Тропинки знают только местные – верные подданные его величества короля Густава Вильгельма.

Денис ничего не сказал, лишь снова потянулся к чашке...

– Что же касается допроса, – между тем продолжал швед, – так его не будет. То, что надо, я уже узнал, иначе бы не ушел. Относительно же вашей дальнейшей судьбы, уважаемый Денис Васильевич, то скажу так – я бы хотел обрести в вас друга. Да-да – друга! Ведь мы с вами вовсе не враги. Наши народы стравили... и вы прекрасно знаете – кто. И я уверен, что вовсе не считаете Бонапарта другом России! Ведь не считаете?

– Не считаю. И что с того? – Давыдов окинул собеседника спокойным и даже в какой-то степени безмятежным взглядом и негромко продолжил: – Однако мы с вами воюем. Россия и Швеция. И вы – офицер враждебной моему Отечеству стороны.

– Да, так, – порывисто возразил полковник. – На какое-то время – да! Поймите, я бы очень хотел, чтобы наши страны стали союзниками! Еще ведь есть и Англия... вместе мы разгромили бы узурпатора, и Россия смыла бы наконец с себя позор Аустерлица и Тильзита! Или вы не считаете это позором, Денис?

Гусар застегнул доломан на все пуговицы и поднялся на ноги:

– За этот, как вы изволили выразиться, позор русские воины – солдаты и офицеры – заплатили своей кровью! И винить их в чем-либо...

– Да бог с вами! Я их ни в чем не виню! Просто наши страны могли бы...

– Могли бы. Но Бог судил иначе. Желаете еще что-то сказать?

Холодно посмотрев на шведа, Давыдов демонстративно заложил руки за спину, всем своим видом показывая, что ему не слишком-то приятна эта беседа... пусть даже пока это и не допрос.

– Пожалуй, на сегодня мы пока и закончим, господин штабс-ротмистр, – полковник Ларс Ульвеус тоже поднялся на ноги. – Если вы хорошо себя чувствуете, то можете прогуляться... Только предупреждаю, вас будут сопровождать. Нет-нет – как я уже сказал, вы отсюда не убежите... просто провалитесь еще в трясину, а она здесь глубокая. Я же пробуду здесь еще дня три... и каждый вечер буду докучать вам своим обществом.

Простившись с пленным до вечера, шпион вышел. Каблуки его сапоги простучали по крыльцу и затихли... В горнице тут же появилась

неулыбчивая пожилая финка, собрала со стола посуду, принялась мыть... Что ж, настало самое время воспользоваться любезным советом шведа – в самом деле выйти прогуляться, хотя бы чисто из любопытства, для рекогносцировки, так сказать.

Как и предполагал Денис, он оказался в лесной усадьбе. Добротный господский дом в два этажа, несколько крестьянских изб, в одной из которых и проснулся пленник. Огороды, аккуратные изгороди, блестящее за деревьями озеро, луг, на котором лениво помахивали хвостами буренки. Вполне себе зажиточное хозяйство – несколько амбаров, конюшни, даже ветряная мельница! Интересно, действительно ли кругом трясина? Вернее, такая уж ли она непроходимая?

Щурясь от солнышка, гусар неспешно прошелся до озера и обратно, краем глаза приметив крепкого сельского парня, неотлучно идущего в отдалении. Ну, Шенгранн ведь предупреждал... вернее, не Шенгранн, а как его... полковник Ульвеус. Да уж, попал так попал, господин гусар! Как-то выбираться надо... придумать – как. Швед сказал, что пробудет здесь еще три дня... а дальше что? Уедет? А он, Денис? Останется здесь, или... Впрочем, все это можно остороженько разузнать за ужином. Сейчас же покуда пойти, выспаться, а то голова что-то прямо раскалывалась. То ли от кофе, то ли от свежего воздуха.

Войдя в дом, пленник снял сапоги и куртку, растянулся на ложе, заложив под голову руки. Думал. Пока хорошо было только одно: генерал-майор Кульнев уже наверняка успел отдать приказ об аресте пособников шпиона – баронессы Матильды и ее ушлого юного слуги. Ишь ты... как ловко они собирали пароли! Ах, Матильда, Матильда...

Ужинали в господском доме. Опять-таки вдвоем со шведом, если не считать парочку безмолвных слуг. Небольшая обеденная зала, овальный стол, накрытый серовато-белой скатертью, простая, без особенных изысков, еда. Мясо, тушенное с репою и морковью, форелевая уха со сливками, ржаные крестьянские пирожки, каша. Правда, еще нашлось недурное вино... весьма-весьма недурное.

Шпион не обманул: никто пленника не допрашивал. Однако каждую трапезу полковник обильно сдобрял беседами, в коих затрагивал самые разные темы, весьма болезненные для русского уха. В большей степени, конечно, говорил о Наполеоне, о «неправильной» этой войне, о том, что новоявленный император французов стремится к мировому господству и всенепременно нападет на Россию. Еще говорил о русской армии. О

солдатах и офицерах – с нескрываемым почтением, о командующем и его штабе – с презрением и ехидством.

– А ведь мы вас непременно разобьем, Денис Васильевич! Вот увидите – разобьем, – смеялся швед. – И вовсе не потому, что ваши воины нерадивые неумехи или, упаси боже, трусы. Отнюдь! Не поэтому, а... вы сами прекрасно знаете, почему.

– Будто у вас в интендантствах не воруют, – пытался возражать Денис. Сказал – и тут же попался!

– Воруют! – полковники Ульвеус охотно, даже с некоторой веселостью, покивал и тут же парировал: – Однако мы своих воров вешаем, вы же их награждаете. Вам известно, насколько увеличилось состояние генерала Буксгевдена с момента начала войны? А состояние генерала Беннигсена? О, это очень большие цифры, смею вас уверить.

Вот здесь возразить хитрому шведу было абсолютно нечего! В самые болевые точки бил, стервец.

А еще припомнил крепостничество.

– Да как же так можно, дорогой вы мой, чтобы одни люди владели другими? Словно какие-нибудь сатрапы или восточные деспоты! А между прочим, девятнадцатый век на дворе. Просвещеннейший! Вы только вдумайтесь – девятнадцатый! Вы только вдумайтесь, какие блага он принесет человечеству. Ах, боже ты мой, даже подумать страшно... От восторга страшно, не от чего иного. Во всем мире свободы расцветут... а у вас? Так и будете людьми владеть, словно патриции римские?

Все правильно говорил швед, и крыть было нечем. Говорил, говорил, а через пару дней исчез. Как и обещал – уехал. Тихо, по-английски, не прощаясь. Честно сказать, Давыдов ощутил даже какую-то обиду – привык уже к стервецу. Мог бы ведь и заглянуть, попрощаться...

Теперь пленник обедал и ужинал в одиночестве, теряясь в догадках – зачем его вообще пленили, притащили сюда? В чем была такая для шведов надобность? Или все просто так получилось, случайно, в пылу? И в самом деле: допрашивать – не допрашивали, даже и докучливый собеседник швед вот куда-то свалил... Зато появился кое-кто другой, точнее – другая!

Она проявилась вечером, когда Денис сел ужинать, распахнув окно от неожиданно навалившейся к вечеру духоты. Пленник только ложку в уху опустил...

– Хей!

Вот так вот, словно ни в чем ни бывало – хей! Привет, мол. Саамка, та самая саамка, Тарья! Тоже, кстати, шпионка... хотя нет, уж лучше сказать –

диверсантка. Уселась на подоконнике, нагло сверкая глазищами. Узенькие оленьи штаны, а вместо зимней, расшитой бисером куртки-малицы – отороченный мехом жилет, бесстыдный – выше пупа.

Неприятная, конечно, встреча, но...

– И тебе не хворать. Ушицу будешь? Ложку, вон, в залавке возьмешь.

– Буду, – девчонка улыбнулась и, спрыгнув с подоконника, нагло уселась за стол. Этакая вот дикарская непосредственность. Впрочем, Дэн воспринимал это спокойно – все ж таки не в девятнадцатом веке рожден!

Хмыкнул, ничуть не удивляясь тому, что саамка понимает по-русски, хлебнул ухи и негромко осведомился:

– Ты зачем шампанское разбила? Чтобы Кульнева случайно не отравить? Впрочем, можешь не отвечать – и так знаю, что ты.

– Я, – Тарья пожала плечами.

– И в вещах моих рылась... там, в Сибо. И в Або, у баронессы... И стрелы... Шенгранн приказал? Нет... полковник Ульвеус.

– Эй, эй! – отложив ложку, юная диверсантка энергично замотала головой. – Не он, нет. Кройто!

Последнее слово она произнесла с явным испугом, даже оглянулась вокруг, как будто кто-то мог притаиться здесь, в спальне.

– И кто такой этот Кройто? Тоже полковник? Или генерал?

– Кройто – Хозяин, – Тарья зябко повела плечом. – Шаман, нойда. Ты... ты надо – уходить. Ночью, да.

Дэн, честно говоря, удивился. Вот всего ждал – только не этого.

– О как! Уходить, говоришь? Да я бы не против. Только кругом – болота.

– Олен... Я знать путь, – девчонка поднялась на ноги. – Я – помогать.

– Помогать, говоришь? – ехидно усмехнулся Денис. – Интересно, с какого такого перепугу? Сама же меня сюда затащила и... Зачем?

– Кройто, – снова глянув в окно, саамка поежилась. – Он приходит. Скоро-скоро. Забирать твою душу, да!

– То есть как это – душу забирать? – удивился гусар. – Убьет меня, что ли?

– Не убить, нет. Много, много хуже, – Тарья подошла к нему и заглянула в глаза. – Понимай! Твою душа – братъ. Ты без души быть, ага. Совсем пустой глаза. Что Кройто приказывать – ты делать.

– Зомби, значит, – недоверчиво покачав головой, Дэн схватил девчонку за руку: – Даже если и так... Ты-то с чего обо мне так печешься? Тебе-то до моей души что?

Тарья моргнула и попыталась вырваться... слабенько так попыталась,

видать, все же жил в ее подлой душонке страх. Покусала губы, глазенками сверкнула, прошептала:

– Твой душа не забрать – мой возьмет! Он давно хотеть, да.

– Ах, вон оно что...

Денис хотел было сказать что-то еще, вполне возможно – язвительное, недоброе. Однако же не успел...

Ворвавшийся в раскрытое окно порыв холодного ветра едва не сдул со стола скатерть. В один миг небо заволокла черная грозовая туча, сделалось темно, как в могиле. Где-то совсем рядом сверкнула молния, громыхнул гром, и стаи птиц понеслись куда-то так низко над землею, что цепляли крыльями траву.

– Однако гроза... – Давыдов подошел к окну, оглянулся. – Закрою. А то еще...

Глянув на Тарью, гусар вдруг осекся – с коварной саамкой явно что-то происходило. Искаженное жуткой гримасой страха лицо ее вдруг сделалось бледным, словно бы обескровленным, вытянутые глаза распахнулись, из приоткрытого рта вырвался тихий стон.

– Кройто... – встав, прошептала девчонка. – Мы опоздали... Он уже здесь... он зовет меня... зовет... зовет... зовет...

Как-то нехотя Тарья направилась к двери, обернулась, словно взывая о помощи...

Подскочив, Дэн схватил ее за руку... и тут же отпрянул. Рука саамки была холодна как лед. И словно током ударило...

– Ты не удержишь меня, нет... – По бледным щеками покатались слезы. – Кройто... он пришел... Беги-и-и-и...

– Но я...

Схватив стоявший у печки ухват, гусар выбежал на крыльцо вслед за девчонкой и застыл в изумлении. Тарьи нигде не было! Она просто исчезла, словно бы растворилась в воздухе в один миг... А вместо нее у крыльца вдруг возникла зловещая темная фигура – высокая и сутулая, в длинном, до самых пят, плаще с капюшоном и с посохом в руке.

Денис поднял ухват... и вдруг ощутил, что силы его уходят, утекают столь быстро, как если б ему перебили артерию картечью или саблей. Выронив ухват наземь, молодой человек пошатнулся и медленно осел на крыльцо.

Темная фигура оказалась уже совсем рядом, откинув капюшон... Денис невольно вздрогнул, увидев прямо перед собою вытянутое желтое лицо. Скуластое и плоское, с бритым подбородком и крючковатым носом, оно производило весьма неприятное впечатление. Особенно жутко

выглядели глаза – глубоко посаженные, темные, прожигающие насквозь.

Вновь сверкнула молния. Длинные волосы незнакомца – не старого и не молодого – зашевелились, словно змеи Медузы Горгоны, глаза вспыхнули желтым огнем... Грянул гром...

– Верно, ты и есть тот самый Кройто, – облизав губы, прошептал Денис. – И что тебе надобно?

– Кройто! – тонкие губы незнакомца искривились в змеиной ухмылке. Отшвырнув посох в сторону, он протянул к шее гусара свои длинные, как у орангутанга, руки. Корявые пальцы колдуна с длинными загнутыми ногтями зашевелились... сжались... затем разжались...

И Дэн физически ощутил, как из него вынимают душу! Это было больно и страшно, но сопротивляться уже не было сил, как не имелось сил и кричать. Да и зачем кричать? Кого звать на помощь?

Сознание вдруг стало смутным, перед глазами все поплыло, и из зыбкого марева вдруг показалась фигура Бурцова! Давыдов сразу узнал старого своего друга... Ах, Лешка, Лешка... ты откуда здесь?

Бурцов вдруг растаял... вернее, не сам он, а лицо... форма же – синий доломан Белорусского гусарского полка – повисла в воздухе, словно сама собой. Узкие штаны-чакчиры вдруг как-то по-девичьи округлились... появилось новое лицо, милое личико синеглазой брюнеточки Леночки, девушки, что так сильно нравилась Дэну, но обзавелась женихом... Лена! Ты как?

Девушка улыбнулась, пушистые ресницы ее томно дрогнули, тонкие руки потянулись к пуговицам доломана... под которым ничего больше не было – ни рубахи, ни какого-то иного белья... Пуговицы расстегивались одна за другой, снизу вверх, быстро и ловко, вот уже обнажился пупок, а вот...

А вот на Леночке засияло ослепительно-белое бальное платье! Нет, это уже не Леночка... а Лидочка! Лидочка Мирская, из Звенигородки... Ах, как она хлопнула ресницами, длинными, темными, пушистыми... Большие голубые глаза, прямой носик, нежный, оставшийся с лета загар и чудные ямочки на щечках... Ах, как она подросла, распустилась, словно волшебный бутон... Настоящей красавицей стала!

Крепостной оркестр заиграл полонез, гусар подхватил девушку под руку, увлекая в танце... Музыка вдруг изменилась – теперь это был вовсе не полонез, а какой-то рок, медленная композиция группы «Найтвиш», в еще старом своем составе, с Тарьей Турунен... Вместо же Лидочки в паре с Денисом оказалась его одноклассница грудастенькая красавица Ольга, в топики и коротких джинсовых шортах... вмиг сменившихся джинсами, а

потом – женской полицейской формой со всякими там шеврончиками-погончиками-кантиками...

Грянул гром! Ольга исчезла, вместо нее вновь возникла Леночка, сверкнула синими глазищами... и обратилась в белую волчицу! Ту самую, из Прейсиш-Эйлау и Фридланда...

Волчица жутко завывала, распахнула клыкастую пасть, намереваясь вцепиться гусару в шею... Вот зарычала... прыгнула...

Дэн живо схватил ухват, ударил...

Гроза уходила. Похоже, только что прошел дождь – с веток деревьев капало, и ступеньки крыльца мокро блестели. Гром гремел уже где-то вдалеке за лесом, небо над головой посветлело. Хоть и был уже глубокий вечер, а все-таки приблизились белые ночи.

Молодой человек осмотрелся и вздрогнул. В руках он держал ухват, а в мокрой траве у крыльца лежал тот самый колдун, Кройто. Лежал без движения.

– Эка я его хватанул, – бросив ухват, вполголоса протянул Давыдов. – Поди, не пришиб ли?

Сойдя с крыльца, гусар склонился над поверженным нойдой... и тут вдруг услышал крик.

– Помоги-и-и...

Кричали как-то глухо и словно бы из-под земли... Оставив колдуна валяться в беспмятстве (так ему и надо!), Денис прислушался... Крик повторился. И в самом деле – из-под земли: кричали из погреба, точнее сказать, из ледника!

Подбежав, Дэн откинул щеколду и распахнул дверь...

– Тарья?!

– Я помогать тебе! Чуть-чуть... – Глаза девчонки сверкнули зеленым светом. – Теперь – бежать. Быстро-быстро.

– Так, может, этого чертова колдуна...

– Эй, эй! Его не убить. Нам – бежать. Быстро. Я – знать дорога.

– Это я уже слышал, – быстро сообразив, Денис протянул саамке руку, помогая выбраться из погреба. – Ну, пошли. Коль уж говоришь, что знаешь... Кстати, этот твой Кройто за нами не погонится?

– Кройто – повержен. Кройто силу набирать. Долго.

– Хорошо, что ухват подвернулся! Вовремя.

– Это я! – задумчиво покусав губы, Тарья посмотрела на Дэна с плохо скрытым страхом. – Я чуть помогать. Но Кройто тебя не смог. Почему – не знать... Мы – уходить. Быстро-быстро.

– И правда – пошли, – улыбнулся Денис. – Чего зря болтать-то?

Юная саамка пошла впереди, все в тех же обтягивающих оленьих штанах и короткой жилетке. Стройненькая и быстрая, с темными, рассыпавшимися по плечам волосами, выглядела она так аппетитно, что Дэн сглотнул слюну. Ему всегда нравились подобного типа девчонки – решительные, красивые, смелые. Эта, правда, была ведьмой... да что там ведьмой – шпионкой, врагом! Впрочем, на этот раз дорожка-то у колдуньи с гусаром оказалась одна. Уносить скорей ноги!

Они и уносили! Бежали – точнее, просто быстро шли – по узенькой лесной тропке, до тех пор, пока совсем не стемнело, так что здесь, в лесу, стало не видно ни зги. Но даже и тогда беглецы еще немного прошли. Под ногами зачавкало, впереди вдруг неожиданно посветлело, и за деревьями показалось какое-то большое озеро.

– Куорта-ярве, – обернувшись, прошептала саамка. – Тут – отдыхать.

Денис быстро наломал лапника, постелил под густой кроной вековой ели и пожалел, что не прихватил с собой ментик. Вторая-то курточка сейчас бы весьма пригодилась: одну бы – доломан – постелил бы на лапник, ментиком бы укрылся... Хотя не так уж и прохладно, да что там – довольно тепло. Правда, девчонка эта – почти полуголая, не замерзла бы. Не дай бог, заболит – потом как выбираться? Дорогу-то только она знает.

И все же... Беглецы напились из озера прохладной прозрачной воды, набросали поверх лапника березовых веток и травы. Денис все же снял доломан – укрыться – и тихонько позвал:

– Ну, иди, ложись... Чего встала?

Тарья, кивнув, улеглась, тесно прижимаясь к широкой груди гусара. Одним доломаном они накрылись, а потом... Кто полез с поцелуями первым, сложно было сказать... Денис или юная колдунья... а скорее – вместе, почти разом... То, что должно было произойти, то и произошло...

Вспыхнул на губах терпкий вкус поцелуя, ладонь гусара скользнула под жилетку саамки, погладила девчонку по спинке... нащупала грудь и, помяв быстро твердеющий сосочек, скользнула в оленьи штаны...

Надо сказать, Тарья оказалась той еще проказницей! Что только не вытворяла! Куда и усталость делась? Или, может быть, красавица тундры просто снимала нервное напряжение... может быть... Юная колдунья с сияющими коричневато-зелеными глазами извивалась, стонала так, что, казалось, было слышно на весь лес, вытворяя то, чего даже Дэн еще никогда не делал... Как приятно было ощущать в руках это невероятно гибкое тело, слышать сладостный стон, чувствуя полное слияние, такое полное,

что...

– Ты не ты, – наконец-то отпрянув, негромко промолвила девушка. – Тебе нет. Я – знать.

Дэн погладил ее по плечу:

– А ну-ка, подробнее! Я не я? Это как же понимать-то?

– Ты – знать, – серьезно сказала Тарья. – Я не мочь... не сказать... Не знать русский.

– Зато шведский, думаю, знаешь... Ну, как там у вас? Руотси! – гусар уже перебирал пальцами по спине красавицы-саамки. Девчонка блаженно щурилась, только что не мурлыкала, словно кошка.

– Так, ты если не можешь сказать, письмо мне потом напиши! – неожиданно предложил Дэн. – Письмо, понимаешь? Kirje!

– Пис-мо, пис-мо, – девушка улыбнулась. – Joo, tieddn! Kirje! Брев.

– Брев... это, я так понимаю, по-шведски? – молодой человек погладил девчонку по волосам, словно убаюкивая. Растянул губы в улыбке: – Только не говори мне, что не умеешь писать. Ты же шпионка! Донесения-то как пишешь?

– Kirjoittaa, – черные ресницы дрогнули. – Muista kirjoittaa.

«Напишет, – догадался гусар. – Вот тогда и узнаем... Эх, спросить бы у нее много чего... Да как?»

– Слушай... Я... Тот, что не я... Я домой – могу? Ну, обратно? Вернуться, я хотел сказать...

Колдунья лишь похлопала волшебными своим очами. Не поняла. Или не хотела понять.

– Эх, жаль, финский не выучил, не успел, – вздохнув, Денис потянулся и зевнул. – Ну, давай спать тогда, чудо. Я думаю, на рассвете пойдем.

Глава 8

Утром Тарья исчезла. Как видно, ушла еще засветло, бросила... Хотя нет, не бросила! Осмотревшись, Денис заметил на тропинке у озера выложенную из шишек стрелу. Вчера ее не было, молодой человек это помнил точно – ходил же к озеру умываться, пить...

Что ж... все понятно. Хитрая девчонка просто воспользовалась гусаром, причем во всех смыслах. С другой стороны, и Давыдов выбрался из плена во многом благодаря юной колдунье. Еще, правда, не до конца выбрался, но...

Золотистый рассвет мерцал утренним солнышком, рассеянным меж палевых облаков. Было тепло, но довольно сыро, хорошо еще, не дождало, да, судя по облачности, дождя и не ожидалось, по крайней мере, в ближайшие пару часов.

Природа просыпалась – радуясь наступающему дню, уже порхали, пели какие-то птицы, где-то совсем рядом истоиво барабанил дятел, а прямо над ухом прожужжал шмель... или майский жук, Дэн не обратил внимания – кто, просто шагал, как мог, быстрее. Шел прямо по тропе, в направлении, заботливо указанном стрелкой. В тех местах, где тропинка раздваивалась или скрывалась в траве, с той же заботой были оставлены метки – кто-то срезал ножом кору на деревьях, так, что метки были хорошо видны.

Сворачивая, Давыдов покачал головой и усмехнулся. Ишь ты, нож у нее, оказывается. Интересно, где прятала? Наверное, на голени, в сапогах... Могла б и зарезать ночью... чик по горлышку – и ага. Однако не зарезала... наоборот – путь указывала. Что и говорить – на редкость заботливая девушка, н-да-а-а...

Оставленные Тарьей условные знаки были хорошо видны... как беглецу, так и возможной погоне! Подумав так, Дэн решил как-то исправить все это дело – прикрыть корой, ветками... Даже уже сорвал траву, но тут же плюнул. Слишком уж много времени это могло занять. Да и насчет погони... Вряд ли она могла быть, учитывая обессиленное состояние Кройто. Да и недалеко тут, наверное, верст пять всего и осталось до Хаминго... ну, много – десять.

Миновав кусты, гусар прошагал еще с полверсты по редколесью и в задумчивости застыл перед жуткой трясинной, зыбкой и покрытой зеленой ряской. Над болотом стелился туман, и как далеко оно тянулось, не предугадал бы никто. Тропинка, впрочем, ныряла в заросли камыши и

рогоза... И никаких условных знаков! Хотя...

Денис присмотрелся: три рогозины оказались сломанными, и, судя по всему, сломанными совсем недавно. Что ж...

Сделав пару шагов, беглец остановился... под ногами явно находилась гать, скрытая зыбкой трясиную. Вот по ней, видимо, и идти... что еще делать-то? Молодой человек сделал с десяток шагов... потом, прошагав метров с полсотни, обернулся: брошенный берег терялся в желтом болотном тумане, сквозь который едва-едва пробивалось солнце – просто висело желтыми мячиком в дрожащем туманном мареве.

Однако куда же теперь? Наверное, прямо... Так, а где это «прямо»? Эх, надо было не оборачиваться, шел бы как шел. А теперь что ж? Завела, проклятая ведьма! Оглядевшись вокруг, Денис заметил росшие невдалеке – метрах в двух – кусточки. Раз кусточки – значит, твердая земля... Туда гусар и шагнул... сразу же провалившись по пояс! Плотно хлопнув, кто-то тут же схватил парня за ноги, потащил вглубь...

Дэн тут же вспомнил, как действовать в подобной ситуации – именно на болоте. В академии, слава богу, учили, по туристскому ориентированию даже проходили сборы. Тут думать нечего, и жалеть красивый доломан – тоже. Жизнь дороже! А потому – черт-то с ней, со всей этой красно-золотой красотой, пуговичками, шнурочками, рантиками... Не рассуждая более, гусар бросился грудью в трясину, заработал руками, подгребая под себя ряску... Давай-давай! Энергичней... быстрее... Ну!

Что-то чавкнуло... Болотная хватка ослабла... и спасительные кусты – вот они, рядом! Еще немножко... совсем чуть-чуть... Есть!

Ухватившись за ветки, беглец подтянулся, выбираясь на земную твердь! Кусточки-то росли на узенькой пологой кочке... Сначала – кусточки, а потом, за ними, и елочки... Одна из них – с обломанной верхушкой. Переведя дух, Денис подошел – ну, точно! Сломано-то совсем недавно. И как он это раньше-то не заметил? Зря, зря обернулся... Теперь вот иди мокрый да грязный, как чушка! Да еще и без левого сапога – скусала его сволочная трясина, не подавилась.

Мокрый, грязный, босой... зато живой! Зато не утопленник. А ведь мог бы и... Перекрестившись, Дэн глянул вверх, подмигнул прятавшемуся за туманом солнышку. Ничего! Прорвемся. Живы будем – не померем.

Узенькая, поросшая елочками коса вывела гусара на берег, прямо на тропу, опять же помеченную сломанною на ближайшей ольхе веткою. Закачался вокруг густой смешанный лес, вновь запели птицы, а впереди, за деревьями, заблестело озеро, узкое, словно река.

Остановившись на берегу, беглец присмотрелся и ухмыльнулся в усы.

То самое место, где бежал Шенгранн... точнее – шведский шпион Ульвеус! Вон здесь, за кусточками, сидели в засаде шведы, а на том берегу, за толстой сосной – он, Денис. Даже отсюда видны следы шведских пуль, выбравшие куски коры... и там же, рядом – обломанная на елочке верхушка... Знак!

Ну, коли знак, так надобно плыть. Заодно и помыться, да постирать одежду, солнышко вон какое – высохнет. Решив так, Денис сбросил мундир, замотал одежду в рубаху и, пристроив ее на спине, решительно вошел в воду, поплыл. Кстати, не так уж и холодно оказалось, вполне даже ничего – освежающе. Да и что сказать – приятно... приятно чувствовать себя чистым после грязной трясины!

Выбравшись на берег, молодой человек живенько простирнул доломан, чакчиры и рубаху, развесил все это по кусточкам, сам же с удовольствием растянулся в траве, на солнышке! Лежи себе, загораю – красота. Ведь уже считай что дома. Отсюда до Хаминго, до штаб-квартиры Кульнева, верст пять... даже поменьше – четыре. Можно и босиком... Только мызу обойти... Хотя там, верно, уже никого и нету. Яков Петрович умен и в долгий ящик важных дел не откладывает – уже, верно, арестовал баронессу, разогнал все ее шпионское гнездовье!

Хорошо хоть успел тогда доложить. Сообразил, ага... Денис потянулся, пожевал сорванного тут же щавеля, скривился, сплюнул – и тут вдруг услышал голоса. Одеваться было некогда, а предстать хоть перед кем в таком вот нагом виде – стыдно. Да и одежда на ветках – тоже не дело. Словно у цыган в таборе.

Вскочив на ноги, гусар схватил одежду в охапку и спрятался там же, в кустах. Если женщин нет, то можно будет и выйти. Особливо ежели знакомый кто...

Голоса приближались, вот уже слышны стали шаги. Мужчины! Беглец осторожно отвел от глаз мешавшие обзору ветки... Двое молодых парней с ведрами и котелками, в расстегнутых мундирах – синих, с желтыми отворотами... Шведы! Линейная шведская пехота! Черт возьми, выходит, они уже здесь?! Перешли в наступление... Быстро!

Попадать второй раз в плен Давыдову что-то совершенно не хотелось. Пока солдаты набирали в озере воду, лихой гусар проворно натянул на себя еще не до конца высохшую одежду и, улучив момент, осторожно пошел следом за шведами, памятуя, что, ежели по пути окажется вражеский караул – так можно будет услышать.

Так и вышло – примерно через полверсты впереди послышались радостные крики. Видать, караульные дождались-таки водички. Что и

говорить, приятно в жаркий-то день... Черт! Денис едва не выругался, напоровшись босой ногой на какой-то сучок. Хорошо, не до крови! Да уж, давненько босиком не ходил – с детства. Да и где тут было ходить-то – по снегу, что ли?

Обойдя караул, беглец немного подумал и решительно свернул на знакомую тропу, что привела гусара к приснопамятному навесу с соломой. Тому самому... ну, где... с этой, с Матильдой... Все же писаная красавица, да! Жаль, что шпионка.

Проходившая мимо навеса дорога вела прямехонько к мызе. Туда-то Денис и решил направиться, хотя бы разжиться хоть какой-нибудь обувью. Судя по всему, в Хаминго сейчас находились шведы, а где были свои – то предстояло еще разузнать, выяснить, и желательно при этом не попасться.

Пару раз по пути пришлось нырять в траву: переждать, пока проедут шведские разъезды. Не считая этого, беглец добрался до усадьбы, можно сказать, без приключений, на глаза никому не попался. Свернув с дороги еще загодя, Дэн прошел прямо по лугу, а затем и вообще пополз, затаился у плетня на заднем дворе.

Мыза выглядела какой-то покинутой и притихшей. Не возились на дворе слуги, в окнах не мелькали тени. Ни звука посуды, ни кофейного запаха, ни голосов. Впрочем, коровы все-таки паслись невдалеке, на лужайке. Значит, на мызе кто-то был. Что ж делать? А ничего! Взять языка да расспросить. Потом раздобыть наконец-то обувь и хорошо бы лошадь. Какое-никакое оружие тоже неплохо бы, хотя бы охотничье ружье с припасами, на худой конец нож.

Вроде пока все казалось спокойным. Перемахнув через изгородь, беглец бросился к дому и затаился у открытого окна... Да-да, окно оказалось открытым – значит, точно кто-то тут жил. Наверное – управляющий, слуги...

Судя по всему, окно это вело в обеденную залу. Оставалось только забраться, да... Денис так бы и сделал, кабы не услышал скрип двери да раздавшиеся вдруг голоса и смех...

Однако! Гусар быстро пригнулся и усмехнулся в усы – голоса-то оказались женскими, точнее говоря – девичьими. Хотя... нет, один все же поглубже... такой подростковый, ломкий...

Ну, конечно – Матас! Ушлый белобрысый мальчишка-слуга. Он почему-то стоял на коленях перед... перед Кайсой Мякярайнен... Тьфу! Перед Анной-Кайсой. Той самой простушкой-хохотушкой, двоюродной племянницей баронессы. Еще где-то должна быть ее подруга Миина... да, наверное, она тоже где-то здесь... не уехала же одна... хотя что-то ее не

видно. Еще спит, наверное.

Прячась за кустами сирени, Давыдов спокойно обозревал залу. А посмотреть было на что! И даже не совсем спокойно.

Кайса Мя... Анна-Кайса, в голубом шелковом халате, расшитом драконами, вальяжно сидела на диване. Скорей, даже не сидела, а развалилась весьма вольно, халат ее распахнулся, обнажив прекрасную ножку почти до самого бедра! Вольно, вольно... Весьма!

Стоявший же на коленях Матиас что восторженно говорил, иногда заикаясь, – признавался в любви? Надо сказать, Анна-Кайса внимала сему весьма благолепно, смеялась, а вот и протянула ручку для поцелуя! Мало того, вдруг поднявшись на ноги, барышня резко распахнула халат... под которым ничего больше не было! Бесстыдно сверкнули грудь, бедра, лоно... Сверкнули и тут же погасли – халатик быстро запахнулся. Застонав от восторга, юный слуга бросился целовать девушке ноги...

Анна-Кайса, впрочем, ничуть не сомлела. Взяла со стола веер, постучала по голове поклоннику, что-то холодно произнесла – похоже, что-то приказывала... Веревки из влюбленного парнишка вила, вот что!

Матиас тут же вскочил на ноги, почтительно поклонился и, взяв поданный красоткой конверт, благоговейно сунул его за пазуху. Потом неловко попытался обнять девчонку... Не вышло, ха-ха! Девчонка снова что-то сказала все тем же холодным тоном. Потом все же чуть улыбнулась... взяла парня за плечи, чмокнула в лоб. Именно чмокнула, не поцеловала по-настоящему, указав рукою на дверь. Иди, мол, сначала приказ выполни... а уж потом... Влюбленный парнишка пылко прижал руку к сердцу и, еще раз поклонясь, наконец-то вышел. Однако не такая уж эта Анна-Кайса простушка, какой когда-то казалась, ага! Покачав головой, Денис продолжал свои наблюдения.

Выпроводив юного ухажера, пылкая финская барышня подскочила к зеркалу, расчесала волосы гребнем, потом открыла стоявшую на зеркальном столике шкатулку... что-то вытащила... приложила к груди, явно любуясь...

Гусар вытянул шею и обомлел! На груди хохотушки Анны-Кайсы красовался вовсе не значок за спасение утопающего и даже не какая-нибудь женская безделушка-брошь, а...

...А серебряная медаль, учрежденная его величеством Густавом Вильгельмом, королем Швеции, за боевые заслуги! Денис узнал и крест, и три королевские короны... Медаль... Такая же, как и у того юного пленного шведа!

Интересно, какие же у этой барышни «боевые заслуги»? Черт... так,

может, она...

Давыдов внезапно побледнел... И в самом деле – может, это Анна-Кайса – шпионка, а баронесса Матильда тут и ни при чем? А все сходится – вон, слуга Матиас, оказывается, именно Анной-Кайсой и прикормлен... при делах... и делает все, что приказано. Интересно... Хотя, может, вовсе и не ее эта медаль...

Так... слуга, похоже, ушел...

Махнув на барышню рукой, беглец осмотрелся по сторонам и, прячась под окнами, пробрался в конюшню. Лошадка оказалась на месте, коляска – та самая одноколка – тоже. Осталось только запрячь... что Денис и сделал, ласково похлопывая лошадь по холке.

– Но-но, милая, но-но... Сейчас с тобой прокатимся, разомнемся...

На конюшне сыскался какой-то совсем уж убогий плащ и вязаная шапка. Нахлобучив это все на себя, Давыдов распахнул двери конюшни... затем сбегал к воротам – открыл и, вернувшись, вскочил в бричку:

– Н-но, милая, пошл-а-а! Н-но-о!

Выехав со двора, гусар еще больше подогнал лошадь, пустив ее мелкой приемистой рысью. Одноколка катилась ходко, лишь потряхивало на ухабах. Хорошо ехал Денис, быстро... Вот только куда? Ну, пока – подальше от мызы, а уж потом будет видно. Правда, если вдруг встретится шведский разъезд...

И что же – снова прятаться? Бегать босым по лесам да оврагам? Похоже, шведы заняли всю округу, но ведь и наши не должны были бы далеко отойти, ведь не бежали же сломя голову из Финляндии прочь, несмотря на всю нерешительность Буксгевдена. А раз не бежали – такое вообще сложно представить! – значит, где-то здесь. Укрылись в лесах, на мызах, рыщут...

Остановив бричку, гусар привстал на козлах, прислушался. Быть может, где-то слышна канонада... в ту сторону он бы сейчас и подался... Увы! Хотя нет... вроде бы что-то гроыхнуло... то ли в лесу, то ли сразу за лесом.

Определенно гроыхнуло! Впереди же, на склоне пологого холма показались всадники – судя по синей форме и шлемам с конскими хвостами – шведские драгуны. Они появились внезапно, выскочили из лесочка и на рысях понеслись на холм, прямо на Давыдова. Денис, впрочем, врагов дожидаться не стал – бросил бричку да спрятался в густых зарослях ольхи и орешника. Затаился, гадая, что же предпримут шведы? Если начнут прочесывать лес, то можно, улучив момент, бесшумно напасть на кого-нибудь из отставших солдат, завладеть хотя бы палашом и

пистолетами.

Так бы гусар и поступил, да вот только шведы повели себя странно. Не обратив особого внимания на бричку, драгуны спешили и, взяв коней под уздцы, принялись рассредоточиваться по всему холму. Именно так – рассредоточивались, а не прочесывали округу! Повинуясь отрывистым командам худого усатого офицера, некоторые спешивались, привязывали коней, готовили пистолеты и штуцеры, присматривая удобные для обстрела дороги места.

Засада! – сразу же догадался Давыдов. Шведы устраивали засаду, причем делали это быстро, не отвлекаясь по мелочам. Надо было что-то предпринять – сбежать по лесистому холму вниз, предупредить своих, буде те покажутся на дороге...

Черт! Не успел. Уже не успел...

Внизу, у подножья холма, послышался топот копыт и лошадиное ржание, из-за перелеска вынырнула стройная колонна всадников. Синие мундиры, белые шнуры... пуговицы блеснули серебром на солнце... Гродненцы! Гусары! Свои.

Однако же еще чуть-чуть, и...

Некогда было думать, некогда рассуждать – нужно действовать, и действовать немедленно, быстро, прямо сейчас. Покусав губу, Дэн сбросил плащ, протиснулся по кустам и, словно рысь, прыгнул на ближайшего драгуна! Только что не зарычал...

Прыгнул, толкнул, выхватил штуцер и тут же выпалил! Нет, не в упавшего, а в тех, кто, выхватив палаши, уже бежали к неведомо откуда взявшемуся гусару.

Случившийся выстрел разорвал тишину, но что предприняли гродненцы, Денис сейчас не видел. Прямо на него шло трое драгун – здоровенных усачей-шведов. В руках их тускло блестели палаши, у Дэна же, кроме бесполезного штуцера, – ничего.

Штуцер он отшвырнул... Резко, сразу же – угодив прикладом в плечо одному из врагов! Швырнул и бросился обратно в кусты, не обращая внимания на исцарапанные в кровь ступни. А пущай вражины побегают! Коли у них будет на то время.

Позади затрещали кусты... послышался отрывистый приказ офицера... а где-то совсем рядом радостно запела труба! Свои... гусары... гродненцы...

За Давыдовым уже никто не гнался: получив приказ, драгуны изготовились к схватке... коя не замедлила случиться буквально в сей же миг!

Стук копыт и громовое гусарское «ура» сменили выстрелы и звон сабель. Завязался бой, и штабс-ротмистр не стал отсиживаться, тем более прямо на него вдруг выскочил какой-то молодой драгун. Тяжелое ружье со штыком, палаш у пояса... Парень, видно, не ожидал встретить врага у себя за спиной... однако сразу же совершил выпад.

Денис резко отскочил в сторону и, схватив правой рукой цевье мушкета, левой ударил врага в нос – как в академии учили. Больно, страшно, ошеломляюще! Тут же хлынула кровь, швед запрокинул голову, полностью потеряв ориентировку... пусть на каких-то пару секунд – их вполне хватило...

Выхватив из ножен врага палаш, Дэн без раздумий нанес рассекающий удар по плечу шведа... Где-то рядом заржала лошадь! Бросившись на звук, гусар отвязал коня и птицей взметнулся в седло! Теперь у него был и конь, и палаш...

Совсем рядом, на дороге, уже вовсю гремела схватка – звенели палаши и сабли, слышались хриплые крики и стоны. Туда и бросил коня Денис! Вылетел, словно демон, в рваном доломане, лохматый, босой...

Вылетел... ударил с налета одного, другого... Завидев своих – Кульдякова, Тошку, – засмеялся радостно:

– Ну, здорово, братцы! Эко пришлось свидеться.

Сзади сверкнул палаш... Но тут же просвистела и пуля... кто-то из своих выстрелил... Тошка же, признав Давыдова, выпучил глаза и заорал, как мог, громко:

– Денис Васильевич! Денис! Давыдов с нами, господа гусары!

– Давыдов! Денис!

– Здорово, Костя! Здорово, братцы, здорово.

Сие радостное известие придало гродненцам силы, так что уже через несколько минут они разделили шведов в пух и прах... по крайней мере, тех из них, кто выскочил на дорогу. Что же касается остальных, то те, услышав раздавшиеся в отдалении трубы и барабаны, поспешили ретироваться. И вовремя! Внизу, на склоне холма, показались зеленые мундиры русской пехоты.

* * *

– Ах, Денис, Денис, друг ты мой сердечный! – Яков Петрович Кульнев с невероятной радостью обнимал Давыдова, то и дело хлопая гусара по плечу. – Я уж отправил отряд прочесать окрестности, да тут и швед в

наступление перешел! А ты, смотри-ка, и сам объявился. Да еще как объявился! Ну, хват, хват... А баронессу мы арестовали, не думай.

Дэн помрачнел:

– Теперь думаю, что зря...

– Зря – так отпустим, недолго, – тут же уверил Кульнев и со смехом продолжил: – Вовремя ты, Денис, вовремя. У нас тут веселые времена настали, лихие времена. Чтоб ты знал, нынче наш непосредственный командир – граф Николай Михалыч Каменский. Молодой да ранний, и, как и ты – хват. Ну, батюшку-то его, старого графа Каменского, ты, брат, знал.

– Да уж знал, – Давыдов невольно усмехнулся, вспомнив, как, желая получить вожделенное назначение в действующую армию, подстерегал старого графа в одной из петербургских гостиниц. Изрядно тогда его напугал!

– Ну, так у нас теперь весело! – заметил Яков Петрович. – То было шведы наступали, а уж теперь – мы!

– Ужо повоюем! – Денис радостно потер руки и осведомился, где бы можно пошить новый мундир, взамен изорвавшегося старого.

– Мундир, говоришь? – задумался Кульнев, взъерошив седую свою шевелюру. – Даже не знаю... Сабли, пистолеты, штуцеры – этого добра у нас нынче хватает – трофеи! А вот мундир... Хотя постой-ка! Есть же в Хаминго портной! Костя Культаков у него недавно ментик заказывал... так ты у Константина-то и спроси.

Возвращению лихого гусара искренне радовались все, по сему поводу даже устроили пир... А уж как был рад верный Андрюшка!

– Ах ты ж, батюшка, барин... – утирал слезы слуга. – А я-то, дурень, уже хотел сам поискать... И поискал бы. Отправился бы в самые чащи.

– Ну, полно тебе, Андрей Батькович... Говорю же, полно!

Баронессу Матильду Юстиус, отправленную под арест в Або, вскоре с извинениями выпустили, о чем лично хлопотал Давыдов. На мызу баронессы был отправлен разъезд, правда, удалось пленить лишь мальчишку-слугу Матиаса. Прикидывавшаяся простушкой Анна-Кайса и впрямь оказалась матерой шпионкой – отстреливалась, ранила одного из солдат и, зараза такая, сбежала. Вовсе не зря шведы наградили ее медалью, вовсе не зря!

Что же касемо Тарьи, так той Денис больше не видел, как и незадачливого колдуна Кройто, как и Шенгранна-Ульвеуса. Да и где их тут было увидеть, когда начались такие горячие дни, что времени не хватало даже поесть! С благословения и по приказу молодого графа Каменского

авангард Кульнева рыскал по всему побережью и ближайшим лесам, громя шведов в хвост и в гриву! Если не везло захватить шведские военные склады – «магазины», питались грибами да ягодами, благо уже с июля этого добра в здешних лесах имелось в неописуемом множестве.

– Вот говорят: щи да каша – пища наша, – улыбаясь в усы, шутил Кульнев. – У нас же ныне пища – ягоды да грибы! Не особо, конечно, но что ж...

– А мне грибы нравятся, – вытянув на привале ноги, Денис Васильевич – Дэн – мечтательно закрыл глаза, представив скворчащие на сковородке белые... да с картошечкой, да под водочку, эх-х!

Его все больше тянуло на прежние, казалось бы, уже давно позабытые вещи. Как-то раз с острой силой захотелось вдруг пепси-колы с гамбургерами, потом – глянуть хоть какой-нибудь фильм, даже пусть и преме́рзкий, а еще – сесть за руль какого-нибудь, хоть даже и совсем отстойного, авто да дать газу! Вот такого всего в последнее время хотелось – и очень сильно! Да и сам Денис замечал, что после возвращения из плена он стал каким-то другим, не таким, как прежде. Молодой человек чувствовал себя именно Дэном, курсантом академии, будущим следователем или опером... и уж никак не Денисом Васильевичем Давыдовым. Он уже не помнил детства Дениса... того Дениса, поэта... не помнил прежних друзей... Наверное, мерзкий колдун Кройто все же сумел забрать душу Дэна... только это оказалась душа поэта, а не курсанта! От того-то и обессилел, впал в ступор лапландский нойда-колдун – он уж никак не ожидал, что у одного человека могут быть две души! А вот на то и напоролся.

Еще, слава богу, остались хоть какие-то навыки. Многое – кавалерийский аллюр, фехтование и прочее – помнило тело, кое-что – манеры и французский язык – мозг. Однако вот что касалось поэзии... Дэн даже холодел – а вдруг больше не получится сочинять?

Однажды, в белесый финский вечер, попробовал – набросал кое-какие строчки в заветную поэтическую тетрадь...

И – странно – буквы словно сами собой ложились на бумагу, перо скользило легко и привольно...

...как идет к тебе
Быть лукавой и обманчивой!
Ты изменишь – и прекраснее!
И уста твои румяные
Еще более румянятся

Новой клятвой, новой выдумкой...

– Пишете, Денис Васильевич? – благоговейным шепотом спросил сменившийся с караула корнет. – А это... прочтете?

– А что, Антон Иванович... Хочешь послушать? – Дэн невольно улыбнулся – слишком уж восторженный был у мальчишки вид.

– Хочу! – сняв кивер, тряхнул светлой челкой корнет.

Сказал, и тут же смущенно прикрыл веки, застеснялся, словно девушка:

– Если, конечно, можно...

– Да почему ж нельзя?! Слушай...

И, богами вдохновенная,
Ты улыбкою небесною
Разрушаешь все намеренья
Разлюбить неразлюбимую!

– Разлюбить неразлюбимую! – выслушав, шепотом повторил Тошка. – Эко вы сказали... Славно! А можно... Можно мне эти стихи в свою тетрадку переписать?

– Да переписывай, брат, чего уж!

– А как они называются? Кому... ой! Я, верно, не в свои дела лезу.

Мальчишка снова смутился, и бравый гусар, потрепав его по плечу, задумчиво склонил голову:

– Называются... Ну, скажем – подражание Горацию. А кому? Хм... кабы точно знать... Эх, Антон Иваныч, кабы ты знал, как мне картошки с белыми грибами хочется!

– Ну, белых тут полно, – невольно улыбнулся Тошка. – А вот картофель... С грибами? Его же с сахаром едят! И то по большим праздникам. Насколько знаю, хоть матушка Екатерина и приказывала сажать «земляные яблоки», а крестьяне-то его не очень любят и сажают редко.

Корнет потянулся и, прикрыв рот рукою, зевнул:

– Хотя у финнов, говорят, растет кое-где. Я даже сам как-то видел... уже побеги взошли.

– Так-так-так! – потер руки Денис. – А ну-ка, брат, припомни – где? Может, картошечки-то сладим. Тем более сейчас у нас август... уже клубни есть, пусть и молодые... Ну? Вспомнил?

– Ох, Денис Васильевич... Кулаха... Кухама... Кухаламби! – радостно сверкнув глазами, подросток вдруг хлопнул себя по лбу. – Ну, точно! Кухаламби – хутора там, селение.

– Так-так!

– Я уж, если что увидел, то не забуду ни в жисть! – не преминул похвастать корнет. – Вот, Денис Васильевич, ей-богу! Кухаламби... селение... Там огороды... и побеги картофельные я там видел.

– А где это... Кухаламби?

– По оравайской дороге. Нам туда скоро в наступление идти.

Тут же и сговорились с корнетом завтра же улучшить удобный момент да пойти поискать огороды, там и свежей картошки купить... ну, или так выкопать, много ли на сковородку надо?

– Не так тут далеко, – седлая коня, шмыгнул носом корнет. – Туда-сюда – за час обернемся.

– Славно, – Давыдов одобрительно покивал. – Ужо, Антон Иванович, угощу тебя картошкой с грибами! Ранее-то такого, небось, не едал?

– Не едал, – усаживаясь в седло, честно признался Тошка. – Правда, вот, Денис Васильевич, сомневаюсь... понравится ли?

– Да понравится, – трогая коня, Дэн негромко расхохотался. – А не понравится, так я за тебя съем.

Хмурое северное утро стелилось туманом. В небе, меж облаками, зияли бледно-голубые прорехи, что давало надежду на погожий денек. Корнет и штабс-ротмистр остановили коней на опушке и спешили в виду небольшой деревни. Серые дома и сараи маячили невдалеке, за рябиновой рощицей. Улица казалась пустынной, однако из труб уже поднимались дымы.

– Вон, у того крайнего дома, – показал рукой Антон. – Там огород. Картофель. Что, Денис Васильевич, поедем, купим?

Юноша уже бросился было к лошади, но Давыдов придержал его за рукав:

– Постой. Вдруг да в деревне шведы? Поглядим пока, слышишь.

– Угу... – Тошка кивнул, соглашаясь, и тут же переспросил: – Долго ли будем ждать?

– Да недолго, – отмахнулся Денис, пристально всматриваясь в селение.

Деревня просыпалась, в хлевах уже мычали коровы, слышались чьи-то голоса и собачий лай.

– Нас почуяли! – насторожился корнет. – Не по-доброму лают, не на своих.

И впрямь собачки лаяли остервенело, явно на чужаков... правда, псов почти сразу же успокоили, цыкнули...

Давыдов покачал головой:

– Не, не на нас. Ветер-то в нашу сторону.

– Ага... И все же чужой кто-то в деревне есть! Ох ты ж... И вправду шведы!

Тошка едва не выругался, увидев вышедший со двора отряд – с полдюжины солдат в синих мундирах. Шли солдатушки браво, только что строевых песен не пели, а на плечах вместо ружей держали лопаты и кирки.

– А вон еще, – повернув голову, прошептал корнет. – Тоже с лопатами... Рыть что-то собрались. Неужто оравайский тракт перероют?

Дэн насмешливо ухмыльнулся и, сплюнув, отозвался задумчиво и тихо:

– Перерыть-то не перероют. А вот орудия могут вкопать... Хотя что гадать? Пойдем-ка, попробемся да глянем.

Отправляясь за картошкой, приятели накинули серовато-зеленые пехотные плащи, кивера же заменили фуражками – и то, и другое было положено по штату. Да что и говорить, хороши бы сейчас были господа гусары в своих ярких щегольских мундирах! Тошка – в синем, с белыми шнурами, гродненском, а Давыдов вообще – в лейб-гвардейском, красном. С золотыми сияющими пуговицами! Какая уж тут маскировка, ага. Хорошо – плащи спасали.

Первым делом молодые люди отвели лошадей шагов на полсотни в лес, там и привязали. Чтоб не заржали ненароком, не захрипели бы, внимание бы не привлекли. Ведь явно же шведы что-то задумали и наверняка выставили часовых.

– Да зачем им тут часовые-то? В деревне! – азартным шепотом возразил корнет, пробираясь след в след за Давыдовым по узенькой, заросшей высокой травой тропинке.

– Падай! – бросаясь в траву, шепотом приказал Денис, и Тошка тотчас же, без всяких раздумий, последовал его указанию, плюхнулся рядом, в кашку.

Впереди, на дороге, показались всадники. Двое драгун неспешной рысью огибали деревню, внимательно посматривая по сторонам.

– Вот и караул, – Давыдов покусал усы. – Да уж... точно – задумали что-то шведы. Как бы только узнать поточнее – что? Ближе не подберемся – разъезды, да и собаки еще...

– Может, возьмем языка?

– Языка... Впрочем...

Обернувшись, Дэн посмотрел на лес и, неожиданно усмехнувшись, махнул рукой:

– Поползли-ка, Антон Иванович, обратно.

– Обратно? – удивленно округлив глаза, Тошка покусал губы. – Но... зачем? Разве мы не...

– Узнаем! – тотчас уверил Денис. – Увидим. Все, что надо – высмотрим.

Напарники пригнулись и зашагали обратно в лес... И снова пришлось падать в траву – проскакал шведский разъезд!

– Однако... – поднимаясь на ноги, юный гусар чихнул и едва отплевался от набившейся в нос пылицы. Угораздило же упасть прямо в цветник! Вездесущая кашка, пастушья сумка, а еще – колокольчики, васильки, ромашки и какие-то мелкие желтые цветки, кажется – лютики.

– ...однако часто они ездят, – откашлявшись, закончил свою мысль корнет. – Так мы, Денис Васильевич, что будем...

– Да просто все, – добравшись наконец до леса, Давыдов выпрямился и потянулся. – Выбирай дерево повыше да лезь – вот и все дела.

– И правда! – Тошка радостно хлопнул в ладоши и засмеялся... наравшись на тычок своего более опытного собрата:

– А ну – тс-с! Тихо. Ишь, расшумелся... – Осматриваясь, Дэн показал рукой. – Давай-ка на ту сосну... А я вон на липу. Не вздумай только кричать. Потом, внизу, доложишь.

Кивнув, Тошка подбежал к сосне, скинув плащ, доломан и фуражку... Отцепил саблю, потом подумал и сбросил еще и сапоги. Обернувшись, тряхнул челкой и, поплевав на руки, вмиг забрался на самую вершину. Уселся на толстом суку, всмотрелся...

То же самое проделал и Денис, только не так быстро, а не торопясь, с осторожностью. Все же весил-то он куда больше тщедушного мальчишки корнета.

С высоты деревня оказалась очень хорошо видна, не слишком мешали и росшие почти у самой околицы рябины. Дэн присмотрелся... и невольно присвистнул: в каждом дворе виднелись синие мундиры! Линейная пехота, драгуны, орудия... На восточной же окраине, как раз у дороги на небольшой городок Оравайс, шведы деятельно устраивали укрепления: земляные четырехугольники с валом, рвами и площадками для орудий – редуты! Ага... так вот в чем дело-то...

Спустившись на землю, гусар свистом подозвал корнета. Тот не сразу

откликнулся, увлекся, видать...

– Да слезай ты уже, – подойдя к сосне, Давыдов яростно ударил кулаком по стволу.

Вот тут Тошка заметил, слез... и сразу же хотел доложить, однако штабс-ротмистр приложил палец к губам:

– Сейчас – к лошадям, уходим. По пути все расскажешь.

– Ага... Ой! Так точно, господин штабс-ротмистр!

– Да не ори ты, тьфу!

Никем не замеченные, господа гусарские офицеры отвязали лошадей и, усевшись в седла, подались к своим бодрым кавалерийским аллюром. Сначала ехали друг за другом, а когда дорога расширилась – рядом.

– Ну, – скосив глаза на юного своего напарника, улыбнулся Денис. – Теперь излагайте свои соображения, господин корнет.

Тряхнув челкою, Тошка важно выпятил грудь:

– Излагаю, господин штабс-ротмистр. Извольте! Шведы редуты роют. Всего в количестве четырех. Оравайский тракт перекрывают. А мы же... Это же, Денис Васильевич, как заноза нам!

– Верно мыслишь, корнет, – покивал Дэн. – Уж точно заноза. Ну, и каков там состав гарнизона?

– Ой... – натянув поводья, парнишка растерянно моргнул. – А как-то там и не сосчитать было...

– Так, а что там считать-то? – с видом бывалого вояки хмыкнул Денис... Дэн.

Еще в академии занятия по истории войн являлись одним из его любимых предметов! Дэн старался ни одной лекции, ни одного семинара не пропускать. А потому и насчет редутов сейчас объяснил с легкостью:

– Стороны редутов сколько шагов длиной? Ну, примерно?

Тошка задумчиво наморщил нос:

– Ну, примерно шагов с сотню...

– Так и есть, – скупно похвалил Давыдов. – Значит, в каждом редуте – по четыреста человек. Плюс орудия. Восемь, а то и шестнадцать. Четыреста умножаем на четыре – получаем сколько?

– Умм...

– Ты в школе-то учился, корнет? Вижу, математика прошла мимо.

– Сейчас, господин штабс-ротмистр, сочту... М-мм... Одна тысяча шестьсот человек! Так получается.

Юный гусар горделиво распрямил плечи.

– Именно так – тысяча шестьсот, – согласно покивал Дэн. – Это и есть

их гарнизон. Плюс шестьдесят четыре пушки. Впрочем, это самое большее.

– Ой, Денис Васильевич... – корнет восхищенно свистнул. – И как это у вас все так ловко вышло!

– Поживи с мое – научишься, – хмыкнув, штабс-ротмистр подогнал лошадь.

По возвращении Давыдов немедленно доложил обо всем командиру. Кульнев выслушал своего адъютанта внимательно, почесывая бакенбарды, что являлось верным признаком наступающего боевого азарта.

– Тысяча шестьсот, говоришь? Орудия? А ведь они этими своими редутами нам всю малину испортят... Вот что! Выступаем немедленно! Прямо сейчас. Пока не достроили... пока не разместились... пока...

По приказу генерал-майора трубачи тотчас же затрубили «поход». Все живо построились – кавалерия, артиллеристы, пехота.

– За мной, храбрецы-усачи! – вытянулся в седле Яков Петрович. – Посейчас же ударим на шведов, сомнем. Гусары, братцы – вперед. За ними драгуны. Мы ворвемся – пехота закончит. А потом, как отойдем – артиллеристы, братушки, задайте вражинам жару!

Как всегда, приказ был лаконичен и ясен. Перекрестившись, генерал-майор Кульнев лично повел свой полк в наступление. Рванулись синей лавою гродненские гусары, затрепетали конские хвосты драгун, покатали, разбрызгивая лужи, пушки, грозно засверкали штыки.

Скакали на рысях, быстро. Вот уже и знакомый лес, рябиновая рощица, за ней – оравайский тракт, Кухаламби – селение...

– А ну, братцы! – обернулся в седле Кульнев.

Рванулись из ножен сабли... Выскочив из лесу, гусары бросились на недостроенные редуты.

Шведы, конечно, заметили врагов, попытались развернуть пушки, выстроиться... Но было уже поздно. Уже звенели клинки...

Перепрыгнув насыпь, Денис бросил коня в самую гущу врагов, ударил, рубил саблею направо и налево... Вот вам, вот!

Какой-то всадник в блестящей кирасе и шлеме бросился на него с палашом, Денис замешкался, не смог увернуться... пришлось поставить клинок... Удар! Звон... сменившийся противным треском... Легкая трофейная сабелька не выдержала тяжелого палаша. Хрустнула, сломалась... Кирасир с торжествующим хохотом занес над гусаром клинок...

Давыдов живо выхватил седельные пистолеты, выстрелил...

Пистолетные пули, насквозь пробив кирасу, вышибли шведа из седла! А вот не будь таким самонадеянным, не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

Звон клинков, выстрелы и крики гремели уже повсюду, недостроенные редуты затягивал едкий пороховой дым... Пушки! Не дать шведам развернуть пушки!

Наскоро осмотревшись, Денис бросился на орудийный расчет, налетел словно коршун... Не он один – рядом, локоть к локтю, оказались друзья – поручик Костя Культяков и корнет Антон Иванович... Тошка...

Гусары завязали бой, ошеломляя врагов своим яростным натиском! Почти сразу же на помощь им подоспела тяжелая кавалерия – драгуны. Кто-то рубил, кто-то спешил, ударил в штыки... Затем подошла и пехота, послышалось громовое «Ура!»... и шведы были просто сброшены с насыпей своих недостроенных редутов!

Вновь запела труба. Ударили барабаны. Очистив укрепления от врагов, русские войска, повинаясь приказу, организованно отступили к лесу... И тотчас же грянула артиллерия, засвистела картечь, разорвались начиненные порохом ядра – бомбы... Уже к вечеру дорога на Оравайс оказалась свободной!

А потом случилась еще и битва при Куорманском озере, и сражение при деревушке Сальми... И везде воины генерал-майора Кульнева оказались на высоте! За проявленную смекалку, мужество и отвагу Яков Петрович представил Дениса к наградам... однако царь не торопился подписывать рескрипт. Злопамятен оказался император Александр Павлович, не забыл давыдовских басен.

Летом текущего, 1808-го, года дела пошли такие, что Дэну некогда было опомниться, подумать – кто он и зачем вообще здесь? Враг был повсюду, нужно было сражаться, биться безо всяких раздумий – за своих друзей, за солдат, за Россию. В ходе затянувшейся финской кампании никто из воевавших там русских воинов уже не думал про Наполеона, про его странный «союз» с императором Александром, давший возможность отбить у шведов Финляндию. Справедливой ли была эта война, нет ли – сказать было сложно. В конце-то концов финны получают свою государственность именно из русских рук... пусть даже эти руки – руки большевиков! И русские цари будут отстраивать Гельсингфорс-Хельсинки и многие другие финские города, сделав необычайно много для просвещения Великого княжества Финляндского и финской культуры. И вовсе недаром благодарные финны поставят памятник русскому императору Александру Второму на главной площади своей столицы.

Все это будет... но будет – позже, а сейчас – война.

Как-то уже в начале сентября Яков Петрович вызвал к себе всех своих штаб-офицеров. Словно хлебосольный хозяин, усадил всех за стол, сам же, вытянувшись во весь свой немаленький рост, прошелся по убогой горнице, едва не задевая головой притолочные балки:

– Вот какие дела нынче у нас, господа мои. Как вы знаете, не так давно разбитые нашим славным графом шведы отступили к Вазе. Однако же разведка донесла, что Клингспор все же оставил Вазу, выбитый генералом Демидовым, и закрепился у Оравайса. Как ты, Денис, и предполагал, к слову.

Давыдов вытянулся и щелкнул каблуками. Все же приятно было предугадать маневр шведского командующего, графа Морица Клингспора.

Склонив голову набок, Кульнев с хитроватой усмешкой посмотрел на своего верного адъютанта и продолжил:

– У Клингспора – семь тысяч человек. На флангах – морской залив, утесы да непроходимая чащоба...

Тут Яков Петрович чуть помолчал и хмыкнул:

– Ну, это шведам так кажется, что непроходимая. Молодцы генерала Демидова, да и сам Николай Иванович так не считают вовсе. Пройдут!

– Знамо, пройдут, – невольно заулыбались офицеры. – Нам ли, русским, леса бояться?

– Вот и я думаю – пройдут, – Кульнев почесал кончик носа и снова сделался серьезным. – Однако же наша задача, господа мои, – завязать бой. Как и положено авангарду, ударим по врагу первыми!

– Ударим, Яков Петрович!

– Ужо покажем шведу!

– Вот это, братцы, дело, ага.

Наступило утро, не столь уж и раннее, наверное, было около восьми часов. На лугах выпала обильная роса, над бурной неширокою речкою, протекавшей возле самой деревни, стояло туманное марево. Уверенно пробивавшееся сквозь палевые облака солнышко еще пряталось за деревьями, обещая хороший день.

Всматриваясь в позиции шведов, Денис поежился – с залива тянуло свежим ветром, так что по поводу хорошей погоды еще бабушка надвое сказала! Как ветер, как повезет. Впрочем, сейчас, в преддверии сражения, это не казалось важным. Как будет, так и будет. Главное – разбить притаившегося врага да закончить наконец-то поскорее эту дурацкую,

надоевшую всем войну.

То же самое, верно, думал и командующий авангардом. Кутаясь в плащ, Яков Петрович глянул в подзорную трубу... постоял немного и, повернув коня к верным своим гусарам, махнул рукой:

– Ну, что, братцы? Повоюем! Трубите поход!

Резко запели фанфары, ударили барабаны, и выскочившие из-за холма синие гродненские гусары, сверкая саблями, полетели на врагов. Впереди скакал сам Кульнев в окружении верных штаб-офицеров, слева лились лавой гусары, справа – драгуны и егеря. Угрюмо печатая шаг, ступала позади ошетилившаяся штыками пехота.

Рывкнула артиллерия... пронеслись над головами конников ядра. Ухнули по шведским позициям, угодили в реку и в скалы.

– Ура, братцы! – взмахнув саблею, прокричал Кульнев.

Немедленно громовое «ура» подхватили все: гродненские гусары, драгуны, егеря, пехота...

Вращая над головой саблей, Денис гнал лошадь как проклятый! Сердце пело и ветер бил в лицо, и победа казалась такой близкой... что просто невозможно было не победить!

Однако не тут-то было! Под натиском русских войск шведы вовсе не дрогнули. Огрызнулись картечью, выслали по флангам кирасиров и драгун, а чуть погодя – ударили в контратаку, в штыки.

Денис на скаку пригнулся, ощутив, как просвистели над головою пули. Скосив глаза, глянул на своих... Вражеская картечь рванула доломан скакавшего рядом гусара, раскровянила грудь... Бедолага зашатался в седле, откинулся, а вот уже и упал, запутался левой ногою в стремя, и лошадь потащила его к заливу.

Впереди показались шведы – пехота. Ахнул ружейный залп, качнулись штыки. Уходя от пуль, Давыдов бросил коня влево, обогнул вражеское каре и вместе со всеми навалился, ударил, не давая шведам опомниться.

Вновь раздалось «ура»... и крики потонули в залпе орудий. Злая картечь вырывала гусар из седел, попадающие в самую гущу войск ядра отрывали руки, ноги и головы. Звон клинков, крики и стоны раненых слились в один яростный гул, гул битвы. Кто-то падал и снова вставал... многие же и не поднимались вовсе, война снимала свой урожай.

Какой-то здоровенный шведский фельдфебель, выскочив вперед, ударил штыком в лошадь Давыдова. Целил в брюхо, да гусар вовремя взвил коня на дыбы, обрушив сверху сокрушающий удар сабли, что приобрел взамен той, сломанной. Добрый оказался клинок – уральский. Мощный удар расшиб шведу плечо, едва не отрубив напрочь правую руку... Кривясь

от боли, фельдфебель выронил из рук мушкет, упал на колени...

Денис проскакал мимо... едва не угодив под мощный залп! Вовремя заметив стрелков, штабс-ротмистр бросил коня в сторону, обернулся... и горестно поджал губы. Похоже, атака захлебнулась – шведы активно отстреливались, перестраивались и временами контратаковали.

– Отходим! – оценив сложившуюся обстановку, глухо скомандовал Кульнев.

Жалобно запела труба...

Денис повернул коня. Ища глазами друзей... тех, кто остался... Помахал саблей Культякову – поручик выглядел весьма браво, правда, где-то потерял свой кивер, видать, сбило картечью или пулей... Где же, черт побери, корнет?

– Эй, Костя, Тошки не видел? – нагнав Культяков, закричал Дэн.

– Рядом был все время... Да вон он! Ранен, кажется...

Скакавший позади всех корнет и впрямь держался в седле как-то кривовато и все время прижимал правую руку...

Денис придержал коня, подождал:

– Ранен, парень?

– Рука...

Юный гусар попытался улыбнуться. Получилось не очень: скорей, не улыбка – оскал. Черный провал рта, запекшиеся губы, бледное, как простыня, лицо...

– Ничего! – подбодрил Денис. – Рука не живот. Прорвемся!

– Прорвемся, – Тошка покивал... и вдруг начал заваливаться в седле.

– Эй, эй...

Беспокоясь, штабс-ротмистр подскочил ближе, подхватил парнишку...

– Ну-ну... Прорвемся! Ну-ну... Потерпи чуток, парень.

Корнет вдруг распахнул глаза, с ужасом глядя куда-то в сторону Оравайса:

– Там... там...

Денис обернулся и закусил губу: преследуя отступающих кульневцев, растянулись по всему фронту шведские кирасиры! Враги приближались, уже хорошо видны были их сверкающие палаши...

– Эх, Тошка... Теперь уйти бы... А ну, давай-ка ко мне...

Как мог быстро, Давыдов пересадил теряющего сознание раненого на свою лошадь, погнался... чувствуя, что их, конечно, догонят. Не кирасиры, так драгуны. Не драгуны, так уланы, кто-нибудь.

Над головою вновь просвистело ядро. Ухнуло, гроыхнуло где-то совсем рядом. И тотчас же послышался крик:

– Дени-и-ис!

Культяков! Поручик! Заверотив коня, он несясь прямо на шведов, словно заговоренный от ядер, картечи и пуль. Весь такой красивый... Сверкающие серебром пуговицы, синий с белой шнуровкой доломан, ментик с голубою опушкой...

Что-то ухнуло. Громыхнуло. Вздрыбились в небо земля...

– Костя! – страшно закричал Денис. – Костя...

Не было больше лихого поручика Культякова Кости. Ни поручика не стало, ни коня. Одно лишь кровавое месиво.

– Эх, Костя, Костя... Ну, гады! Ну, сволочи... Ну, подождите...

Вражеские кирасиры уже охватили гусаров подковою, летели, кровожадно подняв палаши. Вот-вот зарубят... или захватят в плен. Впрочем, судя по злым ромам шведов, плен – это вряд ли!

– Не возьмете, – придерживая корнета, Давыдов пришпорил коня. – Вот хрен вам! Выкусите.

Шведы гнались, преследовали упорно... а потом вдруг как-то куда-то делись, пропали, сгнули. Денис на скаку обернулся, удивленно округлив глаза...

Откуда-то сбоку грянуло вдруг «ура!»... Господи... свои! Русские! Зеленые и белые пехотные мундиры, сверкающие штыки, барабаны раскатистой дробью! Много как... не меньше полка... уж никак не меньше.

Значит, что же? Не зря сдерживал шведов авангард Якова Петровича Кульнева! И поручик Культяков Костя погиб не зря. Все же сдержали, дождались своих... Вот она, пехота генерала Николая Ивановича Демидова! Та самая, о которой говорил Кульнев. Вот она... Дождались... Печатали шаг бравые усачи-молодцы. Бежали шведы.

Тем не менее враги упорно оборонялись до вечера. Ночью же войска генерала Демидова скрытно обошли шведские позиции лесом. Тем самым, непроходимым. Опасаясь возможного окружения, уже утром шведы дрогнули... отступили, ушли.

Тут бы их гнать и бить в хвост и в гриву, и дойти бы на неприятельских плечах до Стокгольма... Однако, увы! Нерешительный Буксгевден был смнен на своем посту главнокомандующего генералом Кноррингом... вдруг заключившим со шведами перемирие! Непродуманная глупость сия взбесила даже всегда спокойного императора Александра, и он даже послал в Финляндию своего полномочного представителя графа Аракчеева. Послал именно за тем – подгонять!

Коротая время в ожидании возобновления военных действий, генерал-майор Яков Петрович Кульнев вместе со своими войсками и штабом вновь обосновался в городке Хаминго, где все было уныло-знакомым, надоевшим уже до тоски. Вечно серое небо, ветер и сырость к началу зимы сменились морозцем и снежком, что вызвало хоть какое-то подобие веселья.

Солдатушки даже залили ледяную горку и катались там вместе с местной финской ребятней. Глядя на них, подтянулись и драгуны... а уж ежели драгуны, то гусарам-то уж сам бог велел!

Первым под общий хохот скатился Тошка. Рука его уже давно зажила, только вот с тех пор ныла на непогоду, словно суставы какого-нибудь подагрика или старика.

– А славно, господа! Ну вот, ей-богу, славно!

Выбравшись из сугроба, корнет выглядел таким счастливым и радостным, что гусары мялись недолго. Кто-то заранее припас куски рогожки, большинство же скатилось так, на рейтузах... не побрезговал, конечно же, и Денис!

Ка-ак ухнул, да метров с полсотни по льду, потом по снегу – в сугроб... И вправду весело!

Эту манеру катания на рогожках постепенно подхватили и местные жители... и даже не только местные, но и те, кто приехал из Або, Таммерфорса, Улеборга... Отпраздновать Рождество с родственниками или на мызе. Теперь катания стали гораздо интереснее! Появились нарядно одетые дамы, смешливые городские девицы, за которыми грех было бы не приударить, тем более делать-то все равно было нечего.

Даже юный корнет Тошка быстро отыскал себе «на горке» молоденькую подружку. С оной юной особой молодой человек не только катался на одной рогожке, но и под ручку гулял. Дальше поцелуев дело у парня, похоже, не шло, потому как ежели б шло, так корнет уж всяко поведал бы о том своим друзьям-гусарам... Ах, жаль, жаль, Костя Культиков погиб, славный был воин да и сердцеед недурной – так бы уж сейчас порезвился...

Вспомнив погибшего приятеля, Давыдов немного взгрустнул и, отряхнув снег, решил прогуляться в одиночестве, просто подышать воздухом без всякой суеты, чему так способствовал погожий и теплый воскресный денек. Желтое солнышко не просто светило – растекалось по палевым облакам золотой сверкающей лавою, сияло на заиндевелых

деревьях, отражалось от снега, так, что было больно смотреть.

Денис невольно зажмурился... и тут вдруг услышал голос:

– Что же вы это, господин гусар! На меня даже смотреть не хотите?

Тут же распахнув глаза, молодой человек обернулся:

– Матильда! Вы... вы здесь! Вот уж не ожидал встретить.

– Видите ли, Денис Васильевич... Мой муж отправился в Санкт-Петербург по одному неотложному финансовому делу. А я... я осталась одна... Вот и подумала: поеду-ка на Рождество на мызу, в деревню! У нас в Або сейчас все серо и сыро, здесь же... Сами видите, какая красота!

Как и прежде, баронесса сияла ослепительной красотой! Даже, пожалуй, стала еще красивее, утонченнее, что ли. То ли побледнела, то ли похудела... На фоне аристократически бледного лица карие, обрамленные пушистыми ресницами очи казались особенно большими и чувственными. Из-под кашемировой накидки-мантильи виднелся подол серого шерстяного платья, голову же баронессы покрывала классическая темно-вишневая шаль, тонкие руки были затянуты в перчатки.

– Ах, Денис Васильевич, я хочу вас поблагодарить за свое освобождение... Меня ведь поначалу приняли за шпионку, вы знаете?

Штабс-ротмистр закашлялся:

– Ах, ну да, ну да...

– Правда, обращались достойно, а вскоре вообще выпустили. Как сказали – именно вашими стараниями.

– Ах, госпожа Матильда...

Гусар не знал, что и сказать, но все же нашелся:

– Мы же, кажется, с вами были на «ты».

Пухлые губки баронессы растянулись в улыбке:

– Мне тоже так кажется. А знаете... Знаешь, что, Денис Васильевич! А давай-ка ко мне на мызу. У меня здесь сани с кучером. Кстати, говорят, шпионкой-то оказалась моя двоюродная кузина! И ей помогал мой слуга Матиас! Да-да, мальчишка... Его, правда, тоже отпустили. А вот Анна-Кайса сбежала в Швецию. У нее родственники в Гетеборге. Будет там блистать на балах... если денег хватит.

– На мызу... – Давыдов задумался, и Матильда мягко взяла его за руку, заглянула в глаза:

– Ну, поедем! Ну, правда... Ведь сочельник же!

«И правда – сочельник, – подумал Денис. – Католическое – финское – Рождество оно вот уже – завтра».

– А и поедем, – все же решился штабс-ротмистр. Да и как было бы не решиться, иначе какой бы он был гусар?

Сани и впрямь стояли невдалеке, у военных складов... тех самых, где ушлая саамская колдунья чуть было не отравила господ офицеров шампанским, точнее говоря, подсыпанным в бутылки ядом. Ах, Тарья, Тарья... Сбежала тогда. Так и не поговорили толком. Обещала письмо написать... да где оно, то письмо? Ага, напишет она, как же! Дождись, жди...

Кучер оказался Давыдову не знаком, впрочем, это было неважно. Уже часа в два пополудни хозяйка и гость уселись за обеденный стол. Все тот же мальчишка слуга Матиас (о, тот еще фрукт!) ловко сервировал стол, разливая по тарелкам наваристый финский суп из форели. Он же разлил и шампанское...

Денис и Матильда чокнулись... посмотрели друг другу в глаза... И больше ничего говорить уже было не надо! Что зря болтать, когда все и так ясно без слов?

– Матиас... – поставив наполовину выпитый бокал на стол, баронесса повелительно щелкнула пальцами. – Возьми Конрада и Хейко, да отправляйтесь скорее за елкой. Что это такое – сочельник, а рождественской елки нет!

Естественно, баронесса говорила со слугою по-фински... но гусар уже кое-что понимал.

– Госпожа! – Матиас выпятил грудь. – Arvoisa, olemme tutkineet jälkeen hyvä kuusen ympärillä. Voi käsitellä sitä nopeasti!^[8]

– Voi, ei, ei! Ota aikaa. Tässä on rahat. Mene matkalla publiin juomaan^[9].

С этим словами Матильда протянула слуге несколько серебряных монет и, выпроводив парня за дверь, пояснила:

– Они срубят елку и заедут в трактир. Пусть выпьют за мое здоровье... У нас есть часа два...

Дальше можно было не продолжать. Баронесса и не продолжала. Просто встала со стула, потянулась, сбросив на кушетку накинутую на плечи шаль. Модное голубое платье ее, пошитое из тончайшего батиста, как тогда говорили «dans le style antique», имело обширнейшее декольте и коротенькие – фонарями – рукавички, почти полностью обнажавшие руки.

Заглянув в окно, Денис подошел к женщине сзади, обнял, поцеловал в шейку... и осторожно спустил платье с плеч... Очень хорошее платье... очень быстро снималось... соскользнуло буквально в один миг, явив восторженному взору гусара поистине греческую фигуру!

Подхватив нагую красавицу на руки, молодой человек закружил ее,

положил на кушетку, и, опустившись на колени, принялся покрывать поцелуями изысканно-белое тело...

К возвращению слуг гость и хозяйка вполне прилично сидели себе за столом и пили шампанское.

– Meillä toi joulukuusi! – войдя, снял шапку Матиас.

Красавица улыбнулась:

– Они привезли елку. Думаю, мы поставим ее здесь. Tuoda. Tänne laittaa!

За всеми хлопотами не заметили, как стемнело. Впрочем, в Финляндии в это время года темнело быстро, почти и дня-то не было. Как и в Санкт-Петербурге. Там, где летом белые ночи, зимой – черные дни.

Денис Васильевич счел не совсем приличным оставаться на ночь. Слуги всенепременно растрезвонили бы, а баронесса Матильда все же была солидной замужней дамой. Которую вовсе не стоило компрометировать – Давыдов все же был человеком чести! А посему откланялся.

– Конрад доведет вас до Хаминго, – красавица улыбнулась на прощание. – Эй, Конрад...

Выйдя на крыльцо, гость чуть задержался, дожидаясь, пока подадут сани. Посмотрел на звездное небо, на месяц, зацепившийся за сумрачные вершины сосен, улыбнулся...

– Sinulle kirjeen, Herra, – подойдя сзади, тихо сказал Матиас. – Пис-мо.

– Письмо? – гусар удивился... хотя не совсем. В принципе, он ведь и ждал письма... только вот при чем тут слуга?

Сложенный вчетверо лист желтоватой шведской бумаги, заклеенный похоже, что рыбьим клеем, Дэн распечатал уже в своей комнатенке в Хаминго. Велел Андрюшке-слуге зажечь пару свечей, уселся за стол, сбросив доломан на печку...

«Lupasin kirjoittaa. Halusin sanoa. Kiitos. Tiedän, velho, Croato vie sielusi. Mutta et ole kuollut. Niin, sinulla on kaksi sielua. Nyt siellä oli yksi. Et ole sinä. Et ole täältä. En tiennyt sitä ennen. Mutta hän ei. Nyt – uskoa...»

Увидев финские слова, гусар растерянно потянулся к трубке. Раскурив и выпустив в низкий потолок клубы табачного дыма, снова подозвал слугу:

– А ну, Андрей Баткович, сбегай-ка за толмачом. Поди не спит еще. Скажи, чтоб шел сей же час.

– Ага, батюшка! Все сделаю, не сомневайся. Толмача враз сыщу.

– Ну, ступай, ступай. Всем бы такого слугу, да.

Толмач явился минут через пять и перевел быстро – да и что тут было переводить-то? Денис же все записал в заветную свою, «поэтическую», тетрадочку. На всякий случай. Чтоб потом перечитать, поразмыслить. Вот что вышло.

«Я обещала написать, – выводила Тарья старательным девичьим почерком, как пишут те, кто недавно научился письму. – Я хотела сказать. Спасибо. Я знаю – колдун Кройто забрал твою душу. Но ты не умер. Значит, у тебя две души. Теперь осталась одна. Ты – не ты. Ты – не отсюда. Я знала это и раньше. Но не верила. Теперь – верю... Мы с тобой встретимся еще. Я знаю».

«Знает она, – посасывая кончик трубки, задумался Дэн. – Две души, говорит, было. Теперь – одна. Выходит, тот колдун, Кройто, забрал-таки душу гусара! Ну, это я и без Тарьи знал... догадался как-то. Хорошо хоть не полностью душу забрал, хоть что-то осталось. А-то как бы я нынче на коне скакал да махал саблей? Конечно, научился бы... Но это же – время, время... Эх! Не то написала колдунья. Вовсе не того я от нее ждал. Ждал, что подскажет – как выбраться? Как вернуться? Туда, к себе... Впрочем, и здесь уже привык, несмотря на то что война. Так ведь почти четыре года прошло... да, четыре. За это время к чему хочешь привыкнуть можно. Получается, и здесь уже – «у себя». И... там... в академии... там таких друзей не было! Таких вот, как здесь! Лешка Бурцов, Кульнев, Тошка, да множество... Еще Костя Культяков... Ах, Костя, Костя... Царствие тебе Небесное! Друзья... есть ли что-либо приятнее сердцу? Ну, окромя родителей... Родители... Родители гусара, похоже, живы еще. Еще придется их навещать... и как тогда? А, увидим...»

Денис вновь выпустил дым и вытянул ноги к печке:

«Трубка... Что ж я ее курю-то? Раньше ведь, там, не курил... А тут вот... Это все гусар? Ему приятно? Или я уже тоже втянулся, привык. Вроде и согревает. И прогоняет грусть».

– Батюшка, не изволишь ли щец? – отвлек от раздумий Андрюшка. – Хорошие щи, наваристые. С солью!

Гусар отмахнулся:

– Да уж, благодарствую, Андрей Батькович, в гостях ухи накушался. Ты, братец, это... ты ступал бы уже спать.

– Ага, барин. Покойной ноченьки!

Подстелив тулуп, ординарец завалился за печкою и вскоре заливисто захрапел. Денис же все сидел за столом, дымил трубкою, думал... Вот опять же, все эти словечки, манера говорить – она ведь, без сомнения,

здешняя. Все эти «право же», «братец», «отнюдь»... Да и французский...

«Je sais pas en français! Je parle couramment le français, un peu plus, je lui parle! Bien plus tôt, le cadet Davydov cette langue ne le savais pas»^[10].

* * *

– Лед треснул, братцы! Лед...

Кто-то из вестовых крикнул это так громко, что все гусары, вздрогнув, разом повернули коней. Почти все гродненцы уже перебрались на пологий заснеженный островок, один из островов Аландского архипелага, что тянулся от низких финских берегов почти до самого Стокгольма. Князь Багратион давно уже предлагал совершить по островам победоносный рывок до шведской столицы... и вот, наконец, командование на сие решилось!

Непобедимый авангард Багратиона – кульневцы – во главе со своим генералом, бесстрашно взошли на лед, один за другим сгоняя шведов с попадавшихся по пути островов, больших и, мягко говоря, не очень. Вот как этот...

Погода портилась, налетал ветер, теплело. Лед уже начинал проваливаться, вот и сейчас не вынес тяжесть обозных саней.

– Лошадей! Вытаскивайте лошадей! – Подскакав, Денис спешился, бросился вместе со всеми к разверзшейся полынье, заполненной белыми осколками льда – шугой. Сильные руки солдат уже подхватывали коней под подпруги, кто-то уже ухватился и за оглобли...

– Эх, братцы, ухнем!

– Мешки, мешки тащи! Бросай сани, – закричал Давыдов, глядя, как сани неумолимо уходят под воду. Да и черт с ними! Деревянные – не утонут. Вот лошадки... лошадок жалко – вода-то холоднющая...

– А ну, потянем! Ага... И-и-и... раз-два... взяли!

Потянули друженько. Гусары, драгуны... кто был. Обычно гусары к едущей пехоте – драгунам – относились так себе, с неким оттенком презрения и жалости. Не повезло людям, что ж. Драгуны, впрочем, платили гусарам той же монетой, считая их неженками и лишенными даже намека на мораль. Так было во всех армиях мира, и Россия не являлась исключением. Однако в суровые дни боев все это куда-то пропадало... чтобы на привале, на отдыхе, возродиться вновь.

– И... р-раз... Взялись, драгунушки! От гусар-то какая подмога?

– Эй, гусары! А ну-ко, покажем... Йэх!

Взялись. Гикнули. Вытянули. Гусары – лошадку, драгуны – сани с продуктами. Другая лошадка все же пошла ко дну, не упасли голубушку, не успели.

Вытащив сани на берег, соратники принялись живенько разводить костер – обогреться. Кто-то из драгун побежал в рощицу, рубить сушины... да не успели, видать, не судьба.

Подскакал вестовой – корнет Тошка, завопил ломкими своим голоском что есть мочи:

– Шведы-ы! Шведы!

– Стройся! – взлетел на коня Давыдов. – Оружие – к бою.

Выстроились и гусары, и драгуны. Зарядили пистолеты и ружья, приготовили сабли и палаши.

– Так где, говоришь, шведы, корнет?

– А вон! – Тошка показал рукою. – Прямо за тем леском. Версты три... Изو льда чего-то там понастроили.

– Изо льда? Ну-ну... поглядим... Слушай мою команду! – на правах личного адъютанта генерал-майора Кульнева Денис взял командование на себя. – Гусары! Обходим лес слева... Драгуны... на первый-второй рассчитайся!

– Первый... второй... первый...

– Первые номера – обходите лес справа. Как и гусары – конно. Вторые номера... спешились. Идете прямо через лес! Всем ясно?

– Так точно! – доложил драгунский поручик, здоровенный малый с широким крестьянским лицом. – Ясно, господин штабс-ротмистр. Разрешите исполнять?

– Вперед... И да поможет нам Господь, братцы.

Русская кавалерия обогнула лес двумя разноцветными лавами: синей – гроднеских гусар, и темно-зеленой, драгунской. Изо всех выделялся лишь командир – штабс-ротмистр Давыдов. Лейб-гвардия, чего уж... Яркий красный доломан, такой же ментик. Золотые пуговицы, желтые шелковые шнуры... Вот уж верно сказано: хочешь быть красивым – поступи в гусары.

Обогнули лес – местами пришлось идти и по льду, по морю – выбрались на относительный простор... ринулись, понеслись! Слева – гусары – синие. Справа – зеленые драгуны...

– Ур-ра-а-а-а!

Над неприятельским редутом появились дымки: затрещали выстрелы, засвистели пули.

Куски снега и льда летели из-под копыт, неслись на ледовый редут гусары, и в числе первых – Денис Васильевич Давыдов, Дэн... Лошадь заскользила по льду, завалилась на бок... и вовремя – пронеслись совсем рядом пули. Штабс-ротмистр выбрался, подхватил саблю и попытался взобраться на ледовый вал... Не получилось. Скользко! Так же скользили и другие – гродненцы, драгуны, подоспевшая пехота...

– А ну, братцы, с разбега! – выкрикнув, Давыдов взмахнул саблею, отдавая приказ солдатам: – Поддержите огнем! Как побегим – дайте залп, а уж потом – бросайтесь следом в штыки.

Так и сделали. Отошли драгуны и гусары. Прикрывая их, грянул ружейный залп. Попадали с редута убитые шведы, и Дэн, махнув саблею, бросился в атаку, увлекая за собой всех.

– Ур-ра-а-а!

Добежали. Забрались. С разбега, помогая друг другу. Очутившись на ледовом валу, штабс-ротмистр бросился вниз, с отяжкой рубанув целившегося в него шведского гренадера. На лице шведа вспыхнул алый косой шрам... брызнула кровь... выпали из рук пистолеты...

А тут и свои подоспели:

– В штыки, братцы! Коли их! Ур-ра-а-а!

Ледовый редут был взят, дорога на шведский берег – открыта.

В этот же день авангард генерал-майора Кульнева с ходу взял прибрежный городок Гриссельгальм, а еще через пару дней русские войска подошли к Стокгольму. Шведы выбросили белый флаг – сдавались, и королевский парламентар, срочно прибывший к Кульневу, слезно умолял не подвергать город разграблению.

– Не разграбим, – дал слово Яков Петрович.

Этого слова шведам было достаточно. Кульнева уважали все, и сам шведский король Густав Вильгельм был его ярым сторонником и доброхотом! Так уж вышло, да.

Под барабанный бой русский арьергард вошел в сдавшийся город. Шведская столица притихла, впрочем, никакой паники не было: король оставался в городе, полицию никто не разгонял, и даже войска не разоружили. Просто взяли слово – «не воевать», и шведы его держали, по крайней мере, насколько можно было судить.

Четко печатая шаг, маршировала перед королевским дворцом русская линейная пехота. Чинно проехала кавалерия – драгуны, егеря, «синие» гродненские гусары. Денис Давыдов, блистая щегольским лейб-

гвардейским мундиром, держался по левую руку от своего прославленного командира и друга.

Вечером король пригласил Кульнева во дворец, куда Яков Петрович и явился в сопровождении адъютантов. Шведский венценосец Густав Вильгельм, оказывая великую честь, принял визитера стоя.

Яков Петрович и все его адъютанты, в том числе и Денис, с достоинством поклонились.

В своей краткой речи Густав Вильгельм искренне поблагодарил генерал-майора за сохраненный в городе порядок и пригласил на обед... точнее говоря, на ужин. В главной приемной зале уже были накрыты столы, туда и отправились ведомые их королевским величеством гости.

В позолоченных канделябрах жарко горели свечи. Играла музыка – в королевский дворец нынче был приглашен весь стокгольмский бомонд: важные господа, изысканно одетые дамы...

– Рад видеть вас, господин штабс-ротмистр, – после танцев кто-то совсем по-приятельски подхватил гусара под руку.

Денис повернул голову и хмыкнул:

– И вам не хворать, господин Шенгранн... То есть простите...

– Ларс. Ларс Ульвеус. Полковник королевского генерального штаба... и, смею думать, ваш друг!

В синем с золотыми эполетами мундире, с крестами и звездами многочисленных орденов, полковник выглядел нынче довольно Bravo, ничем не напоминая того одутловатого увальня банкира, кем прикидывался еще не так давно.

Ну Ларс, ну чертушко! Друг-то друг... А колдуна натравил! Дэн усмехнулся – съездить ему по физиономии, что ли? Да чего уж теперь, после драки-то кулаками... Разве что напиться до соплей да высказать под водку все, что в душе накипело... Так немного и накипело. В конце концов, этот чертов швед просто делал свое дело... и делал, надо сказать, неплохо.

– Вы водку пьете, Ларс?

– Пью. Но... – полковник вдруг замялся, словно бы собиравшись с духом что-то сказать... что-то такое неприятное либо неловкое... – Знаете, друг мой, вас очень хочет видеть одна молодая особа. Прямо упрашивала, чтоб я вас привел.

– Что за особа? – насторожился гусар. Впрочем, он уже догадывался – кто так хотел встречи. Та самая...

– Здесь недалеко, на набережной Стрэндваген, – уклончиво пояснил швед. – У меня карета.

Денис рассмеялся:

– Так и я не пешком! Ну, что же, Ларс, едем. Надеюсь, вы не захотите меня отравить?

– Что вы, Денис, что вы! Ведь мы же друзья.

Ряд нарядных доходных домов, желтых с белой лепниной, отражался в заливе. Парадный вход, ливрейный слуга, широкая мраморная лестница, устланная синей дорожкой. Третий этаж, апартаменты... анфилада комнат... небольшой, украшенный картинами и все той же лепниной зал с клавесином. Слышалась музыка. За клавесином, спиной к вошедшим, сидел щуплый молодой человек в синем, расшитом золотыми позументами мундире королевских гренадеров.

Подойдя ближе, полковник Ульвеус кашлянул и что-то сказал по-шведски. Молодой человек тотчас же перестал играть, обернулся...

– Тарья! – узнал Денис.

Что ж... не особенно-то он и удивился.

Саамская красotka улыбнулась, колдовские, зеленовато-карие глаза ее вспыхнули радостью:

– Де-нис! Hei! Olen hyvin iloinen nähdessäni sinut.

– Она очень рада вас видеть, – перевел швед.

Гусар улыбнулся:

– Я тоже рад. Письмо получил, но... осталось слишком много вопросов.

Почему юная колдунья прибегла к помощи переводчика, да еще такого... ммм... прямо скажем – одиозного типа? Эта хитрая девчонка ведь могла говорить и по-русски, правда чуть-чуть. Вот именно чуть-чуть. А тут, как видно, что-то хотела передать точно.

– Она попыбует ответить, – выслушав девушку, пообещал полковник. – Как уж получится, и что сможет... Надеюсь, в вашей беседе не будет никаких военных тайн?

– Да если и будет, так что ж? Мы ж нынче друзья!

Герр Ульвеус не выдержал, рассмеялся. Денис же оставался серьезен, думая, как сформулировать вопрос.

– Тарья... ты... ты знаешь, кто я?

– Говорит, вы не из нашего мира. Чужой, – переведя, полковник хмыкнул и тихонько добавил от себя: – Несет невесть что. Видать, опилась мухоморов. Ох уж эти мне лапландцы...

– Я смогу вернуться обратно? Туда, где жил? – ничуть не стесняясь переводчика, негромко спросил Дэн.

И был оглушен ответом:

– Нет. Никогда. Вы там есть.

– Что?

– Вы там есть, – гере Ульвеус равнодушно пожал плечами. – Не знаю, что это значит, но сказала она именно так.

– Mutta voit olla onnellinen täällä! Erittäin hyvin onnellinen. Luota minuun! – встав, Тарья мягко провела ладонью по щеке Дениса.

– Говорит, вы будете очень счастливы здесь, – полковник обескураженно покусал губу. – Очень счастливы – так она сказала.

* * *

Стокгольм пришлось вернуть обратно шведам. Явился императорский гонец, передал приказ... Простившись с любезнейшим королем Густавом Вильгельмом, Яков Петрович Кульнев покинул Швецию вместе со всем своим войском. Война закончилась. По условиям мирного договора Великое княжество Финляндское вошло в состав России. За беспримерную доблесть и талант полководца генерал-майор Кульнев был награжден множеством орденов. Давыдов же, будучи представленным к ордену Святого Георгия, удостоился лишь Высочайшего благоволения... Император не забывал обид. Да и черт с ним, с императором! Один царь, другой – какая разница? Не ради царей воевали, но – ради Отечества, ради России! И Давыдова, и Кульнева, как и многих других, ждал еще 1812 год, ждало Бородино, ждали Париж... и бессмертная слава.

notes

Примечания

1

«Куда не стыдно пойти приличному человеку».

Страшные.

3

Небольшая гусарская сумка.

4

Здравия желаю, господин штабс-ротмистр!

И ты будь здоров, герой. Как рука?

Уже почти зажила, господин штабс-ротмистр. Мне перевязали в лазарете.

Знак отличия нашего короля Густава Вильгельма. За боевые заслуги, господин штабс-ротмистр.

Госпожа, мы уже присмотрели хорошую ель здесь неподалеку.
Справимся быстро!

О, нет, нет! Не торопитесь. Вот тебе деньги. Поезжайте по пути в трактир, выпейте.

Я знаю французский! Я свободно говорю по-французски, мало того, я на нем общаюсь! Хотя раньше курсант Давыдов этого языка не знал.